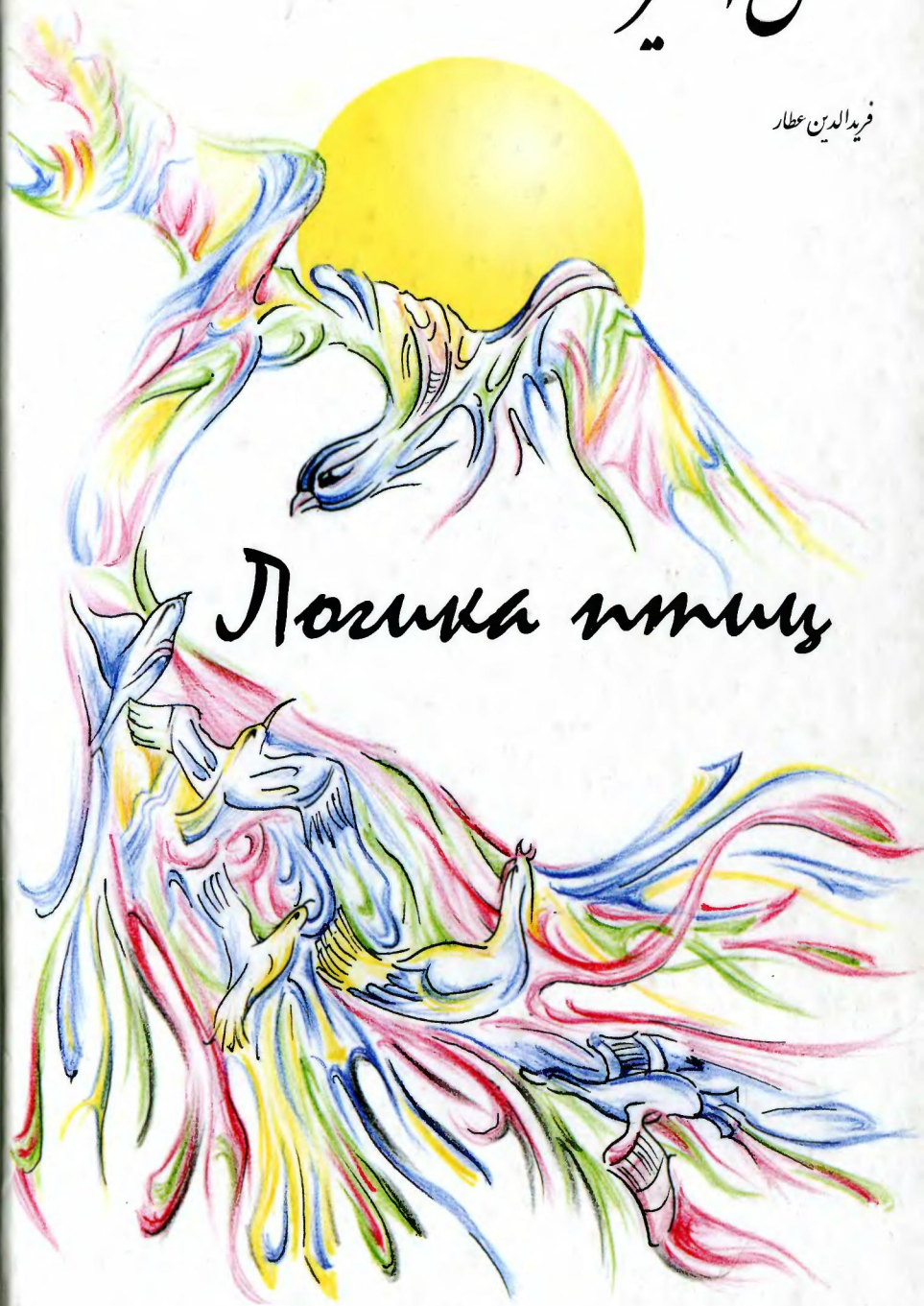

Фарид ас-Дин Аттар

منطق الطير

فریدالدین عطار

Логика птиц

Фарид ад-Дин Мухаммад ибн Ибрахим Аттар

Логика птиц

Издательство «Номос»
Москва, 2009

УДК 821.221.1-1

ББК 84(0)4

А92

Аттар, Фарид ад-Дин Мухаммад. Логика птиц / Пер. с персидского. — М.: Номос, 2009. — 312 с.

А92 Шейх Фарид ад-Дин Аттар Нишапури — духовный наставник и блистательный поэт, живший в XII в. Данное издание представляет собой никогда не публиковавшийся на русском языке перевод знаменитой поэмы Аттара «Логика птиц», название которой может быть переведено и как «Язык птиц».

Поэма является одной из жемчужин персидской литературы. Сюжет её связан с историей о путешествии птиц, пожелавших отыскать своего Господина, легендарного Симурга, — эта аллегория отсылает к историям о реальных духовных странствиях людей, объединившихся во имя совместного поиска Истины, ибо примеры подобных объединений в истории духовных подъемов человечества встречаются повсеместно. Есть у Аттара великие предшественники и в литературе народов, воспринявших ислам, — в их числе достаточно назвать Абу Али ибн Сину и Абу Хамида аль-Газали, оставивших свои описания путешествий к Симургу. Несмотря на это, «Логика птиц» оказалась среди классических произведений, являющих собой образец сбалансированного изложения многих принципов и нюансов духовного пути. Критики отмечали, что Аттару в иносказательной, аллегорической форме удалось не только выразить очень многое, но и создать тонкий аромат недосказанности и тайн, для обозначения которых в обычном языке нет адекватных понятий и слов. Это сочетание, поддержанное авторитетом и опытом самого шейха Аттара, позволяло поэме на протяжении веков сохранять свою актуальность для множества людей, сделавших духовную практику стержнем своего существования. И в наше время этот старинный текст волнует тех, кто неравнодушен к собственной судьбе. «Логика птиц» погружает вдумчивого читателя в удивительный мир Аттара, поэта и мистика, и помогает ищущим в создании необходимых внутренних ориентиров.

Издание представляет интерес для культурологов, историков религий, философов и для всех читателей, интересующихся историей духовной культуры.

Перевод с персидского: *Мостафа Борзуи*

ISBN 978-5-9900868-4-5

© Мостафа Борзуи, перевод, предисловие, 2009.

© ООО «Номос», оформление, перевод, предисловие, 2009.

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой её части в любой форме запрещается без письменного разрешения издательства.

Жизнь Аттара

Об Аттаре написано много. Мы полагаем необходимым в этом предисловии к переводу привести лишь ограниченные сведения, оставляя читателю возможность более обстоятельно изучить и тексты, и биографию этого удивительного автора, опираясь на работы исследователей-профессионалов.

В среде историков и литературоведов принято считать, что его имя — Мухаммад. В некоторых произведениях¹ Аттар и сам говорит об этом: «Меня Мухаммадом зовут, и этот путь прошел я, как Мухаммад², о дорогой читатель!» Этим же именем называет его отец, благословляя сына перед своей смертью: «В час последний так сказал он, благородный: “О Боже, благослови Мухаммада!”³», — так рассказывает об этом Аттар в «*Асфар наме*». По обычаю тех мест и того времени, его звали также Абу Хамед, т.е. отец Хамеда. Но более он известен как «Аттар», что означает в переводе «продающий духи, благовония и лечебные травы». Аттар действительно изучал медицину и впоследствии занимался врачеванием, принимая в день до восьмисот больных и назначая им лечение травами.

Отец Аттара, Ибрахим Бен Исаак, происходил из селения Кадкан в местности Зарванд, что неподалеку от иранского города Нишапура. Он пользовался известностью и уважением среди односельчан. Существуют данные о его близости к суфийским кругам. Точные даты рождения и смерти его сына, Абу Хамеда ибн Абу Бакра Ибрахима Аттара, не установлены. Среди исследователей нет согласия на этот счёт, как нет единой точки зрения и о числе литера-

¹ «*Мосибат наме*», с. 367, изд-во «Завар», 1977, Тегеран. Здесь и далее, если не оговорено особо, — примечания переводчика.

² Аттар имеет в виду пророка Мухаммада.

³ «*Асфар наме*», с. 193, изд-во «Сафи Али Шах», 1949, Тегеран.

турных произведений, оставленных Аттаром. По мнению профессора Форузанфара⁴, Аттар родился в 540 г. по хиджре (1119 г. по Р.Х.) в том же селении Кадкан и погиб во время первого монгольского нашествия на Иран⁵.

Время яркой и насыщенной событиями жизни Аттара пришлось на период монгольских завоеваний. До варварского разграбления Нишапура монголами этот город по праву славился лучшими школами и другими учебными заведениями того времени. В них преподавали арабскую литературу, основы шариата, историю, химию, математику, медицину и астрономию. Одним из таких известных, даже знаменитых, учебных заведений был «Низами»⁶, в котором учился Аттар⁷, а ещё раньше из его стен вышли такие великие поэты и учёные, как Фирдоуси и Хайям, Хадже Туси⁸ и Хасан ибн Али Низам-аль-Мульк, Абу Хамид аль-Газали и другие.

Первым учителем Аттара стал шейх Хамзе, у которого он проходил стажировку по арабскому языку и шариату. Юноша успешно осваивал материал, и шейх Хамзе рекомендовал отцу Аттара отдать его в религиозную школу — медресе. Там Аттар наряду с арабским языком обучался фикху,⁹ логике, началам дисциплины ирфан¹⁰ и другим

⁴ Бади ал-Заман Форузанфар (1897–1970) — авторитетнейший историк персидской литературы.

⁵ По мнению других историков, Аттар родился между 1148 и 1151 годами по Р.Х.

⁶ «Низами» — учебное заведение, впервые организованное в Багдаде, в чём-то подобное университетам. Низами отличалось высокими требованиями к абитуриентам, а преподавали в нём лучшие учёные самых разных отраслей знания. Со временем по багдадскому образцу подобные заведения и под тем же названием были организованы во многих городах, а «Низами» в Нишапуре затмило багдадское по качеству подготовки слушателей.

⁷ Большинство биографических и исторических подробностей, связанных с жизнью и творчеством Аттара, мы приводим в соответствии с объёмным исследованием, опубликованным проф. Форузанфаром в Тегеране в 1960–1961 гг.

⁸ Туси — краткое имя-прозвище Абу Джафара Мухаммада ибн Мухаммада ибн Хасана, писателя, математика, создавшего в Мараге (Иран) колоссальную библиотеку и мощнейшую астрономическую обсерваторию своего времени.

⁹ Мусульманское право.

¹⁰ Ирфан — «познание». В смысле жизненной и духовной практики

наукам. Постепенно Аттар погрузился в изучение персидской литературы и её структуры. Одновременно он увлёкся медициной, знакомился с наукой о травах и их лечебных свойствах. Здесь, видимо, сказалось влияние отца, который был специалистом в этой области.

Таким образом, в юности Аттару посчастливилось получить разностороннее образование, которое в его время справедливо считалось блестящим. Аттар усваивал науки значительно быстрее других учеников, опережая их и в накоплении знаний, и в умении применять их на практике. В пятнадцать лет он уже хорошо владел арабским, знал арабскую литературу и начал детально изучать хадисы — рассказы о деяниях и словах пророка Мухаммада.

Монголы, овладевавшие в то время всё новыми странами и насаждавшие в них свои порядки, уже приближались к границам Ирана. Отец Аттара, пытаясь и обезопасить сына, и дать толчок дальнейшему его образованию, направил его в Индию с одним из своих верных друзей, индийским коммерсантом, в сопровождении вооружённой охраны. Тот проводил молодого человека до пределов Индии и при первой же возможности в городе Пенджаб передал его в руки тамошнего ученого и врача Пирана Рази, индийского перса, по вероисповеданию зороастрийца. При первой же встрече Пиран сказал своему новому воспитаннику: «Сын мой, надо поверить в то, что Господь сотворил любое существо не зря. Люди, животные и растения созданы Богом, и у каждого из них есть некое свойство. Мастерство человека заключается в том, чтобы раскрывать эти тайны и применять в жизни особую науку, связанную с этими свойствами». Эти слова остались в памяти Аттара навсегда — так глубоко он вдруг понял их значение.

Жизнь в доме нового наставника оказалась нелёгкой: Аттару пришлось много трудиться, а условия его ученического существования были более чем скромные. Под наблюдением учителя он усердно осваивал основы медицины, навещал вместе с ним больных, овладевая секретами врачебной практики. Уже через три года Аттар стал умелым

это самоотречение и следование за духовным наставником в область незримого. В «Низами» давалась необходимая догматическая подготовка для этого.

лекарем, и Пиран Рази торжественно ему заявил: «Я передал тебе все свои знания, мне больше нечему тебя учить». Обрадованный Аттар, полный надежд и устремлений, свойственных юности, решил вернуться домой. Он обратился к надёжному другу своего отца, индийскому торговцу Паркашу, с просьбой помочь ему уехать на родину. Но в тот же день в лавке Паркаша он встретил девушку, по имени Ахде Джахань, говорившую на фарси. За несколько минут разговора Аттар был так очарован собеседницей, что забыл о том, что хотел как можно быстрее возвратиться в Иран. Оказалось, что девушка — дочь Алямшаха Рази, брата его учителя медицины. При ходатайстве Пирана Рази молодой человек попросил руки девушки и получил согласие. Какое-то время молодая чета жила в Пенджабе, но довольно скоро Аттар вновь стал подумывать о возвращении на родину — вероятно, не последнюю роль здесь сыграло то, что браки между мусульманами и зороастрийцами среди того клана индийских персов, к которому принадлежала Ахде Джахань, были редким явлением.

Аттар вместе с юной женой вернулся в Нишапур. Образованность, красноречие, разносторонние способности и поэтическая натура за короткое время принесли Аттару признание окружающих. К тому же он был ещё молод, не испытывал нужды, и рядом с ним была очаровательная, желанная супруга. Аттар в полной мере испытал обычное, земное счастье, что в таком возрасте случается далеко не со всеми. Скоро он стал отцом, Господь подарил ему сына и дочь.

В этот период отец как-то направил Аттара пожить в одной из ханака¹¹. Аттару там не понравилось, и он вернулся к прежней весёлой жизни со своей любимой женой и детьми. Миновало пять лет — и судьба показала ему своё второе, жестокое лицо. Жена его заболела неизлечимой болезнью и в 566 г. по хиджре (1145 г. по Р.Х.) скончалась. Аттар очень тяжело переживал потерю, и не исключено, что под влиянием этого события характер его творчества, его философские взгляды, как и вся его дальнейшая жизнь, кардинально изменились.

¹¹ Ханака — специально отведённое место для интенсивной практики и собраний суфиев и дервишей.

Опасаясь за здоровье и душевное состояние сына, отец Аттара повёл его к шейху Саадоддину Аболфазлу ибн Рабибу. С первых минут встречи Аттар был поражён тем, какое глубокое уважение и почтение его отец выказывал шейху. Он спросил шейха: «Как можно приблизиться к Богу?» Шейх ответил: «Во-первых, выполняй все религиозные обязанности, не совершая запретного. Во-вторых, никого из людей, будь то молодые или старики, дети или взрослые, мусульмане или немусульмане, арабы или персы, не считай ниже себя. Учись служить всем людям». Сказанное шейхом, как и вся атмосфера встречи, произвели на Аттара глубокое впечатление. В тот же день, возвращаясь домой, он поприветствовал служанку.

С тех пор он стал регулярно посещать ханаку этого шейха. Здесь, в общении с шейхом и его окружением, ему был дарован первый духовный опыт. Не удивительно, что именно в этот период жизни у Аттара развились и укрепились его мистические взгляды на человека и мир. После этого Аттар, избравший духовную практику главным делом своей жизни, проходил различные этапы суфийского духовного пути. Через некоторое время он заслужил прозвание Фарид ад-Дин, что означает «единственный в религии», однако он сам всегда предпочитал имя Аттар.

В жизнеописаниях Аттара, как и в любых других жизнеописаниях, будь то биографии Ибн Сины или Омара Хайяма, легенды и реальные события переплетены так, что правду не отличить от вымысла. Это касается и исторических подробностей обыденной жизни Аттара, и особых рассказов, показывающих его духовный статус и духовные способности. Широко известен сюжет об обращении Аттара. Однажды он, как обычно, торговал в своей лавке. К нему подошёл дервиш с просьбой о милостыне. Аттар отказал. Дервиш упрекнул Аттара: «Как ты будешь умирать?» В ответ Аттар спросил: «А ты как будешь умирать?» Дервиш положил свою деревянную чашку под голову, произнес имя Аллаха и умер. Поражённый Аттар пошёл в ханака к шейху Рокнеддину Аккафу, при нём покался и навсегда избрал для себя аскетический образ жизни.

Совсем другая история о начале его духовного пути

относится к ритуалу получения Аттаром хирки¹². В суфийской традиции этот ритуал означал, что шейх признаёт послушника, дервиша достойным вести самостоятельную проповедь и собирать учеников. Эту историю приводит Джами¹³, сообщая, что Аттар получил хирку из рук шейха Мадждоддина Багдади. Сам же Аттар в своих произведениях упоминает шейха Рокнеддина, говоря об их внутренней связи, возникшей при личном знакомстве. Однако, по мнению профессора Форузанфара, Рокнеддин Аккаф, улем и аскет, не был суфием. Не существует ни одного достоверного свидетельства современников о его принадлежности к суфийским кругам. Наконец, Рокнеддин Аккаф скончался в 549 г. хиджры, когда Аттар был ещё ребенком. Мадждоддин Багдади был убит в 613–616 г. хиджры, и упоминание Давлатшаха¹⁴ об Аттаре, где также говорится, что «шейх Фарид ад-Дин получил священную хирку из рук царя влюбленных и гордости павших — шейха Мадждоддина Багдади», видимо, ближе к истине.

Далее Джами пишет об Аттаре так: «...Некоторые сказали, что он был сторонником Увайса». Современник пророка Мухаммада Увайс Герани¹⁵, по общему признанию, был суфием и прошёл суфийский путь до конца, но, несмотря на всю его любовь к Пророку, ему так и не удалось встретиться с ним. Поэтому в последующих периодах суфии, которые не выбрали себе наставника, но пользовались их духовными системами, какое-то время назывались «увайси», т.е. сторонниками, последователями Увайса. Джами уделяет внимание этим деталям, так как особый жанр жизнеописаний суфиев, развившийся в законченную литературную форму уже во времена Ансари¹⁶ и Худжвири¹⁷, требовал чёткого указания на линию духовной преемственности.

¹² Шерстяной плащ, суфийское облачение.

¹³ «*Нафахат ул'-онс*», с. 599, изд-во «Тухиди Пур», Тегеран.

¹⁴ «*Шархе ахваль ванагде в тахлиле асафе шейх Фаридоддин Мохаммад Аттар Нишапури*», с. 6, 1974, Тегеран.

¹⁵ Об Увайсе Герани [Карани] см. Худжвири. «Раскрытие скрытого», М.:2004. — Прим. изд.

¹⁶ Абд Аллах Ал-Ансари ал-Харави (1006–1089), известный суфийский учитель из Герата. В 1026 г. учился в Нишапуре. — Прим. изд.

¹⁷ Ал-Худжвири Абу-л-Хасан (ум. между 1072 и 1077 гг.) — автор первого на персидском языке систематического труда по суфизму. Родом

Сам Аттар, также составивший одно из ранних подобных жизнеописаний, с особой почитательностью выделяет Абу Саида Аби'ль-Хайра¹⁸ и его современника Мансура Халладжа, обвинённого из-за своих мистических взглядов в ереси и казнённого. Не исключено, что и свою жизнь Аттар строил по Абу Саиду. Вот одно из четверостиший¹⁹ Аттара, посвящённое этому шейху:

*Всё, что в глубине души своей найду,
Являющее смысл миров обоим мне,
И слава, что я обрету, заметны
Лишь благодаря дыханию Абу Саида.*

Мансуру Халладжу, его воззрениям и трагической гибели Аттар в своей книге «Тазкират ал-аулийа», являющейся вышеупомянутым сборником жизнеописаний святых, посвятил целый раздел. Афлаки пишет²⁰: «Мауляна²¹ сказал, что свет Мансура Халладжа после ста пятидесяти лет после его ухода осветил душу Аттара, и Мансур стал его наставником».

Время, в которое сформировался Фарид ад-Дин Аттар, было достаточно сложным для исламской духовной традиции. Перед лицом опасности экстериоризации непостижимой жизни души и подмены внутренних ориентиров вторичными, внешними факторами лучшие умы того периода противостояли — каждый по-своему — и рационалистической философии, набравшей тогда силу в мусульманском мире, и сузившейся до предела исламской догматике. И эти, и внешние по отношению к исламскому миру причины действовали так, что обесценивались и даже осуждались любые попытки обрести индивидуальный духовный опыт. Аттар был хорошо знаком с идеями и построениями Фараби, Ибн Сины, Муллы Садра и многих других видных

из Газны, квартал Худжвира. Ссылки на него находим и у Аттара в «Тазкират ал-аулийа».

¹⁸ Об Абу Саиде Аби'ль-Хайре см. Худжвири. «Раскрытие скрытого», М.:2004. — Прим. изд.

¹⁹ Сборник Аттара 724–726 гг. «Тази Тафазоли», 1962.

²⁰ «Маназебеларефин», с. 582, «Тахсин Язиджи», Тегеран.

²¹ «Господин». Имеется в виду Джалал ад-Дин Руми (1207–1273) — знаменитый персидский поэт-мистик, основатель суфийского ордена Маулавийа.

мыслителей своего времени. Следуя примеру аль-Газали, он использовал обширную риторическую, литературную и философскую базу, чтобы полемизировать с философами рационалистического направления и побуждать читателя к духовной практике, которая только и представляла ценность для самого Аттара. «Стань человеком религии и обладателем тайн, отвернись от философского воображения», — пишет он в *«Мосибат наме»*. Абу Хамид аль-Газали действовал отточенным языком философского и богословского дискурса, Аттар же бросал вызов времени своей поэзией и художественной прозой.

Поэт и суфий говорили в нём друг с другом, питали и поддерживали друг друга, хотя его опубликованные произведения, конечно же, имеют некие ограничения из-за принципов, которым следовал суфий. В частности, Аттар крайне редко упоминает о себе. В отличие от Низами и многих других поэтов, всегда начинающих свои произведения славословиями в адрес шахов и эмиров, Аттар никого из правителей не упоминает в начале своих поэм. За редким исключением он говорит о власти имущих в конце — как было принято в ту пору. К слову, отсутствие ссылок на современников — одна из причин, по которой сложно определить, где начало и конец поэм Аттара и какова их последовательность.

Перу Аттара приписывают большое количество произведений, и единого мнения об их авторстве у исследователей, как уже отмечалось, нет. Профессор Саид Нафиси²² изучил более шестидесяти поэм, автором которых считают Аттара, и, по его мнению, только две из них (одна — известный текст *«Панд наме»*) действительно написаны Аттаром. С Нафиси согласен Мохаммед Хуссейн Форуги, однако профессор Форужанфар ставит под сомнение авторство Аттара. Придерживаясь более осторожной и выверенной точки зрения Форужанфара, можно с высокой степенью вероятности сказать, что Аттар является автором шести поэм (*«Мосибат наме»*, *«Элахи наме»*, *«Асраф наме»*, *«Хосров наме»*, *«Мохтар наме»*, *«Мантик ат-тайр»*) и сборника стихов.

²² Саид Нафиси (1899–1966) — известный иранский литератор и литературовед.

Одно из самых известных произведений Аттара — «*Тазкират ал-аулийа*». В его первой части — семьдесят пять разделов, во второй — двадцать пять. Каждый раздел начинается описанием жизни великих святых и суфиев. Первая часть заканчивается пространным рассказом о жизни и гибели Халладжа. «*Тазкират ал-аулийа*», написанный изысканной прозой, — поистине шедевр персидской литературы.

Профессор Форузанфар, проделав огромную исследовательскую работу с целью выяснить хронологическую последовательность появления произведений Аттара, полагает, что сначала была создана «*Мантик ат-тайр*» в 4458 бейтах, потом «*Элахи наме*» в 6511 бейтах, затем «*Мосибат наме*» в 7535 бейтах, «*Асфар наме*» в 3300 бейтах и, наконец, «*Хосров наме*» в 7837 бейтах. Известно, что сам Аттар среди всех рубаи особо отмечал «*Мохтар наме*», которое он сочинил в 5000 бейтов. Им было составлено значительное количество текстов, но большинство своих сборников и черновики Аттар регулярно либо предавал огню, либо бросал в воду.

Стихотворный сборник Аттара, в который входят газели и касыды, содержит более 9943 бейтов. Таким образом, общее количество их у него — 44590 бейтов. Авторство Аттара распространяют также на целый ряд известных поэм, например «*Мазхароалладжаб*» («Воплощение чуда»), «*Лесанолгейб*» («Язык тайн»), «*Джухаролзат*» («Суд Истины»), «*Оштор наме*» («Рассказы верблюда»), «*Лейли и Маджнун*», не говоря уже о десятках других произведений, которые, как известно, принадлежат не ему. Саид Нафиси отмечает, что существовало несколько поэтов, также носивших имя Аттар, и одним из них был Аттар-е-Туни, также прозванный Фарид ад-Дин.

Каждое произведение Аттара — это собрание разных поучительных, коротких или длинных, рассказов, охватывающих широкий круг мистико-суфийских и социально-культурных тем.

Как уже говорилось, Аттар жил во времена нашествия монголов на Иран. Есть несколько преданий о гибели Аттара, и во всех повествуется о том, что он погиб от рук завоевателей. Одна из самых распространённых легенд²³ тако-

²³ Почти все авторы, пишущие об Аттаре, повторяют данную версию легенды. В этом виде она взята из критического издания Аттара, опубликованного в Тегеране под редакцией Ахмеда Хатами.

ва. При осаде Нишапура монголами зять Чингисхана был убит. В отместку по приказу завоевателя почти всех жителей города и даже домашних животных, собак и кошек, вырезали. По городу пустили воду, и в течение семи дней она безостановочно текла по улицам. Дочь Чингисхана приказала, чтобы из всех пленных оставили в живых только сорок самых авторитетных учёных. Одним из них оказался Аттар, которому на тот момент шёл уже восьмой десяток лет. Отряд пленных отправили в Туркестан. Аттар так бранил монголов по дороге, что конвойные, обозлившись, решили его примерно наказать: привязали к хвосту лошади и пустили её бежать. В этот момент к монголам подошёл какой-то старик и попросил не добивать пленника, а продать ему в рабство за мешочек золота. Аттар заявил монголу: «Не продавай меня, я стою намного дороже». Но когда другой человек подошёл к монголу и попросил продать пленника уже за мешок шелухи, Аттар сказал: «Продавай меня, больше этого за меня не выручишь». Вzbешённый монгол нанёс Аттару смертельный удар кинжалом в живот. Так ушёл из жизни блистательный поэт и утончённый мистик Фарид ад-Дин Мухаммад ибн Ибрахим Аттар из Нишапура. Принято считать, что это произошло в 619²⁴ году хиджры (в 1198 году по Р.Х.).

Замечания о данном переводе

Знаменитую поэму «*Маитик ат-тайр*», название которой переводится как «Логика птиц» или «Язык птиц», можно считать во многих отношениях лучшим произведением Аттара. Формальный сюжет её прост, он выстроен вокруг истории о путешествии птиц, которые захотели отыскать своего Господина, легендарного Симурга, и эта аллегория отсылает к историям о реальных духовных странствиях людей, объединившихся во имя совместного поиска Истины. Возможно, Аттар сочинил «*Маитик ат-тайр*» под влиянием Ибн Сины или аль-Газали, так как у каждого из этих авторов есть аналогичные рассказы о путешествиях птиц. Но высокая художественность поэмы, точность выраже-

²⁴ Эту дату приводит Форузанфар.

ния мысли, поэтическое красноречие делают «*Мантик ат-тайф*» совершенно самостоятельным произведением.

Поэма написана изысканным слогом. Фонетика и игра с опущенными, согласно традиции, огласовками напоминает местами звуковое и смысловое письмо ОБЭРИУ. Мы вспоминаем обэриутов, конечно, только для того, чтобы дать примерное представление о том, насколько ярко те, кто понимают фарси, воспринимают звучание оригинального текста. Находясь в рамках канона стихосложения и будучи им ограниченным, Аттар разыскивает неожиданные сочетания и порядок слов, опускает подлежащие, повторяет одно и то же слово в разных значениях. Иногда он намеренно отказывается от приукрашивания и дополнительной огранки фразы ради сохранения нескольких вариантов её прочтения — это, впрочем, относится уже не к обычной фонетике и красоте стиля, а к узору смыслов, непревзойденным мастером создания которого Аттар себя и показывает. При чтении даже создаётся впечатление, что задача автора — погрузить читателя в пространство, где слишком навязчивый, обусловленный культурными клише воспринимающий аппарат утрачивает силу и диктат формальных значений слов ослабляется действием контекста, меняющего значение метафор, призывов или назиданий. Контекст же определяется исключительно перемещением героев книги от одной духовной стадии к другой и от стоянки к стоянке. Например, содержание такого очень важного для Аттара понятия, как страдание, меняется неоднократно. Форма духовных усилий, которые должны предпринимать ищущие Истину в своём странствии, также требует изменения с каждым совершенным ими шагом.

Соображения этого рода поставили нас перед необходимостью определить свой подход к переводу. Пробуя его отыскать, мы предприняли краткое сравнение двух известных переводов поэмы на английский язык, а именно перевода, выполненного под редакцией Ч.С. Нотта и опубликованного «Pir Press» (Нью-Йорк, США), и перевода Афкама Дарбанди и Дика Дэвиса, опубликованного «Penguin Classic» (Лондон, Великобритания). Хорошо известны и иные редакции, например, публикации «Octagon Press» (Лондон, Великобритания) и «Weiser Books» (Ньюберипорт,

США), но этих версий у нас не было под рукой на момент начала работы. Все эти переводы делались по разным источникам. И все знакомые нам источники, к сожалению, содержат погрешности, в ряде случаев критичные для понимания того или иного бейта. Однако этот факт был малозначителен по сравнению с тем, что все переводы, как несложно заметить, следуют собственной тенденции толкования неясных по смыслу мест или даже обычных архаизмов. Ч.С. Нотт акцентировал великую, древнюю идею сна и пробуждения и несколько других идей, разрабатывавшихся Г.И. Гурджиевым, — а Нотт был одним из его учеников и последователей. И эта, и другие универсальные идеи отчётливо сформулированы в «Логике птиц». Но чрезмерный акцент на теоретических положениях, предпринятый ради их большей артикуляции, привёл к тому, что перевод в редакции Нотта звучит, по нашему мнению, местами суховато и назидательно. А местами и мысль автора, выраженная на первый взгляд вполне ясно, на деле оказывается слишком туманной, вызывая недоумение. Перевод поэмы, опубликованный «Penguin Classic», напротив, тщательно отшлифован согласно правилам английского стихосложения, он лиричен и приятен для чтения, он пульсирует рифмой. Однако — опять же, по нашему мнению, — в нём исчезает трезвящее опьянение, «аромат сумасшествия», к которому страстно и властно призывает Аттар. Нельзя не отметить, что данный перевод словно сглаживает резкие положения, коими изобилует поэма и коими пользуется её автор для разрушения известных ему консервативных и опасных для духовного поиска стереотипов мышления и мироощущения.

Идеи исламского вероучения в целом, а также ирфана и тасаввуфа в частности, рассматривались и передавались в самых разных письменных формах. В первую очередь, конечно, следует назвать толкования на Коран и хадисы. Помимо них, широкой известностью пользовались сборники лаконичных, поучительных высказываний по разным вопросам ислама и духовного поиска; сборники экстатических изречений; многие видные шейхи состояли друг с другом и со своими учениками в переписке, часть которой сохранилась до нашего времени. Наконец, существовали

работы философско-теоретического плана, посвященные духовному пути. Агтар, как и некоторые другие учителя, искушенные в литературе и одаренные талантом стихосложения, предпочитал облекать свои наставления в поэтическую форму. И, по всей видимости, он был одним из последних значимых поэтов-практиков, разрабатывавших идеи ирфана в этой форме и не опасавшихся жестковатых, требовательных формулировок. Великие поэты-продолжатели их дела, начиная с Руми, привнесли лиризм и мягкость в суфийскую поэзию — скорее всего, этого требовали произошедшие в их аудитории изменения. Поэтому, пробуя сохранить и этот контраст, и мерцание смыслового пунктира, мы намеренно отказались от смягчения формы большинства бейтов.

«Логика птиц», как и другие подобные произведения, распространялась не только в редких копиях, но и благодаря устной передаче. Давайте представим себе окруженного учениками наставника. Когда возникает подходящая обстановка, шейх либо сам читает отрывки, либо поручает это кому-то из учеников. Затем происходит обдумывание и обсуждение, однако всё это происходит в особой, замкнутой атмосфере круга, где кто-то «спит», а кто-то ищет Бога. Вероятно, кто-либо из присутствующих вслух интерпретирует один-другой отрывок тем или иным образом. Затем подобная ситуация повторяется в другом круге, через месяц или через несколько лет, и «Логика» неизбежно обретает новые ситуативные оттенки и подробности. Это нормальный процесс, однако в результате его возникают отличающиеся друг от друга версии текстов передаваемой изустно поэмы, которые также записываются и сосуществуют одновременно с немногочисленными письменными копиями. Задача ведущих персидских литературоведов состояла в том, чтобы, выявив по возможности все особенности слога Агтара, а также все языковые особенности времени, когда он жил и творил, попробовать восстановить, насколько возможно точно, оригинальный список поэмы. Восстановить чисто литературно, находясь в ситуации, когда нельзя полностью довериться версиям ни известных переписчиков, ни безвестных дервишей, ни именитых наставников, которые также были дервишами в своё время. Неудивительно, что в

результате литературоведы оставляли свои комментарии, связанные с их видением смысловых акцентов поэмы.

Соразмеряя и названные, и не перечисленные здесь факторы, мы столкнулись с новой дилеммой, по-прежнему находя приоритетной задачу довести максимально точно содержание поэмы. Работа литературоведа, находящегося в стихии родного языка и даже имеющего дело с архаическими его формами, является в какой-то мере более выигрышной, чем труд переводчика. Переводчик не может сохранить всю точность оригинала такого уровня сложности. Для него неизбежно вносить и акценты иного языка, а также собственные — как произвольные, так и обоснованные — догадки о неясных местах в первоисточнике, составленном девять веков назад, несмотря на наличие исчерпывающих комментариев иранских литературоведов, отдавших годы ради героической реконструкции этого текста. Эти комментарии мы изначально предполагали сохранить полностью, несмотря на то что их аккуратность для русскоязычного читателя во многих случаях грозила обернуться чрезмерно формальными ремарками. Но постепенно мы склонились к противоположному мнению, решив оставить текст практически без пояснений, то есть в той форме, как он был издан изначально, как бы в не расшифрованном до конца виде. Неудивительно, что при этом мы ещё раз пожертвовали красотой некоторых метафор или обычных словосочетаний во имя сохранения смысловой канвы оригинала на русском и сохранения чёткости большинства его важных формулировок.

Дело также и в том, что большинство сюжетов Аттара в этой поэме вообще не предполагают пространных разъяснений. Разве можно исчерпать пояснениями всё, что подлинному поэту удаётся воплотить в своих образах? И не является ли ещё более сложной задача интерпретации сочинений, содержание и создание которых инспирировано духовным опытом? Обширные, рационализированные пояснения и толкования создают слишком правильное, слишком гладкое, иногда и тенденциозное восприятие текста, в то время как любые сочинения такого рода — цепочка парадоксов, требующих самостоятельного размышления от тех, кому это важно и необходимо. Несомненно, что навык

объяснения идей из одного контекста внутренней работы через идеи другого контекста очень ценен. Однако любой из важнейших вопросов Атгара предполагает создание не столько объяснительной модели, сколько непрерывную концентрацию на существе вопроса. Реальный поиск ответа приводит к отказу от имеющейся, зачастую банальной, линейной логической схемы, к отказу, доходящему в пределе до иррациональности, требующей задействовать совершенно иные язык и логику, не знакомые оперативному уму. «Твоя обычная логика бессильна на этом пути», — подсказывает Атгар. Большинство притч и рассказов в поэме требуют либо алогичной операции поиска смыслового ключа, либо изменения контекста восприятия так, чтобы последующие притчи приобрели своё значение.

Уже в силу вышесказанного мы должны отдавать себе отчёт в ограниченности собственного понимания текстов такого рода. Неудивительно, что от многих друзей, помогавших нам в переводе, мы часто слышали один и тот же недоуменный вопрос: «Кому это сейчас нужно? Этот текст невозможно понять». Содержательный ответ на эти и похожие вопросы можно найти непосредственно в поэме. Адресаты Атгара — все, кто сохранил открытость универсальным принципам бытия, кто сберег или создал в себе ядро очевидности. Ключ, упомянутый нами выше, не подразумевает ничего таинственного или загадочного. Он представляет собой актуализированную способность к созданию верных ассоциаций и к настройке на мистическое вдохновение, передаваемое поэмой. Что полностью и в равной мере справедливо и по отношению ко всем памятникам древних литератур, подобным «Логике птиц».

Ни одна книга Атгара немыслима без опоры на Откровение, ниспосланное Пророку и зафиксированное в Коране. В ряде случаев Коран в поэме цитируется явно, на арабском или на персидском. Иногда это несколько слов из фразы в аяте, реже — аят целиком. Такие цитаты мы приводим в примечаниях без оговорок, даже если выбранный нами русский вариант перевода немного отличается от текста оригинала. В тех ситуациях, когда нет явной цитаты, одни комментаторы полагают, что аллюзия на аят или на хадис налицо, но по мнению иных данная ссылка отсутствует.

В этих случаях мы сохраняем цитату, уже оговаривая это отдельно. Все цитаты из Корана в русском переводе даны по изданию, опубликованному под редакцией Э. Кулиева (М.:2004).

Перевод самой поэмы был сделан с масштабного критического издания «*Мантик ат-Тайр*», подготовленного Мохаммадом Резой Шафии Кадкани и опубликованного в Тегеране.

Для облегчения поиска пужных сюжетов мы дали условное название большинству рассказов, никак самим Аттаром не озаглавленных.

Логика птиц

Поэму можно разделить на три части. При некоторой условности подобного деления оно представляется оправданным, облегчая понимание текста в целом, и также оно связано с тем, что Аттар несомненно опирается на модель духовного развития, задаваемую триадой шариат–тарикат–хакикат, хотя создаётся впечатление, что в данном произведении автора больше интересуют стадии, то есть пошаговое преодоление разрыва между стоянками и характеристики таких шагов. Каждая часть связана с группой ситуативных и смысловых акцентов, и некоторые из них мы сочли возможным и желательным привести ниже.

Первая часть поэмы посвящена сбору птиц вокруг Удода-проводника. Введение этого персонажа — изящный ход автора, у которого в результате есть свобода и вторгаться в повествование, и покидать его. Если говорить о ситуативной роли Удода, то эта роль вполне оправданна. Удод — не мастер пути, но ему знакомы и пограничные состояния, и состояния человека, находящиеся вне границ его обычного, повседневного психического опыта. И Удод естественным образом становится проводником птиц, чей путь к Истине проходит через эти состояния.

Потребностью найти Господина охвачены все слетевшиеся птицы — «нельзя нам без Царя оставаться», но Аттару, как показывает развитие сюжета, неинтересны птицы, не имеющие о Господине ни понятия, ни представления.

Во всех созданных им портретах узнаются черты людей, уже приступавших к поиску, однако застрявших, или «заснувших» где-то в самом начале движения, если вообще не на первом шаге. Для Аттара эта ситуация «засыпания» является совершенно очевидной, почему Удод и борется изо всех сил с косностью своих собеседников, укрепляя в них стремление к духовному поиску и мобилизуя их волю. Усыпляют же человека обычно несколько факторов, один из них — это искаженное, иллюзорное представление о себе и о духовных реалиях. И в этой части Удод реагирует на иллюзии подобного рода тем, что пробует либо вывести слушателей за пределы тюрьмы неверных понятий, либо же создать брешь в её стенах.

На что Удод пробует опираться в этих попытках? Характерной особенностью человека — конечно, если в нём таковая выражена с достаточной силой — является хранимый в его сущности прообраз того, кем человек мог бы и должен бы стать. Аттар, обращаясь во введении от своего лица к птицам, указывает одновременно и на эту особенность, призывая на неё опираться, и на индивидуальные склонности каждой птицы, приведшие её в тупик. Тупик — это слепота в отношении своей настоящей бытийной ситуации и отсутствие практических шансов полностью выйти из неё только за счёт собственных сил. Птицы не могут трезво и отстраненно оценить себя именно из-за набора качеств и предпочтений, которые обуславливают типичные способы искажения идей, связанных с духовной практикой, и провоцируют следование ошибочному образу жизни. Однако, рассказывая о себе, птицы демонстрируют и наличие, и характер этих искажений, которые далее становятся объектом внимания Удоды, взывающего к интеллекту и совести участников собрания. Беспристрастный взгляд на своё состояние и свои представления является лейтмотивом этой части, и Аттар предлагает каждому задуматься о его индивидуальной манере «отдаляться от понятий» и о том, что большинству людей свойственно очаровываться и засыпать, даже имея на вооружении верные понятия. Поэтому фраза, которую Удод произносит, отвечая на длинный пассаж Куропатки — «чувствующий аромат не нуждается в цвете», — содержит, несомненно, напоминание и призыв к

прорыву через пелену чрезмерно чёткого и оформленного, через сетку даже самых правильных интеллектуальных построений к непосредственному переживанию реальности.

Наконец, автор подводит нас к рассказу о Санаане, завершающему первую часть поэмы. Искусство, с которым создаётся контекст восприятия этого сюжета, удивительно. С одной стороны, Аттар помещает читателя в зону мощного, утончённого мистического влияния, а с другой — напоминает ему, что нет для человека никаких шансов обрести свой путь без простоты, серьёзности и открытости, свойственных лишь дружеским отношениям (Аттар посылает своему герою единственного друга, который и помогает — милостью Божьей — своему наставнику, Санаану). История Санаана, самая длинная в поэме и довольно сложная своими подтекстами, начинается с того, что шейх Санаан видит тревожный сон, в котором он совершает необъяснимые и недозволенные поступки. Шейх обеспокоен: и в своих глазах, и в глазах учеников он обладает высоким статусом, или — в терминологии суфиев того времени — пребывает на высокой стоянке. Во сне Санаан так сильно увлечён некой девушкой, что даже начинает добиваться её взаимности. Для Санаана, пытающегося разгадать символику сновидения, это свидетельствует о том, что он пребывает в заблуждении относительно своей истинной стоянки и что ему предстоят тяжёлые испытания. Однако шейх считает делом чести не избегать трудностей и направляется в христианскую Византию (Рум), чтобы узнать точное толкование сна. Аттар проводит своего героя через цепочку испытаний — шейх, достигший преклонного возраста, влюбляется, как ветреный юноша, в девушку и, на первый взгляд, ничего не может противопоставить своему чувству. Затем шейх, принуждаемый христианкой, отрекается от ислама и принимает христианство; у него нет денег на свадебный подарок возлюбленной и он должен пасти свиней по её требованию целый год. Влюблённого пира покидают его мюриды, а весь Рум обсуждает его историю...

Эта повесть оказывает сильное эмоциональное и вдохновляющее действие. Более важно то, что она в какой-то мере является ключевой для постижения ряда принципов ирфана в чисто практической области, а именно в области

духовных усилий. Птицы оказываются настолько воспламенены этой историей, что наконец вырываются из безопасных и уютных гнезд своих привычек и представлений, чтобы отправиться под руководством Удода на поиски своего Господина. Птицы приступают к расспросам о том, чего ожидать им в дороге и как себя вести, открывая тем самым новую часть поэмы и собственной истории в ней.

Вторая часть — это перекличка доводов птиц, назидательных пояснений Удода и рассказов Аттара, как совсем кратких, так и довольно ёмких, благодаря чему начинают формулироваться многие положения системы духовного воспитания. Вопросы и доводы птиц в своём большинстве связаны с возникающими в них сомнениями, противоречиями разного рода и неизбежностью, необходимостью внутренней борьбы, на которую у многих не хватает воли, а у кого-то просто нет желания что-либо менять. Удод своими ответами мотивирует птиц, а иногда отмечает и то, что требует пристального внимания. Его новые ответы естественным образом дополняют введение метафизических идей психологическими оттенками, с которыми необходимо иметь дело уже не только в теории, но и на практике. При этом автор оставил Удоду функцию назидательную, дидактическую. Сам Аттар, по сути дела, опирается на образную и символическую логику притч и образов, оживляя справедливые упреки и поучения Удода и достигая требуемой смысловой полноты или же создавая ситуативный рисунок. Именно благодаря этому перед нами разворачивается богатая панорама оттенков суфийского направления, которому Аттар, видимо, следовал сам. Аттар показывает себя несравненным мастером иносказаний и аллегорий. Нет сомнений, что каждый сюжет содержит ясный смысловой стержень, который часто открыто именуется. Однако попытки полной вербализации, попытки исчерпать объяснениями этот смысл почти всегда обречены на провал. Более того, иногда подобные попытки могут являться покушением на замысел автора и на создаваемый им контекст духовых усилий. Этот контекст вполне традиционен, он ортодоксален в лучшем значении этого слова, и он предполагает не только честный анализ негодных качеств собственной натуры и стойкую борьбу с ними после такой

фиксации, но и развитие утонченных оттенков своего состояния. И в этой же части Аттар начинает вводить метафизические полутона и нюансы.

С самого начала, опираясь на Коран и хадисы, Аттар говорит о наличии завес между человеком и Богом, человеком и Реальностью. Воспринимая эту аксиому, его читатели разделяются на два лагеря. Для кого-то завесы или завеса — обычный факт из области умозрения. Для этой категории людей Реальность останется скрытой, вне зависимости от их мнений о ней. Надежда появляется у тех, чьё сердце «лишается равнодушного покоя» при упоминании о завесе и при дальнейшем размышлении о ней. Птицы спрашивают Удода: «Трудно нам стремиться к Богу, кто Он нам? Знай мы о наших с ним связях — наверное, нам было бы легче». Удод даёт некоторые пояснения, но для движения этого оказывается недостаточно. Нужно научиться намеренно, совершенно сознательно страдать — «брось праведность, брось простоту, нужны только боль и несчастья». Эта фраза звучит рефреном во всей поэме, давая указание на один из основных методов движения по пути. Значения боли и страдания обыгрываются Аттаром с самых разных сторон и в ряде случаев даже задают эмоциональные эквиваленты метафизических идей, формулировка которых становится доступной после анализа контекста. В этой связи уже удивительно, почему Аттар очень сдержанно поясняет, что же в точности он имеет в виду, прибегая к очередной аллегории — «если у тебя болит, ты поймёшь многое сам». Небезынтересно отметить, что каждый реально сделанный шаг что-то меняет в душе идущего, и хотя за переживанием сохраняется его прежнее название — например, боль, или изумление, или сожаление, — но само переживание меняет свою природу, потому что связано с качественно меняющимся содержанием. В частности, болезненные переживания, возникающие при преодолении своего самолюбия, эгоизма — это одно, а сострадание, сопереживание ситуации того, кто прежде шёл рядом и начинает засыпать — это другое. Фактически, Аттар предписывает идущим целый диапазон страданий.

Может показаться неожиданным, что второй важнейшей способностью является способность к радости. До ак-

туализации этой способности нужно суметь вырасти, ибо это не знакомые недоумевающим птицам житейские радости, это переживание изливающейся из центра человеческого существа эманации, не связанной ни с вещами, ни с объектами интеллектуальной сферы. Джунейд говорит в поэме: «У кого есть постоянная радость в сердце, тому значительно легче двигаться по пути, хотя благо идущему, по моему мнению, несёт только разочарование».

Наконец, отношение человека к завесе и самому себе Аттар постоянно связывает с оттенками сожаления. Он почти не употребляет такие слова, как раскаяние, отчаяние, надежда... И, по мнению Аттара, человек, лишённый сожаления, не способный радоваться и не готовый страдать, просто потерян.

Третья часть посвящена описанию стоянок. Стоянки, или, на арабском, макамы, — это опыт реальности. Это устойчивые, упроченные состояния. Их можно назвать ступенями лестницы бытия. Существовало и существует большое число и самих лестниц, и систем их описания, и каждое из них насчитывает разное число ступеней и включает в себя совершенно разные тонкости и оттенки. Их довольно трудно понять безо всякого знакомства, даже поверхностного, с исламской традицией и с суфийскими системами воспитания, как и без развитого опыта обобщения и интуиции. Важно и то, что Аттар обращается не к спорщикам о методах или теории, а к тем, кто преодолел необходимые первые шаги и понял, что для него духовный путь — неизбежность. В этой части язык и логика Удода и птиц начинают сливаться воедино, и Удод выводится из повествования.

Описания самих стоянок представлены в поэме весьма схематично — нет возможности описывать всегда живой, пульсирующий нерв духовного опыта, соотносимый с той или иной стоянкой. Однако непосредственные ссылки на макамат, сжатое описание макамов и их обрамление притчами показывают, что в этой части Аттар предпринимает попытку раскрыть уже принципиальные фрагменты духовного учения. Он не испытывает особого оптимизма в отношении человеческой природы, а поэму он завершает извинениями перед Богом за собственную слабость, за наверняка сделанные им ошибки в изложении принципов и

за неэффективность своего послания. Сам Аттар говорит: «Моя цель — это совершенный с дивной душой, готовый нырнуть в это море». Но на что же всё-таки рассчитывает автор? Можно ли, вчитываясь в этот текст, написанный много столетий назад, что-то извлечь для своего духовного роста?

Подобные вопросы являются неизбежными для любого вдумчивого человека, и тем более — для человека, ищущего свою перспективу и условия для духовного развития. Ответов на протяжении известной нам истории человечества давалось много. Один из универсальных ответов дан Джалаледдином Руми, написавшим: «Новые органы восприятия пробуждаются только тогда, когда в них появляется необходимость. Так увеличь свою необходимость, о человек».

В заключение мы хотели бы выразить искреннюю признательность всем друзьям, способствовавшим своими благожелательностью, критикой и поддержкой появлению данного перевода.

Мостафа Борзуи
Андрей Рыжов

هدف از ترجمه این کتاب به زبان روسی آشنا کردن خوانندگان روسی زبان با یکی از شاهکارهای ادبیات فارسی یعنی منطق الطیر فریدالدین محمد بن ابراهیم نیشابوری معروف به عطار نیشابوری است. دلیل انتخاب این اثر، جایگاه وزین منطق الطیر در عرفان ایرانی و جهانی است. توجه موشکافانه و شگفت انگیز شاعر به جوهر الهی انسان و تلاش عارفانه وی برای شناخت رابطه انسان و خدا بر اساس عشق بی شائبه به پروردگار، این کتاب را در زمره یکی از شاهکارهای جاویدان ادب فارسی و میراث فرهنگی جهان قرار داده است. از اینرو با توجه به گرایش فزاینده خوانندگان خارجی در کشورهای مختلف به ادبیات عرفانی مشرق زمین، مترجم بخود جرات داده و به این کار دشوار پرداخته است.

در ترجمه این اثر همانطور که در مقدمه مشترک مترجم و ناشر آمده است تلاش فراوانی شده است تا علیرغم دشواریهایی که ترجمه متونی از این دست با آن مواجه است، معانی و مفاهیم اساسی نهفته در اشعار شاعر به زبان بیگانه برگردانده شود و به همین دلیل باید اذعان داشت که زیبایی، روانی و صنایع ادبی بکار برده شده توسط شاعر تا حد زیادی در سایه دستیابی به این مهم قرار گرفته است.

در پایان لازم میدانم از کلیه دوستان و همکاران عزیز و همچنین آقای آندری ریژوف ناشر محترم، که در تصحیح، ویراستاری و چاپ این اثر به زبان روسی مترجم را یاری نمودند سپاسگزاری نمایم.

مصطفی برزویی

آوریل 2009 - مسکو

Работа по переводу и изданию этой книги выполнялась с целью предоставления русскоязычным читателям возможности ознакомления с одним из шедевров персидской литературы — «Мантиг ат-тейр», или «Логикой птиц», — принадлежащего перу Фаридаддина Мохаммада бен Ибрахима Нишапури, более известного как Аттар Нишапури. Это произведение Атгара Нишапури выбрано потому, что «Логика птиц» занимает выдающееся место в иранской и мировой мистической литературы. Точное, вдохновенное отражение поэтом божественной сущности человека, его внутренний порыв к раскрытию мистической связи человека и Бога с опорой на беззаветную веру в Создателя ставит это произведение Атгара в один ряд с бессмертными шедеврами персидской литературы и закономерно включает его в сокровищницу мирового культурного наследия. В силу сказанного, а также учитывая растущий интерес иностранных читателей в разных странах мира к произведениям мистической литературы Востока, переводчик решился на выполнение этой трудной задачи.

Как уже говорилось в предисловии, составленном переводчиком и издателем, несмотря на многочисленные трудности при выполнении переводов подобных текстов на иностранные языки, переводчиком настоящей книги предприняты усилия найти в русском языке эквиваленты важнейших понятий и терминов, содержащихся в стихах Атгара. В этой связи следует признать, что решение этой главной задачи несколько сместило на второй план такие присущие поэзии Атгара качества, как красота стиха, его легкость и литературное мастерство.

В заключение полагаю необходимым выразить признательность всем дорогим друзьям и коллегам, а также уважаемому издательству, давшему согласие на публикацию и оказавшему значительную помощь переводчику в редактировании и правке этого произведения на русском языке.

Мостафа Борзуи
Москва, апрель 2009 г.

ЛОГИКА ПТИЦ

О создании мира

Хвала Пречистому, дающему жизнь,
даровавшему душу и веру земле.

Он установил Трон¹ на воде
и ветру передал жизнь на земле.

Он поднял небо на его высоту
и поместил землю в самом низу;

первому велел быть в непрерывном движении,
второму — в постоянном покое.

Небо ввысь шатром без опоры взметнул,
затем землю в нём поместил.

За шесть дней создал семь планет,
из двух букв создал девять сфер².

Разнообразными силки тела создал,
земле передав птицу души.

Море расплавил, в покорности Себе удерживая,
и возвысил горы, перед Ним в страхе затихшими.

У моря осушил жаждой губы³,
из камня сделал рубин и мускус — из крови.

Сотворённую душу в чистейшем облике Он показал⁴.
Всё это Он создал из горстки земли!

Он притеснил бунтующий ум шариадом,
оживил душой тело и верой — душу.

Горé придал вершины и скалы,
чтоб над ними гора возвысила голову.

Иногда цветы над огнём вращивал⁵,
иногда мостик над морем поддерживал⁶.

Укротить врага послал комара
и четырёхста лет комара продержал у врага в голове⁷.

Своей мудростью дал пауку паутину
и оберегал ей лучшего из избранных⁸ в мире.

Пояс муравью дал тонкий, как волос,
но с муравьём уравнил Сулеймана*.

Знающие пути предводители,
иногда приходившие, несшие веру,
находили свою душу на самом дне удивления,
в сопровождении беспомощности и сожаления.

Сначала взгляни, что Он сделал с Адамом,
как поступал с ним, годами пребывавшим в горе своём.

Потом смотри на Нуха в полной беде,
смотри, что ему пришлось претерпеть от неверных.

Смотри на Ибрахима влюблённого,
на то, как домом ему стали огонь и баллиста.

Смотри на Исмаила печального,
на улицу Возлюбленного жертвой несомого.

Смотри на Йакуба поражённого,
из-за сына потерявшего зрение.

Смотри на Йусуфа рассудительного,
попавшего в яму, оттуда — в рабство, а затем и в тюрьму.

Вот Айуб, потерпевший беду,
оставшийся в червях и среди волков.

Вот Йунус, потерявший дорогу,
с луны⁹ сброшенный в рыбе брюхо.

Смотри на Мусу: от рождения
его люлька была ему гробом, а Фараон — его нянькой.

Смотри на создающего кольчуги Давуда и
огнём своего сердца расплавляющего их металл в воск.

Смотри, как дьявол забрал у великого Сулеймана
царство, на ветре основанное¹⁰.

Смотри на Закарийю, чьё сердце кипело,
как пилили его, и как он молча потух.

* Здесь и далее в тексте упомянуты имена библейских пророков и персонажей и эпизоды, с ними связанные. Сулейман, Нух, Ибрахим, Йакуб, Йусуф, Йунус, Муса, Иса, Давуд, Йахья, Закарийя, Айуб — коранические имена Соломона, Ноя, Авраама, Иакова, Иосифа, Ионы, Моисея, Иисуса, Давида, Иоанна Крестителя, Захарии и Иова соответственно.

Вот Йахья: на блюде его голова
на обозрении сборища, как горящая свечка.

Смотри на Ису: даже возле креста своего
спова и снова он избит иудеями.

Смотри на главу всех пророков
и на всё им испытанное из-за неверных.

Тебе кажется, что это так просто?
Отбросить жизнь — наименьшее, что потребуется.

Я полностью в изумлении, словно умер,
не вижу выхода, вижу только беспомощность.

О мудрость, на этом пути ты подобна младенцу,
в поисках которого ум-старик и сам заблудился!

Но как до Высшей Сути тогда доберусь я,
нечисто зачатый, как достигну я Чистоты?

Посредством наук Тебя не понять, Ты — сокровище.
Ты не получаешь убытка и прибыли, ведь где нет
прибыли — там нет и убытка:

и от Мусы Ты прибыли не имел,
и Фараон убытка Тебе не принёс.

О бесконечный Владыка! Есть ли кто-либо, помимо Тебя?
Раз Ты — бескраен и бесконечен, есть ли что-то, кроме
Тебя?

О Ты, народа миры ввергнувший в изумление,
Ты остался скрытым завесой.

Отодвинь наконец-то завесу, не жги душу мою,
из-за завесы не поджигай меня больше.

Заблудился я в море удивления сразу,
вызволи, забери обратно меня из этого удивления!

Я потерялся в водовороте этого моря,
я оказался снаружи от занавеса.

Вытащи раба своего из этого мне чуждого моря,
Ты Сам его бросил в море, Сам и вытащить можешь.

С ног до головы ценью нафса¹¹ я скован,
если не подашь мне руки — горе мне! Горе мне!

Моя душа испачкана пустотой,
не могу состояние это дольше терпеть.

Либо от этой грязи очисти меня,
либо пролей мою кровь и похорони меня.

Люди боятся Тебя, а я — себя,
ибо видел от Тебя добро, от себя — зло.

Подобно мертвецу я брожу по земле —
оживи меня, о Ты, Пречистый, Дарующий жизнь!

И верующий, и неверный — все окровавлены,
одни — обезумевшие, другие — отвернувшиеся.

О мой Падишах, сердце моё переполнено кровью,
с ног до головы безумен и я, подобно Вселенной¹².

Ты сказал: «Днём и ночью Я с вами¹³,
не забывайте взывать ко Мне ни на миг!»¹⁴

Раз получается, что мы — соседи,
Ты солнцу подобен, а мы — теням,
то Тебе ведь не сложно, о Дарующий милость нищим,
соблюсти права ближайших соседей?

С сердцем, полным боли, и душой, полной раскаяния,
от страсти видеть Тебя льются мои слёзы дождём.

Если примусь рассказывать о своём сожалении,
то направление поиска Тебя я утрачу.

Укажи мне путь, ибо я пришёл заблудившимся,
дай богатство, хоть я слишком поздно пришёл:

приобретающий состояние на Твоей улице
в Тебе потеряется и возненавидит себя.

Я не утратил надежду, взволнован я,
может, и услышишь Ты одну мою просьбу из тысячи...

Воин и пленник

Воин столкнулся с противником слабее себя.
Оттащил, связав ему руки, в сторону дома.

Когда он отправился за мечом, дабы отсечь пленному
голову,
его жена дала кусок хлеба бедняге.

Воин, вернувшись с мечом,
заметил в руках пленника хлеб.

«Кто дал тебе хлеб, о ничтожный?» — воин вскричал.
«Твоя жена», — пленник ответил.

«Убить тебя мне теперь запрещено, —
услышав ответ, воин сказал, —

Ибо на принявшего наши хлеб-соль
меч поднимать не положено.

Не жаль даже отдать жизнь ради съевшего нашу соль,
разве я смогу пролить его кровь?»

О Боже, со дня, когда я родился¹⁵,
за Твоим столом всю жизнь я провёл.

Когда человек отламывает хлеб, подавая кому-то,
то не забывается это.

Раз у Тебя — сто тысяч морей щедрости,
благодаря этому столько Твоего хлеба я съел, — выполни
долг!..

О Господь обоих миров! Я беспомощен и
окровавлен, ведь гнал я по суше ковчег¹⁶.

Возьми меня за руку и помоги,
сколько же мне бить свою голову, словно муха лапками!

О Прощающий грехи, о мой Учитель,
я сгорал сотню раз, зачем Тебе мои страдания?

От стыда пред Тобой кипит моя кровь.
Много грязного я совершил, но закрой на это глаза.

По глупости сотни грехов я содеял,
а Ты в ответ сотни мер добра подарил.

О Господи, посмотри на меня, бедного,
если и видел Ты от меня только зло — ведь это уже позади.

Если по глупости я наделал ошибок — прости,
пожалей мою бедную душу и сердце, помилуй.

Если мои глаза не плачут в открытую,
то душа моя тайно рыдает от радости стремиться к Тебе.

О Творец! Если и совершал я добро или зло,
то всё я проделывал лишь со своим телом.

Прости же мои слабости
и сотри мою непочтительность¹⁷.

Хвала тебе, о предводителем ставший Удод,
поистине посланником ставший в каждой пустыне.

О, как восхитителен твой полет до края Сабы!¹⁸
О, сколь чудесна твоя беседа с Сулейманом и птицами!

Ты стал обладателем тайн Сулеймана,
поэтому и пришёл горделиво, увенчан короной.

Держи дьявола в цепях и в тюрьме,
дабы тайны Сулеймана хранить.

Когда дьявола бросишь в тюрьму,
сможешь войти в шатёр к Сулейману.

Хвала тебе, о щегол, подобно Мусе,
поднимись, сыграй же на поле познания!

Постигший гармонию, всей душой
будь благодарен музыке всего творения.

Подобно Мусе, издалека ты увидел огонь,
и поэтому стоишь ты, мусидже¹⁹, на горе Тура!²⁰

Держись подальше от фараонова зверя,
приходи на место свидания и стань птицей Туры.

А потом осознай без ума и услышь без ушей
молчаливую, спокойную речь.

Хвала тебе, о Попугай, сидевший на Тубе²¹
в райском наряде с огненным ожерельем!

Оставь огненный ошейник для ада,
а райский наряд предназначен лишь благородным.

Тот, кто, как Ибрахим, освободился от Намруда,
и над огнём пребывать может с лёгкостью.

Отсеки Намруду голову как верхушку бамбука,
вступи в огонь, подобно Ибрахиму, другу Аллаха.

Когда очистишься от страха Намруда,
надевай райский наряд, не страшись огненного ожерелья.

Хвала тебе, в самом кокетстве идущая кокетливо
Куропатка,
сошедшая с горы познания!

Радостно смейся от встречи с этим путём,
постучись в дверь дома Бога.

Огнём нужды сожги гору,
дабы из неё вышел верблюд.

Когда увидишь молодого верблюда,
заметишь и текущий ручей из меда и молока.

Если нужно, отпусти верблюда пастись,
ведь сам Салих²² тебе выходит навстречу!

Ты молодец, о блистательный Сокол,
но до каких пор будешь ты в гневе и в ярости?

Привяжи к ноге письмо предвечной любви
и не открывай его вплоть до вечности,
замени логичный ум сердцем,
дабы увидеть одинаковыми и начало, и вечность.

Сломай клетку своей природы бесстрашно,
найди успокоение в пещере единства,
а когда обретёшь в этой пещере покой,
Предводитель мира²³ станет твоим товарищем по пещере.

Хвала тебе, о тетерев, ты — ступеньки «Аласт»*,
увидевший на голове «да»** корону «Аласт»!

Раз сердцем воспринял «Аласт»,
возненавидь послабление нафсу.

В водоворот бед затянет попустительство нафсу,
хорошо ли пойдут твои дела в этой воронке?

Подожги свой нафс, как Иса — осла,
затем сам стань душой словно Иса и душу зажги.

* Ссылка на аят (7:172): «Вот твой Господь вынул из поясниц сынов Адама их потомство и заставил их засвидетельствовать против самих себя: “Разве Я — не ваш Господь?” Они сказали: “Да, мы свидетельствуем”. Это — для того, чтобы в День воскресения вы не говорили: “Мы не знали этого”».

Звучание вопроса и ответа на персидском можно транскрибировать примерно так: «Аласту би раббикум? — Гала балу шахедна». Поэтому Аттар и употребляет *Аласт*.

** В оригинале — арабское «бала», т. е. «да» из ответа, данного людьми Аллаху. См. предыдущую ссылку на аят (7:172).

Сожги ишака и займись птицей души,
чтобы Рухоллах²⁴ радости двинулся навстречу тебе!

Хвала тебе, о соловей сада любви,
ею обжигаясь, от боли издай радостный стон!

Пусть, как у Давуда²⁵, от боли из сердца вырывается стон,
чтобы каждый миг сотни душ себя посвящали тебе.

Возвысь голос Давуда и толкуй о понятиях²⁶,
к музыке творения²⁷ укажи людям путь.

На проклятый нафс ты столько слоёв брони одеваешь, —
подобно Давуду, преврати в воск это железо своё.

Если твоё железо размягчится как воск,
согреешься в любви, подобно Давуду.

Хвала тебе, о павлин восьмидверного сада,
израненный ожогом семиглавого змея.

Общение со змеёй в кровь столкнуло тебя
и изгнало из вечного рая.

Оно отняло Седре²⁸ и Тубу с твоих дорог,
от суровости мест изгнания сердце твоё почернело.

Пока ты не уничтожишь эту змею,
не заслуживаешь ты тайны любви —

когда освободишься от этой мерзкой змеи,
в раю сам Адам тебя приблизит к себе.

Хвала тебе, о прекрасный, зоркий фазан,
увидевший источник сердца, утонувшего в море света.

О ты, оставшийся в середине тёмной ямы,
застрявший в зиндане* клеветы,

вытащи себя из этой тёмной ямы,
чтобы на вершине трона милости оказаться.

Пройди через тюрьму и яму вслед за Йусуфом,
дабы в Египте уважения воцариться.

Если такое царство станет твоим,
искренний Йусуф станет твоим собеседником²⁹.

* Зиндан — место заключения, тюрьма.

Молодец, о горлица, сердечно вспорхнувшая,
ушедшая радостно, но пришедшая грустно.

Печаль твоя оттого, что осталась в крови,
взаперти, в тесной темнице Зоннуна³⁰.

О ты, в рыбе своего нафса потерянная,
до каких пор ты намерена терпеть его зло?

Отсеки голову этой злой рыбе,
чтобы макушкой ты могла бы коснуться луны!

Когда от рыбы своего нафса избавишься,
станешь в круге избранных собеседником Йунуса.

Хвала тебе, о кукушка, запой,
чтобы семь небес осыпали тебя драгоценностями!

Раз на твоей шее — ошейник верности,
то проявить неверность некрасиво с твоей стороны.

Но пока даже волосок тебя прежней остаётся на месте,
с ног до головы неверной я тебя буду звать.

Если покинешь себя и войдёшь в себя подлинного,
мудрость покажет тебе дорогу к понятиям³¹.

Когда мудрость приведёт тебя к пониманию,
сам Хизр живую воду подарит тебе!

Хвала тебе, о прилетевший Сокол!
Улетев непокорным, вверх ногами ты и вернулся.

Не будь строптивым, раз стал перевёрнут,
подчинись, раз стал окровавлен.

Ты — в плену гниющего мира,
поэтому ты пришёл, отдалён от понятий.

Забудь и этот мир, и иной,
сбрось шапку и затем оглянись.

Когда откажешься от обоих миров,
обретёшь ты макам Зуль-карнейна³².

Молодец, о птица-золото, входи,
приступай к делу и входи, подобно огню.

Сожги всё, что тебе повстречается,
от творения отводи взор души.

Когда сожжешь всё, что тебе навстречу идёт,
дар Истины каждый миг на тебя начнёт изливаться.
Когда совершенной птицей в деле Истины станешь,
не будет тебя, но останется Истина! Вот и всё.

Слово об Удодe

Слетелись все птицы мира,
сколько их было, и скрытые, и заметные,
и сказали: «Сейчас, в наше время,
не найти ни одного города без шахрияра!*

Можно ли нашей земле без царя оставаться?
Без правителя жить дальше нельзя.

Возможно, если сплотимся,
то какого-то царя и отыщем.

Ведь в стране, остающейся без царя,
порядок не сохранить и войсками».

Затем в одном месте все птицы собрались,
на поиски готовясь отправиться.

Удод, взволнован, переполнен надеждами,
неся вдохновение, приблизился к публике.

На нём — тариката³³ наряд,
чело венчает хакиката³⁴ корона.

Он пришёл, обладая тонким умом,
появился, зная о добре и о зле.

«О птицы, вот я. Нет во мне фальши, — он сказал, —
я и Его гонец, и посланец мира иного.

Я здесь, зная о Господстве Его,
и пришёл, обладая тайной и мудростью:
в своём клюве несший «Во имя Аллаха»³⁵,
о многих тайнах узнал, не удивительно это.

Коротаю я дни в своём горе,
нет ко мне дела ни у кого.

Поскольку людьми я не занят,
то и я свободен, и люди,

* Шахрияр, шах — правитель, властитель.

ведь если я болью Падишаха³⁶ охвачен,
никогда у меня боли войска не будет.

Я способен различить воду в воображении,
но мне известны и тайны, что этой поглубже.

В беседе я опережал Сулеймана,
а значит, опередил и его окружение.

Если кто исчезал из его владений — о диво,
Сулейман о том и не спрашивал, его не разыскивал.

Едва пришлось мне отлучиться на миг,
на мои розыски отправил во все стороны много
желающих,

потому что без меня он не мог оставаться и мига.
И Удоду довольно этого вплоть до наступления вечности.

Я передал его послание и вернулся,
став причастным к его тайне сокрытой.

Того, кто Богом упомянут по-доброму³⁷,
ни одной птице не обогнать.

Если ставшего любимым посланником
венчает корона, то её он достоин.

Годами летал я над морями и сушей,
ходил по дорогам³⁸, словно безумный.

Побывал в полях, пустынях, горах,
во время потопа весь мир облетел.

Провёл шесть дней в пути с Сулейманом,
многие страны я облетел.

Узнал я своего Царя.

Можно ли было идти одному? Я не смог.

И если вы станете мне попутчиками,
приблизитесь к Царю и Его дворцу.

Сбросьте позор своего самолюбия,
до каких пор в неверии можно жить?

Умерший в Нём освобождается от себя,
на пути влюблённых освобождается и от добра, и от зла.

Он отдаёт душу и отправляется в путь,
и, танцуя, у того порога голову складывает.

Несомненно, у нас есть Падишах,
Он — за горой, называемой Каф.

Его имя — Симург³⁹, Господин птиц,
близок Он к нам, но мы от Него далеки⁴⁰.

Во дворе Его Величия — абсолютный покой.
Не любой язык достоин произносить Его имя.

Перед Ним — сотня тысяч завес, и даже более,
и из света они, и из тьмы⁴¹.

Никому в обоих мирах не удастся
своей волей что-то взять у Него.

Он неизменен и вечен, наш Царь,
в Своём Величии на вершине абсолютного совершенства.

Там, где Он есть, других просто нет;
ни мудростью, ни знанием не достигнуть Его.

Нет пути к Нему, но и не выдержать без Него.
Сотни тысяч стали безумными, устремляясь к Нему.

Дать Ему описание не под силу даже чистой душе,
поэтому не осознать Его и уму,

и поражены и ум, и душа,
ослеплены их очи Его качествами.

Нет ни одного мудреца, постигшего Его совершенство,
ни один видящий не смог созерцать Его красоту.

Им сотворено всё, но всё это — вне Его совершенства,
бессильны и знание, и видение перед Ним.

В том совершенстве и той красоте и людям отведена доля,
если избавятся они от мусора воображения.

Одним лишь воображением этот путь не пройти —
разве за один месяц до луны доберёшься?

Сотня тысяч голов там мячам уподобится,
слышны там будут лишь крики и возгласы.

На пути туда столько морей и суши,
что и не думай, что путь этот короток.

Нужен отважный для этой дороги,
ибо она длинна, а моря глубоки.

Следует идти в изумлении,
на Его пути в один и тот же миг и смеются, и плачут.

Если найдём следы Его — совершим великое дело,
ведь иначе, без Него, жить просто позорно.

Душа без Любимого никому не нужна.

Если ты мужчина, не оставляй душу свою без любимых.

Мужчиной надо остаться на всём этом пути,
жизнь отдать следует на этом дворе —

забыть о ней надо отважно,
чтобы сказано было: ты — мужчина этого дела.

Раз жизнь без любимых ничего и не стоит,
откажись от любви к жизни мужественно.

Если пожертвуешь жизнь по-мужски,
множество жизней тебе Любимый подарит.

Слово о Симурге

«Симург впервые явил Себя в полночь,
в Китае, вот диво!

Его перо там упало,
приведя все народы в волнение.

Каждый избрал себе некий образ,
и каждый, образ увидев, что-то дальше предпринял.

Это перо находится в китайских капищах,
вот почему говорится: «Ищите знание даже в Китае»⁴².

Если бы не обнаружился образ Его пера,
не всполошился бы мир в такой мере.

Искусство обязано сиянию того пера своим бытием,
и вся красота мира — лишь отражение того сияния.

Однако объяснение этого не имеет ни конца, ни края,
и рассуждать об этом не следует более.

Теперь те из вас, кто в себе чувствует мужество,
пусть вперёд выступят и собираются в путь».

Всех собравшихся птиц
вдохновило величие их Падишаха.

Предчувствием радости видеть Его вдохновились их души,
каждая проявляла сильное нетерпение.

Шагнули вперед, намереваясь выступить в странствие,
влюбившиеся в Него, настроившиеся против себя.

Но, поскольку цель была далека и дорога длинна,
птицам трудно было первый шаг предпринять.

Хотя путь необходим был каждой из них,
каждая оправдывала свою неподвижность.

Слово о Соловье

Пьяный-пьяный явился обезумевший Соловей.
От беспримерной любви словно и здесь он, и его нет.

В каждой из тысячи песен его — одно понятие,
и мир тайн — за каждым понятием.

Начал рыдать о тайнах понятий
и этим птиц заставил притихнуть.

«Мне уже ведомы тайны любви, — он сказал, —
каждую ночь я о ней повторяю.

Не найти томящегося влюблённого,
кому я не читал бы Забур* любви, как Давуд.

Моя речь — причина стона свирели,
моему печальному крику вторит мелодия лютни.

Сады из-за меня приходят в восторг,
в сердцах влюблённых волнение — из-за меня.

Я каждый миг открываю новую тайну,
каждый час запеваю новую песню.

Когда любовь набирает силу во мне,
душа моя ликует как море,

пропал тот, кому передалось моё упоение:
хотя он трезвым пришел — опьянённым ушёл.

Поскольку не могу в лицо поверенного⁴³ смотреть
круглый год,
бью себя, но ни одной тайной ни с кем не делюсь.

* Псалтирь, ниспосланная пророку Давиду.

Когда моя возлюбленная с приходом весны
по всему миру раздает мускус своего аромата,
моё сердце этому радуется,
при взгляде на неё исчезают мои затруднения.

Когда же она пропадает, вновь
обезумевший Соловей петь начинает.

Далеко не каждый осознаёт мою тайну,
но, вне сомнений, цветок о ней знает.

Я так увлечен любовью к цветку,
что совсем забыл о себе.

Заботы о любви к цветку мне довольно,
ибо прекрасный цветок — вот мой вечный любимый.

Соловью трудно о Симурге заботиться,
любви к цветку достаточно Соловью.

Раз сотней лепестков богата возлюбленная моя,
то нет мне дела до нищеты.

Когда цветок восхитительно раскрывается,
радость всем лицом ко мне поворачивается.

Когда цветок созреет в бутоне,
созерцаю я улыбку его.

Разве может Соловей даже одну ночь
без любви к улыбающимся губам провести?»

«О ты, во внешнем застрявший, — сказал Удод. —
Довольно хвастаться любовью к цветку.

Тебя измучила любовь к его личику,
повлияла на тебя так, что ты связанным стал.

Несомненно, цветок красотой обладает,
но длится это всего лишь неделю.

Любовь к смертным вещам
принесёт совершенным только недуг.

Любовь к цветку тебя увлечёт,
а впоследствии заставит горько петь и ночью, и днём.

Брось цветок, ведь каждую весну он не улыбкой
тебя одаряет,
а над тобою смеётся, неужели не стыдно тебе?»

Дочь шахрияра

Дочь шахрияра была красой подобна луне,
окружённой несметным роем ослеплённых поклонников.

Не прекращалась смута вокруг неё,
ибо её полуприкрытые глаза опьяняли.

Её лицо белое, словно камфара, кудри — словно из мускуса.
Насыщенный водой рубин рядом с её губами казался
сухим.

Если из-под покрывала приоткрылась бы её красота,
ум опозорился бы в наступившем безумии.

Если бы кто отведал сахара её губ,
замер бы и сгорел от стыда.

По иронии судьбы мимо шёл бедный дервиш
и бросил взгляд на сияющую эту луну.

Буханку хлеба он нёс,
черствую, забытую пекарем.

Взор как он обратил на эту луну,
так руки и выронили хлеб на дорогу.

Прошла мимо девушка, словно огонь,
и над дервишем весело посмеялась.

Бедняк, увидав её смех,
затем увидал и себя, в крови, упавшего на дороге.

Было у дервиша полбуханки и полжизни —
в миг потерял и то, и другое.

Едва выдерживал он дни и ночи,
едва дышал он от слез и от стонов.

Лишь вспоминал смех прекрасной девицы,
рыдать начинал, как дождь льющее облако.

Так семь лет он пробыл, сам не свой.
Ночевал с собаками на улице девушки.

Прислуга девушки, слуги
устали ему удивляться.

Жестокие люди сообща решили
бедняка обезглавить: так тушат свечу.

Тайком девушка вызвала дервиша и сказала:
«Для такой, как я, станет ли парой подобный тебе?»

Тебя хотят погубить, уходи.
Не сиди у моих ворот, вставай и беги».

«В день, когда я стал пьяным тобой,
забыл я о жизни», — дервиш ответил.

«Пусть тысячи взволнованных жизней, подобно моей,
становятся жертвами твоего лица ежечасно.

Раз несправедливо мне смертью грозят,
окажи милость, на прощанье ответь:

Когда и ты ни за что мне отрезала голову,
почему смеялась тогда надо мной?»

«Разглядывала я сначала идиотский твой вид,
рассмешил он меня, о несведущий, — сказала девушка. —

Но если над тобой и возможна усмешка,
то тебе в глаза смеяться — ошибка».

Произнесла и исчезла, как дым.
Пустотой было всё, что было.

Слово о Попугае

Попугай прилетел с полным сахара клювом,
в наряде фисташкового цвета с золотым жабо —

в его сиянии и сокол становится мухой.
Вся зелень вокруг — лишь отражение его перьев.

Слова его — сладкая патока, когда заводит он речь.
Спозаранку встаёт он, чтобы свой сахар клевать*.

«Жесткосердные и подлецы, — сказал Попугай, —
такого, как я, заточают в железную клетку.

В плену я в этой железной тюрьме,
сгорая от жажды живой воды Хизра¹⁴.

И сам я словно Хизр птиц, одетый в зелёное,
из источника Хизра я мог бы испить.

* Выражение «клевать сахар» означало говорить правильно, красиво, умно.

Не по силе мне быть у Симурга,
из родника Хизра довольно мне капли воды.

Бросаюсь я в путь подобно безумному,
прохожу повсюду подобно бродяге⁴⁵.

Но, когда на следы живой воды нападу,
мне, живущему в рабстве, достанется царство».

Ответил Удод: «О ты, не отмеченный и знаком богатства!
Не способный собой пожертвовать — не мужчина.

Тебе жизнь дарована ради того, чтобы
в нужный момент ты послужил бы достойно ней другу!

Алчешь живой воды и бессмертия?
Тогда уходи, ибо ты — скорлупа без ядра.

Что вцепился ты в жизнь? Отдай любимым её,
ради любимых свою душу отдай, как мужчина».

Безумец и Хизр

Жил некто, достигший великого безумия⁴⁶.
Хизр повстречал его и сказал: «О совершенный!

Желаешь быть мне товарищем?»
«С тобою мои дела не решатся, — ответил безумец. —

Не единожды живую воду ты пил,
чтобы душе своей жизнь надолго продлить.

А я только и жду, когда час мой пробьёт,
ибо невыносимо быть без Любимого.

Ты — в заботах, сохраняя душу подольше,
а я готов отдавать её каждый день.

Будет лучше, чтобы, как птицы держатся подальше от
западни,
и мы бы держались друг от друга подальше, и всё».

Слово о Павлине

Следующим Павлин подошёл, украшенный золотыми
перьями,
не сотни — тысячи рисунков на них!

Принялся красоваться, словно невеста,
своим цветом засияло каждое пёрышко.

«Когда тайный художник нарисовал меня,
пальцы у китайцев стали кистями»⁴⁷.

Я являюсь Архангелом птиц,
однако зло подшутила судьба надо мной.

Мерзкая змея в раю подружилась со мною однажды,
из-за неё изгнали из рая меня.

Когда изменилось место моего покоя,
ноги стали причиной моего одиночества»⁴⁸.

Хочу я найти провожатого,
пусть в рай меня выведет из этой тёмной земли.

К царю идти не настолько я храбр,
достаточно мне добраться до рая.

Кто я для Симурга? Он и не заметит меня.
Я удовольствуюсь раем прекрасным.

В этом мире одна мне забота:
поскорее в рай возвратиться».

«О ты, потерявший дорогу к себе, — ответил Удод, —
из тех, кто у Царя себе дом выторговывает.

Не лучше ли стать ближе к Царю, чем свой дом заиметь?
Быть с Царём в Его доме лучше всего.

Рай, тебя соблазняющий, — дом желаний,
но дом сердца — вот истинное твоё назначение.

Его Святейшество Истина — величайшее море,
рай со своим изобилием — это капля воды.

У кого море, тот владеет и каплей.
Всё, кроме моря — иллюзия.

Раз можно приблизиться к морю,
зачем же охотиться за каплей росы?

Тот, с кем всё солнце делится тайнами,
крупинку света и так уже не упустит.

Кто стал целым — тому не до части,
кто стал душой — тому не до тела.

Если постиг главное, так уже не смотри на вторичное,
пожелай сути! Стань целостным и выбери сущностное».

Адама изгоняют из рая

Ученик задал вопрос учителю:
«Отчего Адама изгнали из Рая?»

Наставник ответил: «Адам был с превосходными
качествами.

Но когда опустил он в рай свою голову⁴⁹,

то голос услышал:

«О ты, кого сотней канатов рай спеленал!

Знай: у любого, кто в обоих мирах, что вне Нас,
склонит голову перед чем-либо ниже Нас,

Мы подвергнем порче всё, чем он обладает,
ибо, кроме Возлюбленного, ни к чему нельзя
прикасаться».

У Возлюбленного отыщется сто тысяч мест.

Зачем вообще нужно место без Любимого?

Тот, кто оживлён иным⁵⁰, чем Возлюбленный,
падет, если даже он — сам Адам».

Людям рая подали весть:

первое, что даруют в раю — это сердце.

Если тайну человеку рая знать не дано,
то снова и снова будут давать⁵¹ ему сердце.

Слово об Утке

Утка выбралась из воды сто раз омытой,
в опрятном наряде приблизилась к публике.

Сообщила: «Никто не скажет, что в обоих мирах
отыщется кто-то чище меня среди идущих чистым путём.

Я совершаю гусл* каждый миг,
а потом вновь на воде расстилаю молитвенный коврик.

* Гусл — религиозный обряд, омовение ради благодеяния.

Разве кто-то способен, как я, стоять на воде?
Довольно и этого, чтобы поверить в мои чудесные силы!

Я — аскет среди птиц с чистым знанием,
всегда чисты мои одеяния и место моё.

Хотя в моём сердце поселялось огромное горе,
его смысла* вода, мой друг душевный.

Вода в моём ручье течёт непрерывно.
Разве удовлетворит меня суша?

Раз я с водою накрепко связана,
то как же от неё отделиться?

Всё, что есть на свете, благодаря воде живо.
Вот так, запросто, воду нельзя забывать.

Мир без воды для меня бесполезен:
родилась я в воде и в ней обитаю.

Мне путь пустыни не одолеть,
ибо с Симургом лететь не могу.

Если у тебя закончится вода на вершине,
возместит ли такую утрату Симург?»

Удод ответил: «О ты, обрадованная водой,
охватила вода твою душу, подобно огню.

Легко посреди волн ты уснула,
капнула капля воды и тебя унесла.

Вода каждому хаму доступна,
если ты хам, то, конечно, воду ищи...

До каких пор будешь, подобно прозрачной воде,
разглядывать лица всех проходящих невежд?..»

* Совершив гусл, человек обыкновенно переживает чувство легкости.

Безумца расспрашивают о двух мирах

Безумца спросил некий прохожий:

«Что же такое эти два мира, со всеми их образами?»

«Эти два мира, и наверху, и внизу, — ответил безумец, —
будто капля воды.

Не разберёшь даже, есть она или нет.

Сначала возникла капля воды,
затем, бликами на её поверхности, и вся эта роскошь».

Любая красота, разумеется, это красота на воде,
даже если вещь — из железа.

Крепче железа нет ничего,
но и эта крепость зиждется на воде.

Однако всё, что основано на воде,
снится нам, даже если представляется огненным.

Никто не видел воду устойчивой,
на воде не установишь опору».

Слово о Куропатке

Куропатка появилась бодрая, кокетливая,
Горделивая, опьянённая. С рудника

с красным клювом, пёстрая прилетела она,
глаза красные, будто кровь кипит в них.

То взмывала она над скалами и вершинами,
то слетала со скал и вершин.

«Я всегда искала в руде,
видела много драгоценных камней, — сказала она.

Я всегда жила в горах и на скалах,
дабы стать властелином камней.

Любовь к драгоценностям воспламенила меня,
довольно мне и удивительного этого пламени.

Едва разыграется внутри меня этот огонь,
как обращает все мелкие камни во мне в мою кровь.

Под действием этого жара
камень сразу превращается в кровь.

Остаюсь я в волнении и размышлениях
между огнём и камнями.

Ем я мелкие камни, волнуясь,
наполнив сердце огнём, сплю на камнях.

Откройте пошире глаза, о мои друзья,
взгляните на мою пищу и мою постель.

Что докажешь тому,
кто ест камни и спит на камнях?

Это трудное дело, сотней переживаний ранено сердце,
ибо к горам меня приковала любовь.

Тот, кто предпочитает Любимого драгоценностям,
выбирает не вечное царство.

Вечен мир драгоценностей,
горы и его бытие неразрывны.

Я — рыцарь гор и страж драгоценностей,
не покину я ни на миг свои скалы.

В горах есть всегда драгоценности,
вот я и ищу их постоянно в горах.

Ценнес и лучше, чем драгоценности, я ничего не нашла,
дороже драгоценностей ничего не видала.

Дорога к Симургу слишком сложна,
и привязалась я драгоценностям.

Доберусь ли я к крепкому сердцем Симургу?
Столько трудностей в этом пути, как я дойду до Него?

Нестерпима страсть к камню — жжёт, подобно огню,
или умру, или найду я свои драгоценности,

Мне нужно найти драгоценности.
Без них не нужен ты никому».

«О, ты сама переливаешься гранями, как драгоценность,
и так много ты говоришь, но нет логики в твоих
доводах», — ответил Удод.

«Испачкала кровью сердца ты когти и клюв,
бездарно посвятив себя камню.

Что есть драгоценности? Это крашеный камень.
От любви к камням и ты стала жёсткой.

Если камень цвет потеряет, то превратится в булыжник,
и никакого нет веса у лицемера.

Кто чувствует аромат, не нуждается в цвете,
имеющий драгоценное не нуждается в камне».

Кольцо Сулеймана

Ни один камень не мог сравниться своим великолепием
с камнем в перстне Сулеймана.

Всей славой и известностью Сулейман
обязан был этому камню с незначительным весом.

Когда Сулейман установил камень на перстень,
над всей землёй появилась власть у него.

Осматривая свои грандиозные владения,
Сулейман видел, что повинуются ему все горизонты.

[Поперечник шатра был в сорок фарсангов⁵²,
ветер переносил шатер по приказу владельца.]

Размер царского шатра был сорок фарсангов,
но установлен он был на маленьком камешке.

«Раз это царство и заботы, с ним связанные, — однажды
сказал Сулейман, —

в такой мере зависят от этого камня,

не хочу я, чтобы кто-либо в мире из-за него
потерял бы и жизнь, и веру свою.

Оком мудрости, о Владыка,
ясно увидел я опасность этого царства.

Мизерным станет всё это могущество в преддверии
Судного Дня.

Больше никому, никогда не даруй такой власти.

А мне уже не до царства и не до войска.

С этого часа я буду плетельщиком».

Хотя благодаря игрушке ювелира Сулейман стал царём,
этот же камень на пути его стал препятствием:

только спустя пятьсот лет после пророков
Сулейман попадёт в рай⁵³.

Если драгоценность так навредила самому Сулейману,
принесёт ли она удовлетворение тебе?

Если перстень — лишь камень, то не копай в стольких
рудниках.

Если и копать, то лишь ради того, чтобы увидеть
Любимого.

Забудь о драгоценностях, о ты, ищущий драгоценное,
и неослабно ищи Создающего драгоценное.

Слово о Хоме

Возникла на собрании Хома*, дарующая тень.

Тень её любому царю заменит богатство.

Благословенной она стала птицей,
ибо выше всех она своей волей⁵⁴.

«О вы, птицы суши и моря,
отличаюсь я ото всех прочих птиц, — молвила она. —

Моё усердие столь высоко,
что живу я отшельником вдали от людей.

Я смогла подчинить собаку желаний,
и даже Афридун и Джам могуществом обязаны мне⁵⁵.

Под моей тенью воспитываются только цари,
неблагородные её не достойны.

Собачьим желаниям бросаю я кости,
пусть всегда пребывает в покое эта собака.

Оттого, что я пса накормила костями,
моя душа и обрела столь почётное место.

Если царство получают благодаря тени от моего пера,
то как царю и впоследствии не подчиняться его ореолу?

Всем надо стремиться под моим крылом посидеть
в надежде хотя бы крупину тени его получить.

Как непокорный Симург мне станет возлюбленным?
Мне довольно того, что я сама выбираю царей».

* Вещая птица из древних иранских преданий (другая принятая транскрипция — Хумай). Считалось, что тот, на кого упадет тень Хома, станет правителем.

«О ты, пленённая собственной гордостью, — ответил
Удод, —
спрячь свою тень да не выставляй себя на посмешище.
Нынче исчезла возможность царей назначать,
но занята, словно собака, костями ты всё своё время.
Не лучше ли себя освободить от костей,
чем царей назначать?
Да пусть хоть все цари мира
благодаря тем костям получили престол —
ведь завтра, в той вечной, мучительной жизни
всех царств лишатся они.
Не заметил бы царь твою тень,
в Судный день в беду не попал бы!»

Махмуд снится святому

Один благородный муж, стоящий на верном пути,
однажды ночью увидел Махмуда⁵⁶ во сне.
Спросил: «О благоденствующий Султан,
как живётся тебе в мире отдохновения?»
«Убей меня, но не проливай кровь моей души.
Молчи о том, что есть царство, встань и очнись.
Мое царство было иллюзией и ошибкой,
не достойна власти толпа умирающих.
Царства достоин лишь Истинный,
являющийся Царем всех миров.
Когда своею никчёмностью я стал удивлён,
за своё правление охватил меня стыд.
Иначе, как «разочарованный», и не зови меня,
Султан — это Он, не называй султаном меня.
Царство Его я бы мог обрести,
если бы в мире был нищим.
Уж лучше была бы сотня ям, а не власть,
лучше был бы я дворником, а не правителем.
Теперь нет никакого выхода у меня,
спрос идёт за каждое зёрнышко.

Пусть отсохнут крылья и перья у той Хомы,
что простёрла свою тень надо мной».

Слово о Соколе

Сокол явился, голову горделиво подняв:
открывает* он тайны высоких притязаний⁵⁷.

О своём владельце рассказывал сокол,
похвалялся своим колпаком:

«От радости сидеть на руке у царя
закрылись глаза мои: ни людей я не вижу, ни мира.

Зажмурился я под своей шапкой,
ведь когти коснулись царской руки.

Деликатность я взращивал,
занимаясь аскезой, подобно аскетам,
чтобы в час, когда к царю меня привезут,
в его свиту я поступил бы воспитанным.

Я Симурга не видывал даже во сне,
так нужно ли мне торопиться к нему?

Достаточно мне лишь кусочка еды, но с царской руки!
В этом мире я счастлив таким уголком —

поскольку не сложен я для ходьбы,
горжусь своим местом на руке у царя.

По мне, похвальней стать достойным султана,
чем бродить по бескрайней пустыне.

Желаю я в радости рядом с царём
провести свои дни в этом мире.

Иногда, дождавшись приказа царя,
я ему на потеху на кого-то охочусь».

Ответил Удод: «О ты, так сходный внешностью
с соколом⁵⁸,
как же пленился ты внешним, удалившись от сути?

Если есть у царя соперник на трон в его царстве,
то уже нет в нём очарования и красоты.

* Игра слов. «Сокол» и «открывать» пишется одинаково (корень бз).

Ни у кого нет царства такого, которым владеет Симург,
ибо только он и есть единственный Царь.

Ведь царь — не тот, кто, в своей стране сидя,
себе на голову водрузит ещё одну, безмозглую, голову⁵⁴.

Царь — тот, кому никто не подобен.

Царь не наделяет ничем, кроме единства и верности.

Правители этого мира сегодня верны,
а завтра тебя предают.

У тех, кто приближен к царю,
бесспорно, дела⁶⁰ беспросветнее.

В постоянной боязни правителя
ведут они полную опасностей жизнь,

этот мир — царь, он словно огонь.

Сторонись ты огня, уже это — благое дело.

О ты, кто уже к царям приблизился,
держись их поодаль».

Любовь падишаха к слуге

Некий султан из почётного рода
влюбился в белого отрока,

и так крепко, что без своего кумира
в покое не мог он быть и минуты.

Ставил его превыше всех отроков,
перед своими глазами постоянно держал.

Когда султан решил во дворце пострелять,
отрока испуг охватил,

ибо султан вместо мишени
взял яблоко и водрузил его на голову отроку.

Когда пополам яблоко разлетелось,
побледнел отрок от страха.

Неосведомлённый прохожий спросил у него:
«Отчего щеки у тебя пожелтели как золото?»

В таком почёте ты у султана!

Объясни, отчего лицо твоё — желтое?»

«Положит он на мою голову яблоко, — сказал отрок, — и если промахнется и в меня попадет,

молвит: “Вот, словно и не было у меня отрока...
Ладно, одним негодным в моих войсках меньше”.

Но если он в цель попадет,
все воскликнут: “Вот везучий султан!”

А я меж двух зол вращаюсь.
За что я жизнью рискую? Да ни за что».

Слово о Цапле

Цапля быстро вылетела вперёд.
«О птицы, это я со своим недугом», — сказала она.

«Мне хорошо возле моря;
никто никогда здесь мой крик не услышит.

Настолько я безобидна, что
даже на миг никто задет мной не будет.

Сижу возле моря, тоскуя,
всегда с болью и всегда грустная.

Мечтаю о воде, и сердце полнится кровью⁶¹.
Но жаль мне пить воду, и терплю, что ж поделаешь.

Птица я не морская, но
на берегу умираю от жажды, о диво!

Хотя море и кипит брызгами,
но не выпью и капли его!

Умру я от ревности, если
хоть каплей воды в море вдруг станет меньше.

Любви к морю достаточно мне,
этой боли моему сердцу хватает.

Кроме томления по морю ничего мне не нужно,
не справиться мне с заботой о Симурге, оставьте меня.

Для того, кому сберечь каплю воды — главное,
воссоединиться с Симуртом никак не возможно».

«О ты, моря не знающая, — ответил Удод, —
в море полно акул и животных.

Море то горькое, то солёное,
то спокойное, то бурное.

Взволнованное оно и неустойчивое,
то приближается оно, то отбегает.

Тьму кораблей и великих людей сгубило оно,
засосало многих в его воронку.

Тот, кто погрузился в него, как ныряльщик,
чтобы не сгинуть, от страха держит дыхание.

А если кто-то вздохнёт в его глубине,
сразу умрёт он, пойдёт ко дну, как тростинка.

Не жди верности от такого, как море,
на такого не полагайся!

Если ты не уйдёшь от моря подальше,
в конце концов оно утопит тебя.

Само море в ожидании радости увидеть Друга кипит:
то взволнуется, то взревёт неистово.

Но раз само оно не находит Желанного,
твоему сердцу подавно покоя не будет.

Все моря — лишь родники на Его улице.
Как ты могла удовлетвориться ими без Его Лица?»

Дозорный

Моряк, выйдя в плавание, у моря спросил:
«О море, почему ты синее?»

К чему этот траурный наряд?

Почему ты кипишь и пенишься, хотя огня не заметно?»

Море ответило благородному моряку:
«Волнение моё из-за разлуки с Другом.

Не хватает мне воли стать достойным Его,
поэтому от боли Его и одето я в синее.

Теряя от жажды сознание, сижу с пересохшими губами,
и вскипели от огня любви мои воды.

Найди я лишь каплю влаги с Его Каусара*,
и стану вечно живым у дверей Его дворца.

* Аль-Куасар — название реки в раю.

А пока я — среди тех сотен тысяч, что с пересохшими
губами
умирают на Его пути днём и ночью».

Слово о Сове

Словно безумная, прилетела сова.
«Я нашла себе развалины! — восклицала она, —

Родилась я в руинах беспомощной,
летаю без вина опьянённой.

Подыскала я как-то неплохой особняк.
завистник вытурил оттуда меня, зато вдохновил на поиск
руин.

Если хочешь общаться с людьми,
привыкай ходить опьянённым.

Гнездо я, мучаясь, строю в развалинах,
ибо развалины — место сокровищ!

Любовь к сокровищам привела в руины меня,
только пьяный разыщет к руинам дорогу.

Скрывала я тщательно труды ото всех,
чтобы найти своё сокровище без талисмана⁶².

Когда я обнаружу сокровище,
насладится свободой моё упорное сердце!

Любовь к Симургу похожа на сказку.
Его любить редкий способен.

Я Симурга не смогу полюбить,
я люблю руины и клады, в них я нуждаюсь».

«Ты совсем обезумела от любви к своим кладам, —
ответил Удод. — Допустим, и обретёшь ты сокровище,
но над ним обнаружишь себя погребённой —
растратила жизнь, не выполнив миссию.

Любовь к драгоценностям, к золоту — признак
неверности,
сделавший кумира из них — просто скряга.

Поклонение золоту — это неверность.
Ты же не из самаритян!⁶³

Золото разрушает любое сердце,
в День Суда потеряешь лицо от позора».

Золото покойного

Золотая шкатулка была у несведущего,
осталась шкатулка после его смерти.

Спустя год его сын увидел во сне отца
с крысиной мордой вместо лица, с глазами, полными слёз.

Шустро кружила крыса
вокруг тайника с золотом.

Сын рассказывал: «Я спросил у отца: “Зачем явился сюда?
Говори быстро, в чём дело!”»

«Я здесь золото прятал, — ответил тот, —
не хочу, чтобы золото кому-то досталось».

«А почему крысиная морда у тебя вместо лица?» — спросил
сын.

«Если сердце очаровано золотом, — получил он ответ, —

[Воскреснет такой в облике крысы,
и всегда будет кипеть от сожаления.]

вот лицо его. Взгляни на меня,
запомни урок и от золота избавляйся, сынок».

Слово о Зяблице

Прилетел зяблик со слабым сердцем, худой,
в беспокойном трепете весь, как огонь.

«Я дряхл, измождён, — сказал он, —
бессилен и голоден, и вдобавок труслив.

Лишён я мощи и силы Мусы,
настолько я слаб, что одолеет меня муравей.

Ни крепких крыльев, ни ног нет у меня,
смогу ли я до великого Симурга дойти?

Неужели такая слабая птица к Нему доберётся?
Зяблику не суждено к Симургу приблизиться.

Многие в этом мире к Нему устремляются,
и только я единения с Ним не достоин.

Раз у меня с Ним соединиться нет шансов,
не смогу я пройти невозможный путь этот.

Если я лицо к Нему поверну,
либо сразу умру, либо сгорю на Его пути.

Но, если я Его не достоин,
я полезу в колодец искать своего Йусуфа⁶⁴.

Потерял я Йусуфа в колодце,
но когда-нибудь я его разыщу.

Если отыщется мой Йусуф в колодце,
взлетим мы с ним от рыб до луны!»

«О ты, возбуждённый в веселье, — сказал Удод, —
в самом смирении сотню раз взбунтовавшийся.

Ты весь — лицемерие, мне это не нужно.
Твоё лицемерие не достойно меня.

Собирайся в путь, молчи, закрыв рот.
Если вспыхнет всё, тогда тоже сгори».

Пусть и мнишь ты себя Йакубом по сути,
но не отдадут тебе Йусуфа, поменьше хитри.

Огонь ревности постоянно горит,
ибо так любить Йусуфа в мире запрещено.

Йакуб в разлуке с Йусуфом

Когда похитили Йусуфа у отца,
потерял Йакуб зрение из-за разлуки.

Море крови волнами текло из его глаз,
непрестанно произносил он имя Йусуфа.

Явился Архангел ему и сказал: «Если ещё раз
произнесёшь имя Йусуфа,
сотрём навсегда твоё имя
в списке пророков и посланников».

Как только приказ Всевышнего был ниспослан Йакубу,
так ни разу тот больше не произнёс имя Йусуфа.

И вот однажды ночью ему Йусуф приснился,
захотелось отцу к себе призвать сына.

Вспомнив о повелении Всевышнего,
не разомкнул губ тот истощённый.

Но чистая душа его не сдержалась,
очень горько он застонал.

Едва он очнулся от сладостного сна,
Архангел явился ему и сказал: «Господь говорит:

“Хотя ты не произнёс имя Йусуфа,
но вместо этого ты горько стонал,

и ведомо, кого ты поминал в своём стоне.

По сути, нарушил ты покаяние, какая в нём польза теперь?

Ум в этом деле себя потеряет.

Взгляни, как с Нами он играет в любовь”».

После этого многие птицы, одна за другой
из этой кучки незнающих, стали ссылаться на множество
причин.

Каждая в невежестве приводила доводы,
и если не упоминала почётное место, то обсуждала
прихожую*.

Если примусь тебе рассказывать обо всех их доводах,
то, извини, это надолго затянется,

довод каждой был слабым, хромым.

Так никому не удастся Ангу** достигнуть.

Тот, кто от души к Ангу стремится,
мужественно расстанется с жизнью.

Тем, у кого нет тридцати зёрен в гнезде,
Симург необходим, если у не имеющего зерён разум
остался.

* В оригинале использован именно этот идиоматический оборот, формальное значение его – «приводить разные причины».

** Ангу – другое название Симурга.

Но если у тебя в зобе* и зернышка нет,
разве выдержишь сорок дней⁶⁵ быть Симургу товарищем?
Если не выдержишь с мужеством и наперстка вина,
неужели выпьешь с богатырём два бокала?
Если ты и крупицу⁶⁶ света не выдержишь,
неужели сокровища на солнце сможешь искать?
Раз ты и в капельке утонул,
как с морского дна сможешь подняться наверх?

Птицы расспрашивают Удоды

Услышав историю, птицы
принялись Удоды расспрашивать.
Говорили: «О ты, опередивший нас в предводительстве,
в пределах благородства и наставничества ты
пребываешь.
Мы — кучка бессильных и слабых,
без крыльев и перьев, без тел и без сил.
Как же нам до высот Симурга подняться?
Чудо, если кто-то из нас вдруг долетит.
Расскажи, кем Он приходится нам,
ибо не положено искать тайну вслепую.
Знай мы нашу с Ним связь,
потянуло бы к Нему каждого.
Он есть Сулейман, а мы — нищие муравьи.
Смотри сам, где Он, а где мы:
связанный муравей, брошенный в яму,
доберётся ли до вершины Симурга?
Разве нищий встанет рядом с царём?
не под силу это таким, как мы...»

* Фактически строка имеет также и значение «Если у тебя ещё нет терпения», потому что «зоб» в персидском XII в. пишется так же, как и «терпение». В современном персидском это значение является устаревшим.

Ответ Удода птицам

На это Удод ответил: «О! Вы — бесталанные,
разве хороша любовь с задней мыслью?

О нищие, довольно бездарности,
не сочетаются влюблённость и трусость.

Тот, кому любовь открыла глаза,
приходит, ликуя, и жизнь отдаёт.

Знай, когда Симург из-за занавеса
явил свой солнечный лик,

сотни тысяч теней Он отбросил на землю.
Затем Он взглянул на самую чистую тень:

Свою тень Он распространял в этот мир,
и каждый миг возникало несколько птиц.

Лик всех птиц мира, без исключения, —
это Его тень, о незнающий!

Постигни это! Когда впервые это поймёшь,
окажешься на верном пути к Нему.

А если узнаешь — смотри и будь!
Береги эту тайну, узнав.

Тот, кто стал Его частью — в Нём утонул,
но упаси Бог тебя говорить о себе, что ты — Истина.

Если ты в состоянии, мной описанном, ты — не Истина,
ты лишь в Ней навсегда утонувший.

Утонуть в Истине — это не из теории хулулитов*,
их рассуждения свойственны только нахалам.

Узнав о том, чья ты есть тень,
уже освобождён ты, мёртвый ты или живой.

Если бы Симург не обнаруживался,
то никакой тени бы не возникло,

но и если скрылся бы Он,
то ни одной тени бы не осталось.

* Хулул: воплощение, вселение. Ряд суфиев оказался в плену неверного, еретического воззрения, согласно которому Бог — Истина — воплощается в прекрасных вещах. Из этого вытекала необходимость поклонения таким вещам, что недопустимо.

Любая тень, здесь появившаяся,
возникла сначала, ранее, у Него.

Если зрения у тебя нет, чтобы увидеть Симурга,
твое сердце ещё не блестящее, словно зеркало.

Ни одно око не узрит Его красоту,
и нужно терпение, чтобы иначе увидеть её.

Восхищаться непосредственно Его красотой невозможно,
и совершенным Своим милосердием Он создал зеркало!

Сердце — это и есть Его зеркало, в сердце вглядывайся,
чтобы узреть в нём Его лик.

Прекрасный падишах и его зеркало

Жил некогда прекрасный падишах,
и подобного не найти было в мире красоты.

Все владения мира — книга его тайны,
вся красота мира — лишь образ его красоты.

Не назову никого, кто дерзнул бы
созерцать его красоту.

Из-за него заполнился волнением мир,
и с нетерпением все стремились увидеть его.

Временами он выезжал верхом на вороном коне из дворца,
лицо скрывая под алой вуалью.

Взглянувшего однажды исподволь на вуаль обезглавили,
хотя иной вины на нём не было.

В другой раз произнесшему вслух его имя
язык без промедления вырвали.

И если бы кто надумал свидеться с ним,
потерял бы душу и разум из-за невозможности этого.

Случались дни, когда из-за любви к нему
люди умирали тысячами — вот тебе любовь, и вот дело тебе.

Если кому-то удавалось узреть его красоту,
расставался с душой он и погибал,
но смерть из-за любви к желанному
для всех полагалась достойней сотни лет прежней их жизни.

Разлука с ним не выносима ни на мгновенье,
но рядом с ним никто и мига не выдержит.

Люди умирали, устремляясь к нему,
и рядом с ним, и от него в отдалении не прекращалось
томление их, о диво!

Если бы кто-то имел настоящую выдержку, то, пусть на миг,
но показал бы ему лицо падишах.

Но раз никому не под силу было увидеть его,
оставалось надеяться услышать его.

Не найти мужа, что выдержал бы созерцание лика его,
вот и оставалось всем томиться любовью к нему.

Принести себе зеркало повелел падишах,
чтобы зеркало его отражало.

[Возвели для падишаха прекрасный дворец,
напротив дворца поставили зеркало.

Падишах, войдя во дворец,
в зеркало посмотрел.]

Слышавший о его красоте и великолепии лика его
мог смотреть в зеркало, чтобы увидеть его.

Если красота Друга тебе дорога,
узнай о сердце своём, в этом зеркале ты встретишь Его.

Найди в себе сердце, взгляни на Его красоту,
всмотрись в Его величие, сделав зеркало из души.

Во дворце величия твой Падишах,
дворец освещен солнцем Его красоты.

Взгляни на своего Падишаха в своём сердце —
увидишь Трон, воплощённый в крупнице.

Прелесть мира, что ты вокруг замечаешь,
рядом с великолепием Симурга — обычная тень.

Но если Симург явит тебе Свою красоту,
лишь тень Симурга увидишь, если не придумывать лишнего.

Сорок птиц, тридцать ли, —
всё, что ты видел, было тенью Симурга.

Тень Симурга не делима от Него Самого,
не заблуждайся, если думаешь об их разделении.

Раз вместе они, так ищи их обоих.
шагни через тень, а затем ищи тайну, —

если ты блуждаешь в тени,
достанется ли благо тебе от Симурга?

Если тебе приоткроется одна дверь,
внутри тьмы ты солнце увидишь,
увидишь, как тень непрерывно теряется в солнце,
и, наконец, только солнце видеть начнёшь. Вот и всё!

Искандар-посланец

Говорят, когда владыка Искандар⁶⁷
хотел куда-либо направить посланника,
то, если он оставался последним, кто мог нести весть,
владыка мира
одевался и тайно сам отправлялся.

Затем рассказывал о том, чего никто не слышал до этого,
и заявлял: «Так сказал Искандар!»

Никому на целом свете не было ведомо, что
этот посланец и есть Искандар.

Если бы он говорил о себе, что он — Искандар,
никто не поверил бы, ибо ни у кого не было глаз⁶⁸
Искандара.

У Царя есть путь к каждому сердцу,
но у заблудившегося сердца нет пути.

Если Царь вне дома — чужой,
не грусти, внутри дома Он твой сосед.

Недуг Аяза

Когда сглазили Аяза⁶⁹ и он заболел,
султан тоже начал хворать.

Стоная, Аяз слег в постель,
охваченный бедой и недугом.

Когда об Аязе сообщили Махмуду,
вызвал слугу справедливый правитель.

«Ступай к Аязу, — султан приказал, —
и скажи ему: “О ты, от царя отдалённый,

хотя нет твоего лица рядом со мною,
от твоего горя болею и я.

Пусть моё тело в разлуке с любимым,
но страстная моя душа близка к нему, вот и всё.

Остался здесь, жажду твою душу,
ни на миг о тебе не прекращаю я думать.

Дурной глаз мерзкое дело содеял,
заразив такого красавца, как ты”».

Произнеся это, султан добавил: «Отправляйся не медля,
лети, словно дым, и вернись, как огонь.

Не вздумай по пути задержаться,
беги, словно молния перед дождём.

Если хоть на час где задержишься,
в обоих мирах тебе станет тесно!»⁷⁰

Бедный слуга отправился в путь,
устремился к Аязу, как ветерок.

Вбежал в дом и видит: султан сидит у Аяза.
Встрепенулся дальновидный ум у слуги,

Дрожь скользнула по телу,
будто навеки беда с ним пребудет.

«Как можно с султаном справиться?
Прольёт он теперь мою кровь!» — подумал слуга.

Он клялся, что нигде не задерживался,
нигде не присел и даже не встал отдохнуть.

Прибавил: «Но вообще не пойму, как султан
добрался сюда раньше меня?

Султан сам рассудит, веря мне или нет,
и пусть буду неверным, если я виноват».

«В этом деле ты не поверенный, — ответил султан. —
О! Способен ли заурядный слуга это понять?

У меня есть тайная дорога к нему,
ибо и мига без него мне выдержать трудно.

Каждый раз по этой тропинке тайком к нему бегаю,
так, чтобы никто в мире об этом не знал.

Много тайных путей между нами,
много тайн хранят наши души.

Хотя я снаружи ищу о нём новостей,
за завесой мне всё о нём ведомо.

Если от внешних и скрываю я тайны,
то внутри наши души едины».

Услышав эти слова, птицы
о древних тайнах хорошее понятие получили.

У всех появилось отношение к Симургу,
поэтому появилось желание собраться в дорогу.

От рассказа Удода все в путь поднялись,
став сочувствующими⁷¹ и созвучными.

«О мастер этого дела! — спросили Удода. —
Как же достойно нам справиться с этой задачей?

Ибо в столь почётном месте
такое дело никогда не по плечу слабакам».

Шейх Санаан

Шейх Санаан был пиром⁷² своего века,
познаниями превосходил он всех.

Полвека был он шейхом в Каабе⁷³,
окужало его четыреста учёных мюридов⁷⁴.

Любой из них мог удивить
своим воздержанием и ночью, и днём.

Деяния шейха были равны его знаниям
и в явном, и в сокрытом, и в раскрытии тайн.

Пятьдесят раз совершил он хаджж⁷⁵
и всю свою жизнь совершал 'умру⁷⁶.

Читал он молитвы и держал пост без меры,
ни одного, следуя Сунне⁷⁷, не пропускал.

Предводители⁷⁸, бывшие до Санаана,
терялись пред ним, навещая его⁷⁹.

Волос мог расщепить — такой был наставник!
В карамате и макамате⁸⁰ силён.

Одним своим дуновеньем он
прогнать мог болезнь, недуг исцелить.

И в горе, и в радости люди находили опору
в его удивительной мудрости.

Хотя себя вождём асхабов⁸¹ видел шейх,
несколько ночей один сон ему снился:

будто из Каабы перенёсся он в Рум⁸², где
денно и ночью бил поклоны возлюбленной.

Когда понял свой сон бодрствующий мудрец,
промолвил: «Какая боль! Увы, пришло время
утратить достигнутое, оно рухнет, как Йусуф в колодец!
На пути возник трудный склон.

Не знаю, переживу ли предстоящую беду,
ведь если веру отдам — умру.

Нет никого на этой земле, кому
на такой склон ступить надлежит».

Если преодолеть сложную часть дороги вовремя,
до самого преддверия ясный останется путь.

Избегая сложной части,
не минуешь наказания: длиннее станет путь.

Подумав, тот несравненный учитель
мюридам сказал: «У меня есть дело:

поторопимся же двинуться в сторону Рума,
я должен узнать толкование сна».

И вслед за шейхом отправились в Рум
четыреста благородных мюридов.

Все они добрались до пределов Рума,
исходили этот край вдоль и поперёк.

Набрели однажды на прекрасный дворец,
приметили девушку, сидевшую у окна.

Девушка — христианка, одухотворённая,
сто познаний в ней на пути её к Исе⁸³.

С башни торжества в небе красоты
светила она солнцем, но не заходящим.

Солнце, от зависти к свету её лика,
стало желтей лиц влюблённых на её улице.

Тот, кто возжелал её алых губ,
не успев насладиться, складывал голову;

влюбляясь в кудри красавицы,
завязывал зуннар*, мечтая о них.

Когда утренний ветер разносил мускусный аромат
её кудрей,
даже Индия и Китай тушевались перед Румом.

Глаза её — соблазн влюблённых,
изгиб бровей восхитителен.

Лишь окинет взором лица влюблённых,
от взгляда её они души теряют:

глаза её окружены аркой бровей,
а каждая — словно серп полумесяца.

Поманит одним нежным взглядом этот ловчий —
и сотнями летят в его силки птицы.

Её лицо, прикрытое кудрями,
лучилось, сияло, как пламя,

алый плод её губ влёл своей влагой.

Но пьянящие глаза окружены тысячей клинков —
глядящему в них с жаждой
кинжал ресниц она в сердце вонзает.

Пока не приоткроет уста для беседы,
об этих устах ничего не узнают:

тонкие губы — точно игольное ушко.

Пояс перехвачен косой, словно зуннаром.

Речь её благоуханна, как у Исы.

На подбородке серебряная ямочка,

тысячи раненных сердец, влюблённых в неё,
падали в эту ямочку, как Йусуф в колодец.

* Зуннар — широкий пояс определённого цвета, который, в отличие от узкого пояса мусульман, носили христиане в знак принадлежности к христианству. У более поздних суфиев зуннар получил символическую окраску.

Вуаль чёрных волос прикрывала лицо,
а в них сверкал жемчуг солнца.

Лишь слегка она сдвинула вуаль —
тело шейха огонь охватил;

а совсем открыла лицо —
сковала сотней зуннаров из одного волоса;

хотя шейх и отвел тогда взгляд,
любовь совершила ей предназначенное:

загорелась под ногами шейха земля,
потерял он себя и в пламя упал.

Всё, что имел, уничтожилось,
от жара влечения сердце его задымилось.

Выкрала девушка сердце у шейха,
полилось неверие из её локонов на веру шейха.

Шейх свою веру отдал — и христианство купил.
продал благочестие — позор приобрёл.

Любовь покорила его душу и сердце.
настолько разочаровало его сердце, что готов он был
умереть.

Сказал: «Раз веру утратил, что мне до сердца?
Трудно выдержать любовь к христианке».

Увидев его плачевное состояние,
мюриды поняли: нагрянула беда.

Переполнило их изумление,
подкралась растерянность и овладела умами.

Долго просили они шейха одуматься, но всё зря.
советовали разное — не было проку.

Ничьим призывам шейх не внимал,
боль его была неизлечимой.

Разве страсть влюблённого укротишь?
Разве боль его не сожжёт все лекарства?

Просидел шейх до ночи весь долгий день:
взора от дворца не отводит, а рот разинут.

Каждая звезда, всходявшая в ту ночь,
возгоралась от сердца того несчастного старца.

Его любовь в ту ночь возросла в сотни раз,
и внезапно рассудок он совсем потерял.

Сердце оторвал от себя и от мира,
загрустил, посыпал голову прахом.

Ни на миг от любви не уснул,
всё томился и жалобно плакал.

Думал: «О Боже, эта ночь бесконечна,
неужели погасло небесное светило?»

Я провел в воздержании много ночей,
но такой никогда не испытывал.

Сгорел, как свеча, нет больше света,
в печени нет воды — только кровь сердца.

Как свечу, убивали гореньем и светом,
ночью палили, а днем потушили.

Всю ночь подвергаюсь я нападениям⁸⁴,
залит кровью из ран с ног до головы.

Каждый миг ночи приносит сто вылазок!
Предчувствую, каков будет день.

У любого, кому после такого дня выпадет подобная ночь,
печень вспыхнет и будет гореть сутками.

Пребывая в горячке ночью и днём,
в эту ночь обрёл я свой день⁸⁵.

В день, когда меня сотворили,
только для этой ночи создан был я.

О Боже, эту ночь уже не сменит день,
не возродится светоч небосвода.

О Боже, сколько же знаков⁸⁶ в этой ночи?
Или День воскресения⁸⁷ наступил этой ночью?

Или от моего вздоха угас светоч небосвода?
Или так посрамлён он ликом любимой моей, что скрыли
его завесой?

Хорошо, что ночь длинна и черна, словно её волосы,
иначе сто раз уже умер бы, не видя её лица.

Совсем сгорю я от страсти,
нет сил усмирить бунт любви.

Где молодость, чтобы годами описывать несчастье
и жаловаться на свою судьбу?

Где выдержка мужа, чтоб скрыть свои чувства
и осушить бокал крепкого вина?

Где удача, чтобы я пробудился
и добился ответной любви?

Где разум, чтобы я вернул себе знание,
и какой хитростью вернуть мне его?

Где рука, чтобы посыпать голову пылью дороги⁸⁸
или из-под земли и крови поднять голову?

Где ноги, чтобы пройти на улицу любимой,
где глаза, чтобы увидеть лицо её?!

Где любимая, чтоб сердцем отозвалась на боль,
где друг, чтоб руку подал хоть на миг?

Где день, чтобы плакать и стонать,
где сознание, чтоб вернуть рассудительность?

Ум исчез, иссякло терпенье, ушла любимая,
разве это любовь, откуда такая боль, что это такое?!»

Все друзья, услышав стенания шейха,
собрались в ту ночь его поддержать.

Один друг сказал: «О великий шейх!
Встань, искушение уничтожь омовеньем».

Шейх ответил: «В эту ночь кровью сердца
я сделал сто омовений, о незрячий!»

Вот другой спросил: «Где же чётки твои?
Как твоё дело будет правым без чёток?»

Ответил: «Бросил я чётки —
мешали зуннар затянуть».

Вот другой сказал: «Эй, старый учитель,
если ты заблуждался, покайся скорей!»

Ответил: «Покаялся всей честью и совестью*,
чтобы не быть шейхом и выйти из этого невозможного
состояния».

* Дословно: всем, что совесть объемлет, всем «намусом», т.е. шейху становится безразлично дальнейшее — совесть его чиста.

Вот другой предложил: «Эй, знающий тайное, поднимись, возьми себя в руки, намаз соверши!»

Ответил: «Мой михраб⁸⁹ — лицо любимой моей! Где оно, чтоб молитвы я стал читать непрерывно?»

Воскликнул один: «Хватит кощунствовать, встань и в укромном месте преклони перед Богом колени!»

Ответил: «Если моя возлюбленная здесь, поклонение перед ней и нахожу я прекрасным».

Вот один упрекнул: «Нет у тебя сожаления, ни на миг не болеешь душой об исламе».

Ответил: «Сожалением я переполнен сверх меры: почему не был влюблён я до этого?»

Вот один сказал: «Дэв⁹⁰ дорогу твою пересек, стрелой безнадежности твоё сердце вдруг поразил».

Ответил: «Передай тому дэву: пусть стреляет и впредь, его выстрел прекрасен и меток».

Вот другой сказал: «Если о нас проведуют, пустят слух: предводитель сбился с пути!»

Ответил: «Я свободен уж от славы и стыда, разбил я о камень склянку двулчия».

Вот один сказал: «Старые друзья на тебя в обиде — сердца всех разбиты».

Ответил: «Когда рядом прелестная христианка, нет сердцу дела до чужих обид».

Вот другой сказал: «Послушай друзей, чтобы уйти назад этой ночью в Каабу».

Ответил: «Нет рядом Каабы, но есть монастырь. В Каабе я трезв. В монастыре — пьян».

Вот один сказал: «Собирайся-ка в путь, сядь, вернувшись, в Каабе и моли о прощении».

Ответил: «Милости прошу, склонив голову к порогу красавицы, отвяжись от меня!»

Вот другой сказал: «На пути твоём ад! Ты знаешь, что там тебя ждёт, и не посмеешь грешить».

Ответил: «Возьму я ад себе в спутники:
семь адов сейчас могут вспыхнуть от одного моего вздоха».

Вот один сказал: «С надеждой на рай
вернись и покайся в этих мерзостях».

Ответил: «Когда райское лицо у возлюбленной,
рай — её улица, если он тебе нужен».

Вот другой сказал: «Побойся Бога,
воистину, почитай Всевышнего».

Ответил: «Этот огонь, что Он во мне зажжёт,
я не в силах потушить в одиночку».

Вот один сказал: «Отрекись от нее,
повернись снова к вере, набожным стань».

Ответил: «Кроме неверия, от меня, ошеломлённого,
ничего не жди.

У ставшего неверным веры не просят».

Увещевания на него не действовали, и
наконец отказались мюриды от горемычного шейха.

Всколыхнулась от прилива крови завеса их сердец.
Что же покажется снаружи, из-за завесы?

День, как лихой турок с золотым щитом,
рассёк мечом чёрную голову ночи.

С наступлением утра этот горделивый мир,
подобно морю, заполнился светом из родника солнца.

На улице девушки шейх то сидел в одиночестве,
то с собаками её улицы вместе бродил.

Сидя в придорожной пыли, похудел,
стал тоньше волоса из пряди своей луноликой
возлюбленной.

На её улице почти месяц провёл,
упорно ждал он восхода солнца её лика.

В конце концов захворал без любимой,
не мог приподнять голову с её порога.

Заменила шейху постель земля её улицы,
подушкой стал порог её дверей.

Так как он не уходил с её улицы,
девушка поняла, что с ним происходит.

Напустив на себя недогадливый вид, спросила красавица:
«Эй шейх, отчего так взволнован?»

О пьяный вином неверия, поведай,
с каких это пор отшельники сидят на улице христиан?

Или шейх хочет признаться в любви моим кудрям?
Тогда, глядишь, это сумасшествие пойдёт ему на пользу».

Шейх ответил: «Ты видела меня беспомощным,
поэтому украла ты моё уже украденное сердце.

Или верни моё сердце, или будь со мной ласкова.
Сделай, что я прошу, и не кокетничай.

Откажись от высокомерия и гордости,
видишь — я влюблён, стар, застрял на чужбине.

Моя любовь не переменчива, о красавица,
или голову мне оторви, или стань другом.

Вели — за тебя отдам душу, и если захочешь —
одним поцелуем меня к жизни вернёшь.

О, твои губы и локоны — мои польза и вред,
твоё прелестное лицо — мои цель и желание.

Не распаляй меня завитками своих волос,
не усыпляй томными глазами.

Сердце в огне, глаза полны влаги из-за тебя,
нет друга мне в моём одиночестве, и не вытерпеть мне его
без тебя.

Из-за тебя погибаю, всё я распродал
и сшил мешок⁹¹ из твоей любви.

Слёзы дождём льются из глаз —
не видя тебя, только плакать им остаётся.

В разлуке сердце скорбит от бесконечных рыданий,
но лишь увижу твоё лицо — и вновь сердце в горе.

На что довелось мне взглянуть, того никто не видал.
Боль, причинённую мне моим сердцем, никто не
испытывал.

От сердца моего, кроме крови, ничего не осталось,
сколько можно терпеть боль, если уже нечему болеть?

Больше не мучай душу несчастного,
полонён я тобой, не язви побеждённого.

Я жизнь потерял в ожидании,
если воссоединюсь — вновь её обрету.

Каждую ночь караулю я душу в засаде —
на твоей улице бродит моя душа-беглянка.

Лёжа ничком в пыли у твоих ворот, жизнь отдаю,
дешевле праха теперь её предлагаю!

Столько плачу за твоей дверью, отвори её,
хоть миг со мной поговори.

Ты — солнце, как от тебя отдалиться?
Я — твоя тень, куда ж мне без солнца?

И дрожу я, словно зыбкая тень,
светом солнца проникла ты в щель моей ямы.

Семь небес я возьму под крыло,
если ты склонишь голову к скитальцу».

Девушка сказала: «Эй, выживший из ума,
постыдись, пора готовить тебе саван и камфару¹².

Нет в твоих словах тепла, не болтай о любви.
стар ты стал, о любви и не думай.

Сейчас тебе лучше саван шить,
чем меня желать.

Ты в преклонных годах и зависишь от куска хлеба.
любить тебе не под силу, уходи.

Как ты надеешься царства добиться,
если досыта хлеба не можешь добыть?»

Шейх ответил: «Попрекай хоть сто тысяч раз,
но, кроме твоей любви, ничто уже меня не заботит.

Не разбирает любовь, кто молод, кто стар,
страсть задевает любое сердце».

Девушка сказала: «Если ты искренен,
откажись от ислама.

У того, кто не следует за своим возлюбленным,
любовь лишь пустой цвет без запаха».

Шейх ответил: «Сделаю всё, что велишь,
всё, что прикажешь, выполню душой.

Я твой раб с кольцом в ушах, о белотелая,
лентой из локонов окутай мое горло».

Девушка сказала: «Если ты мужчина в этом деле,
то должен исполнить четыре деянья:

поклонись моей красоте* и сожги Коран,
выпей вина и откажись от веры».

Шейх ответил: «Я выбираю вино,
прочие три — не по мне.

Я выпью вина за твою красоту,
а другие три дела не для меня».

Девушка приказала: «Поднимайся, иди и выпей вина.
Когда выпьешь — начинай буянить».

Привели шейха в кабак,
за ним вошли, стеная, мюриды.

Шейх, однако, счёл сборище приятным,
хозяина — вполне приветливым.

Огонь любви уничтожил его репутацию,
локоны христианки унесли его судьбу,

Не осталось ни капли разума, ни зоркости.
на миг он замолк, не роняя ни звука.

Принял кубок вина из рук возлюбленной,
выпил и сердце отнял от своего дела.

Когда воедино слились любовь и вино,
его любовь к той луне окрепла в сто тысяч раз.

Едва он взглянул на соседку в застолье
и её алые губы в смехе увидел,

* «*Бот*» в персидском имеет ряд значений: красавица, внешняя красота, кумир, идол, истукан. В оставшейся части перевода для более точного восприятия текста всегда, когда употребляется одно из этих значений, лучше иметь в виду неявное наличие и всех остальных.

Как ему огонь страсти в душу запал,
даже выступили слёзы на ресницах.

Попросил снова налить, выпил, затем
кольцо из её кудрей на уши накрутил.

Шейх помнил чуть не сто книг о вере,
знал весь Коран наизусть.

Когда полилось вино из чаши в чрево,
вытек их смысл, остались пустые слова.

Всё, что помнил, он позабыл.

Пришло вино, и вылетел разум, подобно ветру.

Всё, что хранил он и помнил,
с доски памяти начисто смыло вином.

Любовь к красавице стала сильнее,
всё остальное, что было, напрочь ушло.

У захмелевшего шейха, побеждённого чувством,
душа взволновалась, как море.

Увидев подвыпившую красавицу с вином в руках,
шейх вмиг себя позабыл, потерял рассудок

и сердце отдал. Разгорячившись от вина,
захотел её за шею обнять.

Девушка сказала: «Да ты не мужчина в этом деле!..
О любви рассуждаешь, но смысл её от тебя ускользает.

Благочестие не уживается с любовью,
помни — влюблённость ведёт к неверию.

Если ты твёрд на пути к любви,
прими мазхаб⁹³ этих вьющихся кудрей⁹⁴.

Держась за них, входи в неверие⁹⁵,
потому что любовь — серьёзное дело.

Когда ты подчинишься моим локонам,
в тот миг и можешь меня обнять за шею.

Если не захочешь подчиниться,
встань и уйди. Вот посох, а вот и плащ».

Шейх повиновался, дело было сделано,
оставил беспечно сердце на произвол судьбы.

Во времена трезвости
желания земной жизни у шейха и не мелькали.

Когда же опьянел влюблённый шейх,
душа и разум его исчезли.

Не совладав с собой, опозорился он,
не побоялся никого, стал христианином.

Хорошей выдержки оказалось вино,
ударило в голову — закружило старца.

У него — старое вино и молодая любовь,
и любимая рядом, кто же здесь устоит?

Уснул старик и во хмелю рассудок растратил.
Когда влюблённый пьян, считай, что потерял.

Спросил старец: «О лунолика, мне узнать не терпится,
чего ты хочешь от меня, потерявшего сердце?

Когда трезвым был, на идолов не смотрел,
ныне, пьяным, сожгу Коран пред кумиром».

Ответила девушка: «Сейчас ты мой человек,
да будет сладок твой сон, ты достоин меня.

До этого ты был для любви не созревшим.
Стал созревать? Постарайся дозреть, вот и всё».

Когда долетела до христиан весть,
что знаменитый шейх выбрал их путь⁹⁶,

Пьяного шейха привели в монастырь,
затем велели зуннар надеть.

Шейх, оказавшись в оковах зуннара,
сжёг хирку и уподобился христианам.

Сердце освободил он от веры своей,
не вспоминал ни Каабу, ни то, что он шейх.

После стольких лет правоверия
черты лица его размыло вином.

Дервиш низвергся вниз с прежних высот,
любовь к дочери христианки сделала своё дело.

Думал шейх: «После этого любой приказ её выполняю,
что может быть хуже того, что я уже натворил?

В дни здравого рассудка не замечал истуканов,
а чуть подвыпил — превратился в язычника».

Затем произнёс: «О любимая девушка, что ещё?
Выполнил всё, что велела, что осталось ещё?

Вино проглотил, поклонился идолу из-за любви.
Врагу не желаю того, что я испытал из-за любви.

Если кто-то как я влюбится, неминуемо опозорится,
даже если это будет такой шейх, как я.

Полвека дорога была мне открыта,
море тайн волнами накатывало на моё сердце.

Пылинка любви стремительно прыгнула из засады
и привела меня к началу первого круга».

Любовь не раз так поступала и поступает,
хирку превратила в зуннар и превращает.

Замкнувший себя в Каабе⁹⁷ приступает к алфавиту любви.
Но, выйдя в поле любви, он потеряет дорогу.

Добавил: «Прими в расчёт уже сделанное
и намекни, когда соединишься со мной.

Всё, что мне нужно, — единство с тобой.
Всё, что я сделал, совершенно мной в надежде на это.

Хочу единения и близости с тобой,
просто сгораю от разлуки».

Девушка сказала: «О пленённый старец,
плата за меня высока, а ты нищ.

Нужно мне серебро и золото, о несведущий,
или золотые руки у тебя, чтобы обойтись без денег?

Нет у тебя золота — забирай свою голову и иди,
прими от меня милостыню, эй, старец, и уходи.

Шагай легко, словно солнце,
стойко терпи и оставайся одиноким».

Шейх сказал: «О белотелая со станом кипариса,
хорошо же ты выполняешь свои обещания.

Кроме тебя, красавица, никого нет у меня,
брось наконец эти лукавые разговоры.

Каждый миг у тебя новые капризы,
норовишь каждый миг свести меня с ума по-новому.

Ради тебя перенёс всё, что было,
ради тебя выполнил всё, что просила.

На пути к твоей любви всё, что имел, потерял,
неверие и ислам, разницу между вредом и пользой.

Что же ты держишь меня в тревожном ожидании?
Мы сговорились совсем о другом.

Все друзья от меня отвернулись,
теперь они — враги моей беспокойной души.

Ты так, они эдак, а мне что делать?
Не осталось ни сердца, ни души, куда мне податься?

Я теперь предпочёл бы, о душой подобная Исе,
быть с тобою в аду, чем без тебя в раю».

Наконец, когда боль шейха обожгла той луне сердце,
поняла девушка, что он искренен.

Сказала: «О несовершенный, калым за меня таков:
ты должен будешь пасти свиней целый год.

И лишь минует год, соединимся мы,
чтоб жизнь вместе провести в радости и горе».

Шейх от приказа любимой не уклонился —
тот, кто увиливает, не приносит плодов⁹⁸.

Пошёл шейх Каабы и пир кубаров⁹⁹
свиней пасти целый год.

В душе каждого живёт сто свиней.
Либо убей в душе свинью, либо зуннар повяжи.

Эй, приятель, похоже, ты думаешь,
в такую беду попал только пир, и больше никто?

Эта опасность скрыта в каждом,
она проявляется, когда человек отправляется в путь.

Если ты не сведущ о своей свинье,
нет на тебе и ответственности. Ты — не человек пути.

Когда ты выходишь в путь, о человек дела,
встретишься с кумиром и свиньями сто тысяч раз.

Прикончи свиней, сожги кумира в поле любви,
если не можешь, то прими позор подобно шейху.

Весь Рум переполошил шейх,
приняв христианство. Загудел Рум.

Друзья его так разочаровались во всём,
что не знали, куда и податься.

Когда увидели его несчастье,
перестали его поддерживать.

Все сбежали из-за его позора,
посыпали головы пеплом из-за его беды.

Нашёлся один друг среди сборища,
пришёл к шейху и сказал: «О слабый в деле человек,
давай уйдём сегодня в сторону Каабы,
каков твой указ будет, тайну открой.

Или всем войти за тобой в христианство
и сделать себя михрабом позора?

Тебя одного так не бросим мы,
как и ты, зуннары завяжем.

Иначе не сможем смотреть на тебя в таком виде,
быстро сбежим без тебя отсюда.

В уединении в Каабе мы сядем,
чтобы не вспоминать того, что видели мы».

Шейх сказал: «Душа моя исстрадалась,
куда хотите, туда уходите скорей.

Пока я жив, винный кабак — моё место,
и только девушка-христианка мне радует душу.

Вы не постигли причину своей свободы,
потому что вас миновала беда.

Попади вы в такую беду, тогда и смогли бы
мои мытарства понять своим сердцем.

Возвращайтесь, о дорогие друзья,
я не знаю, что станется дальше.

Если спросят обо мне, рассказывайте правду,
где сейчас тот упавший, свою голову потерявший:
остался он в пасти дракона,
глаза полны крови, рот полон яда.

Ни один неверный в мире не согласится
повторить, что выпало сделать этому пиру ислама.

Поманили издалека его лицом христианки,
и утратили для него смысл разум, вера и шейхство.

Судачат повсюду, как вокруг него завился
локон её, кольцо за кольцом.

Если начнут меня упрекать,
скажи: на пути любви такое случается часто.

На этом пути, что без конца и начала,
никто не защищен от коварства и опасности».

Произнёс это, от друзей отвернувшись,
направился своих свиней пасти.

Пока он удалялся, мюриды плакали непрерывно.
Взглянут на него — и снова слёзы текут.

Наконец двинулись в сторону Каабы,
оставив свои души в пламени, а тела в горячке.

Думали: шейх остался в Руме один,
пустил свою религию на ветер, стал христианином.

От стыда растерялись они так, что
попрятались по своим углам.

У шейха в Каабе остался верный мюрид,
в надёжности ему не было равных.

Был он прозорливым и мудрым,
и никто не знал шейха лучше, чем он.

Когда шейх из Каабы отправился в путь,
мюрида в тот день не оказалось на месте.

Когда же он возвратился,
обитель шейха застал уже без хозяина.

Расспросил он вернувшихся о состоянии шейха,
и поведали они ему обо всём:

какими рогами* награждён он судьбой
и чем он занят по воле Провидения¹⁰⁰.

* В то время существовала расхожая поговорка «выросли рога от удивления».

Свою судьбу, мол, прочно связал с христианкой,
путь к вере со ста сторон закрыл.

Играет в любовь с локоном и родинкой,
хирка стала ложью. О чём ещё говорить?

Совсем перестал он молиться,
и, верно, пасёт свиней в этот час

тот больной господин, что
окован зуннаром в четыре кольца.

Хотя шейх на пути веры душу отдал,
он так изменился, что невозможно узнать...

Когда мюрид до конца дослушал, от изумления
лицо его пожелтело, как золото, и застонал он.

Ответил рассказчикам: «О грешники,
в верности и не мужи, и не женщины.

Любому нужны сотни тысяч надёжных друзей.
Верный друг необходим в тяжёлые дни.

Если были вы сподвижниками шейха,
почему не помогли ему?

Позор вам, предавшие дружбу,
где ваша верность и благодарность?

Раз шейх завязал себе зуннар,
все обязаны были завязать по зуннару.

Вам отречься от него нельзя было,
все должны были стать христианами.

Вы отступили от дружбы, а это нельзя,
вы показали себя лицемерами.

Если ты нашёл друга, стал ему помощником,
то другом и оставайся, даже если тот в неверие впал.

Друг принимает твою беду сердцем,
если сам в тот момент сто тысяч раз счастлив.

Когда шейх попал в пасть кита¹⁰¹,
вы все испугались стыда и позора.

Но позор — основа любви,
каждый, кто от этой тайны отворачивается —
недозрелый».

Все оправдывались: «Зря ты нас упрекаешь,
к рассудку его мы зывали не раз и не два.

Готовы были мы и остаться с ним,
и вместе жизнь провести в радости или в горе,
воздержанность продать и позор купить,
от веры отречься и христианами стать.

Однако шейх повелел,
чтобы каждый из нас от него отвернулся.

Он не увидел в нашем присутствии пользы
и обратно нас всех отослал.

И вот — мы по его приказу вернулись,
всё рассказали, не утаив ничего».

Но возразил асхабам мюрид:
«Если вы приложили усилие, то
ваша заслуга видна только Богу,
в Его присутствии всегда вы с головы до ног.

Но пока перед Ним лишь в жалобах на невзгоды
вы опередили друг друга.

Если бы Истинный увидел вашу тревогу,
Он быстро вернул бы вам шейха.

Вы покинули своего наставника,
но зачем вы от Истинного отвернулись?»

Когда мюриды слышали эти слова, от стыда
никто не поднял глаз.

Муж сказал: «Сейчас от стыда нет толку,
дело сделано. Встанем же быстро.

Быть на пороге Истинного следует нам,
жалуясь Ему, посыплем головы пеплом.

Одежду из бумаги¹⁰² наденем все,
дойдём наконец до нашего шейха все».

Вышли они в сторону Рума из арабской земли,
ночью и днём держа затворёнными двери душ своих.

У порога Истинного каждый сто тысяч раз
то милосердия просил, то горько плакал.

Полных сорок дней и ночей
не сходили они с одного места.

Никто из них не спал сорок ночей,
никто не ел и не пил сорок дней.

От смиренной мольбы благородных мужей
бурно вскипели небеса,

все ангелы на небесах и земле
от скорби оделись в синее¹⁰³.

Наконец была принята молитва стоящего впереди,
долетела стрела молитвы до цели.

После сорока ночей тот благородный мюрид
сидел в одиночестве, погрузившись в себя.

Ранним утром принёс ветерок мускусный аромат,
открылся тайный мир сердцу мюрида.

Мустафу* увидел — появился, словно луна,
с вьющимися чёрными волосами.

Тень Бога на земле, солнце лика Его,
сто миров полных душ посвящены одному его волосу.

Ступает величаво, улыбается,
любой, кто его увидит, растеряется.

Мюрид, его увидев, вскочил на ноги:
«О Посланник Аллаха, помоги мне!

О указывающий всем путь во имя Бога,
шейх наш заблудился, ему путь укажи».

Ответил Мустафа: «О великий в усердии,
ступай, снял я с шейха оковы.

Не ослабевало твоё великое усердие,
пока не освободило шейха, достигло оно своей цели.

Между шейхом и Богом с давних времен
лежали пыль и прах, очень чёрные.

Эту пыль мы убрали с его пути,
во тьме его не оставили.

Каплями из безграничного моря Милости, словно росой,
мы обрызгали шейху жизнь.

* «Избранник», один из эпитетов пророка Мухаммада.

Сейчас дорога свободна от пыли,
покаялся он, грех простился ему.

Ты верно знай, что сто миров греха
от одного искреннего покаяния прощается.

Когда взволнуется море доброты,
стирает оно грехи и мужчин, и женщин».

Услышав его, мюрид от радости лишился чувств,
издав такой вопль, что небо вздрогнуло.

Известил он всех асхабов,
одарил их доброй вестью и собрался в путь.

Бежал он к шейху с асхабами, рыдая от радости,
пока не добрался до места, где шейх свиней пас.

Увидели шейха — стал тот словно огонь,
мятущийся, радостный.

Забыл про христианство,
зуннар свой развязал.

Скинул шапку габров*,
душа его вышла из христианства.

Шейх, заметив асхабов вдали,
среди них себя тусклым увидел.

Разорвал одежду на себе от стыда
и голову прахом осыпал от безысходности.

То кровавую слезу ронял, словно туча,
то вообще от души хотел отказаться.

То завеса небосвода сгорала от вздоха его,
то кровь закипала в венах его от раскаяния.

Мудрость и тайны, Коран и хадисы,
что с его души были полностью смыты,

всё это разом на память ему пришло,
разорвал он путы невежества и беспомощности.

Когда увидел он своё состояние,
пал на землю в поклоне, заплакал навзрыд.

* Габр, или гāур (араб.), — последователь зороастризма; огнепоклонник. Головной убор зороастрийцев носили также и христиане тех мест.

Выплакал слёзы, пошла из глаз кровь вместо слёз,
от стыда весь покрылся испариной.

Когда асхабы увидели его в таком состоянии,
впавшим в горе вперемешку с радостью,
ринудись к нему во весь дух,
так благодарны, что были готовы с жизнью расстаться.

Шейху сказали: «О видящий тайное за завесой,
разогнаны облака перед солнцем твоим.

Вера заменила неверие,
идолопоклонник Рума вернулся к Единому.

Взволновалось вдруг море признания,
Посланник стал заступником твоим.

Пришло время благодарить мир,
благодарить Бога, не надо скорбеть.

Хвала Аллаху, в море темноты и заблуждения
сделавшему путь ясным, как солнце.

Тот, Кто может делать светлое тёмным,
принимает покаяние, даже когда много грехов.

Огонь покаяния, который Он зажигает,
сжигает все, что должно быть сожжено».

Сокращу я рассказ с этого места.
Пора им сейчас в обратный путь.

Шейх омовение совершил и вновь надел хирку,
отправился вместе с асхабами в Хиджаз*.

Снится девушке-христианке:
возшло рядом солнце, приблизилось к ней.

Солнце вдруг заговорило:
«Беги тотчас за шейхом своим.

Прими его веру, стань прахом пред ним.
Осквернила его ты — очисти теперь!

Он искренне встал на твой путь,
последуй и ты за ним всем своим сердцем.

* Область «Харам» в Аравии, где находятся Мекка и Медина.

Сбила его ты с пути, он пошёл за тобой,
но раз он вернулся на свой путь — стань ему спутницей,
иди рядом с ним, хватит тебе
пребывать в заблуждении, очнуться пора».

Когда пробудилась девушка ото сна,
свет брызнул из сердца, словно солнечный луч.

Объяла сердце её дивная боль,
взволновало её желание Истины.

В опьянённой душе вспыхнул огонь,
обратилась она к сердцу и нашла его влюблённым.

Не ведала эта смятённая душа,
что за семя внутри неё дало росток.

Попала в беду, некому было помочь,
обнаружила себя в удивительном мире.

В мире без признаков дороги
учись быть немым — язык неизвестен.

В тот же миг всё кокетство и пустое веселье
потокотом из неё вылились, о чудо!

Выбежала с криком, платье порвала,
посыпала голову прахом и, сбивая в кровь ноги,
побежала прочь.

Сердце полно боли, и сама слаба,
устремилась за шейхом и мюридами.

Бежала она с потерянным сердцем,
пот лился ручьями, словно ливень в грозу.

Но не знала она в пустыне, в степи
ни направления верного, ни дороги.

Обессилов, заблудилась, расплакалась,
лицом тёрлась о землю в отчаянии.

Запричитала жалобно: «О всем помогающий Боже!
Я женщина, от которой ничего не зависит.

Многих мужчин, идущих по Твоему пути, я сбила с дороги.
Ты не бей меня, потому что была я их, пребывая
в неведении.

Успокой кипящее море гнева Своего,
не знала я — и ошиблась, Ты прости.

Что бы я ни сделала, с меня, бедной, не взыщи,
я веру выбрала, пощади неверную».

Голос объявил шейху изнутри:

«Та девушка вышла из христианства,

осознала она Наше Божество.

На пути к Нам у неё возникли препятствия.

Вернись, встань рядом с кумиром своим,
будь другом и спутником любимой своей».

Шейх тотчас свернул с дороги, как ветер,
поднял он среди мюридов волнение.

Все спросили: «В чём тайна твоего возвращения,
какова цена пустых разговоров и покаяний?

Вновь примешься за любовные забавы,
окунёшься в разврат после стольких покаяний?»

Шейх сообщил им то, что узнал о девушке,
и едва не умерли все, кто услышал.

Повернули обратно шейх и асхабы, шли,
пока не добрались туда, где была услада сердца шейха.

Увидели лицо её, жёлтое, как золото,
локоны, покрытые дорожной пылью.

Платье совсем изодрано, ноги босые,
лежала на земле подобно труп.

Когда заметила та луна с израненным сердцем
своего шейха, лишилась чувств.

Пролил шейх на её лицо потоки слёз,
пока была она в объятьях сна, в обмороке.

Очнувшись, взглянула на шейха красавица
и сама разразилась слезами, подобно утренней туче.

Перед взором её прошли его верность и любовь,
сама бросилась ему в ноги, взяла его руки в свои.

Сказала: «Мне стыдно перед тобой, душа моя в пламени,
больше не могу гореть за завесой.

Сбрось эту завесу, чтоб прозрела я,
позволь мне принять ислам¹⁰⁴, перед тем как умру.

Когда шейх ей прочёл шахаду,
волнение охватило друзей шейха.

Когда увидела красавица свет истины,
потoki слёз они пролили:

наконец-то красавица нашла свою дорогу,
насладилось её сердце верой.

Её упоённое сердце почувствовало
безмерное одиночество, и не было утешителя.

Сказала: «О шейх, иссякло мое терпение,
более не могу переносить разлуку.

Ухожу из этого мира, полного горя,
прощай, о шейх Санаан, прощай!

И речь моя будет краткой,
и сама я слаба, прости меня и не держи обиды».

Промолвила эти слова та луна и отдала Богу душу.
Половина души у неё осталась¹⁰⁵ — и всё отдала Любимому.

Скрылось её солнце за тучей,
отделилась от неё сладкая душа, какое горе!

Была она чистой каплей в этом мире лжи,
в сторону моря правды отправилась.

Как ветер, уйдём мы из этого мира,
ушла она, и мы все уйдём.

Так было много раз на дороге любви,
это известно тому, кто познал любовь.

Всё, о чём поведано, возможно на этой дороге:
милость и отчаяние, обман и счастье.

Нафс человека глух к этим тайнам,
и слабому не победить врага.

Эти тайны постигаются душой и сердцем,
их не поможет понять красота глины и воды*.

Битва сердца с нафсом с каждым мигom трудней.
Пой горькую песнь, ибо скорбь станет ещё тяжелей.

* «Внешняя красота» в дословном варианте перевода — красота любых форм, в том числе и форм, связанных с человеком, созданным из воды и глины.

Состояние птиц, собравшихся в путь

Когда выслушали птицы все эти рассказы,
то увидели себя готовыми души отдать.

Симург отнял безразличный покой их сердец,
любовь к возлюбленному умножилась в сто тысяч раз.

Тверды в намерении, отважно и
споро все выступили в путь.

В один голос все восклицали: «Нам сейчас
нужен вожак, что на наши вопросы ответит!

Пусть он поведёт стаю в путь,
в нашем деле своеволие неуместно.

В таком перелёте нам нужен чудесный вожак,
способный уберечь от глубокого моря внизу.

Прислушиваться к нему будем мы всей душой,
вели он плохое, прикажи он хорошее — выполним всё,

чтобы наш мяч с поля бесед
долетел до вершины горы Каф,

чтобы искорка попала на Великое Солнце,
а тень Симурга осенила нам головы».

Постановили наконец: раз нет предводителя,
надо выбрать его. По традиции,

кому выпадет жребий, тот и станет вождем,
среди младших он станет старшим.

Когда речь об этом зашла, волнение улеглось,
стих гомон, все приумолкли.

Вверив свою судьбу жребию,
встревоженные птицы успокоились.

Бросили жребий. Выбор пал на достойного,
он пал на Удада влюблённого.

Все согласились с его предводительством,
скажи он: «Отдайте голову!» — и отдали бы.

Затем приняли обет подчинения: он — вожак всех
в этом пути, глава и предводитель,

его слово — последнее, его повеление — решающее.
И Удоду свои души и тела вверили.

Тогда указывающий путь Удод шагнул вперёд, как богатырь,
и увенчали его короной.

Сотня тысяч птиц выступила в путь,
тенью крыльев закрыли и рыб, и луну.

Когда завиднелось начало пути,
до самой луны поднялись крики толпы.

Величие пути объяло их сердца,
пламя его опалило их души.

Все разом в полёт поднялись,
не думая о крыльях, ногах, головах.

Забыв о жизни, преисполнились все отвагой,
ведь дорога длинна и нелегка ноша.

О диво! Был странен тот путь и безлюден,
без крупницы зла и без следа добра!

Пребывали в нём тишина и глубочайший покой,
ничто не увеличивалось и не уменьшалось в нём.

Кто-то из идущих спросил: «Отчего так пустынна дорога?»
«Из-за величия Падишаха», — ответил Удод.

Вопрос Баязида

Однажды ночью Баязид¹⁰⁶ вышел из города.
Тихо в поле: ни шума, ни людских голосов.

Сияла луна — мир залило светом
ночного солнца, и было светло, словно днём.

В небе — россыпи блистающих звезд,
кружатся все по орбитам своим.

Долго шейх по округе прогуливался,
ни одной живой души не встретив.

Переживание его охватило.

«Боже, я переполнен волнением, — произнёс. —

Твой Трон — высочайший,
почему же в Твоём дворе так мало страждущих?»

«О ты, путём изумлённый! — голос раздался. —
Падишах к себе допускает не всякого.

Высота этого места требует держать
всех бедняков подальше от Нашего двора.

Когда разливается свет Нашего Величия,
гонит он прочь и спящих, и легкомысленных.

Годами людское ожидание длится, пока
один из сотен тысяч будет допущен».

Все птицы, переживая ужас при виде пути,
застонали, словно крылья их окровавились:

дорогу увидели бесконечную
и боль увидели без лечения.

С такой мощью ветер состоятельности вдоль неё дул,
что и небо над ней надломилось.

Вела она в пустыню, где и павлин ангелов¹⁰⁷,
несомненно, никем вдруг покажется.

Разве найдутся у какой-либо птицы в мире
силы двигаться по этому пути даже на миг?

Путём перепуганные, все птицы
в одном месте собрались.

Потерянные, подошли к Удоду,
уже сочетая в себе желание с умудрённостью.

Обратились: «О ты, знающий дорогу!
Нельзя подойти к Шаху невежливо.

Ты долго был с Сулейманом,
ты был в царстве султана.

Все традиции служения знакомы тебе,
наряду с местами и опасными, и спокойными.

Ты видел и подъемы, и спуски на этой дороге,
вокруг мира ты не раз облетал.

Раз ты наш имам, открывающий или закрывающий цель¹⁰⁸,
мы хотим, чтобы ты сейчас,

здесь, взошёл на минбар
и свой народ подготовил к пути.

Расскажи нам об обычаях и традициях царей,
ибо в неведении пройти этот путь не возможно.

Трудность у каждого в сердце,
но сердце в пути должно быть свободно.

Сначала разреши затруднения в наших сердцах,
чтобы твёрдо за дело мы взялись.

Когда расскажем тебе о своих трудностях,
сотрём из своих сердец все сомнения.

Ибо знаем, что эта дорога длинна,
и останется она тёмной для нас, если остаться в сомнениях.

Когда освободятся сердца, отдадим пути тело,
без тела и сердца у порога голову сложим».

Тогда поднялся Удод на минбар
и принялся говорить.

Когда в короне Удод на возвышении восседал,
счастливым стал видевший его лицо!

Более ста тысяч птиц
выстроились перед Удодом в ряды.

Подошли соловей вместе с горлицей,
чтобы запеть вдвоём.

Обе птицы принялись петь в этот час,
от их мелодии переполох охватил мир.

Услышавший их голоса,
покинув себя, словно сознание потерял.

У каждого появилось состояние,
когда никто собой не был, однако присутствовал здесь.

«О ты, обогнавший! — кто-то спросил. —
В чём же ты обогнал нас в действительности?

Раз и ты искатель, и мы ищем правду,
так откуда разница между нами возникла?

Чем провинились наши тела и души,
что твоя доля стала чистой, а наша — осадком?»

«Сулейман на нас смотрел целый миг, о вопрошающий! —
воскликнул Удод. —

Ни золотом, ни серебром я бы этого не добился,
все мои богатства — из-за этого взгляда.

Разве достигнешь этого только покорностью?
Дьявол долгое время в повиновении был.

Но если кто-то говорит, что не нужно покорности,
проклятие льётся на него каждый час.

Не бросай ты покорность ни на один вздох,
но если повинуюешься, то её в себе не оценивай.

Проведи в смирении свою жизнь,
дабы Сулейман взглянул на тебя.

Если же Сулейманом ты будешь принят,
и моих искусных слов не хватит для описания твоего
состояния».

Масуд и рыбак

Однажды султан Масуд случайно
оторвался от своего войска,

и гнал он коня в одиночестве.

На берегу моря приметил он мальчика,

бросавшего сети. Поздоровавшись,
присел султан рядом.

Мальчик сидел грустно,
усталый душою и сердцем.

— Почему ты грустишь? — спросил султан.

— Никого я не видел печальней тебя.

— О мудрый эмир, — ответил мальчик, —
нас — семеро сирот.

У нас только мать,
бедны мы и одиноки.

Только рыбе и рады с утра и до вечера.
Бросаю я сети в воду,

если с трудом вытаскиваю я рыбу,
она и становится нашей пищей, о эмир.

— О грустный мальчик!

Хочешь, поиграем в твою игру вместе? — спросил эмир.

Мальчик согласился, начали они игру.

Султан забрасывал в море сеть.

Рука мальчика стала дланью султана, поэтому в тот день выловил он сотню рыб.

Увидев столько рыбы перед собой, мальчик сказал сам себе: «Странно, что такое пришло мне изобилие.

О отрок, ну и богатство у тебя с таким уловом в твоей сети!»

— Исчезнешь ты, мальчик, — заметил вполголоса и Масуд, — если узнаешь о своём рыбаке.

Ты здесь богаче меня, ибо твоим рыбаком стал султан.

Произнеся это, султан сел на коня.

— Забери свою долю, — сказал ему мальчик.

— Сегодня свою долю я не возьму, — ответил султан, — а вот всё, что выловим завтра, пусть будет моим.

Завтра ты будешь нашим уловом, а это значит, не отдадим улов никому!

На следующее утро султан, войдя во дворец, вспомнил о вчерашней игре.

Отрядил некоего полководца, тот вызвал мальчика во дворец.

Султан усадил мальчика рядом с собой, стал с ним играть.

Кто-то удивился: «О султан! Он же бедняк!»

— Кем бы он ни был, с нами играет он, — ответил султан, — раз мы его приняли, то выгнать не можем.

Промолвил это и сделал мальчика султаном рядом с собой.

Некий хам спросил мальчика:

— Как ты нашёл это совершенство?

— Пришла радость и прошло горе, — ответил мальчик, — ибо мимо меня прошёл Владыка.

Суфию снится казнённый

Казнён был шахом некий убийца.

Приснился он суфию:

живёт он в раю радостно,

проводя время в веселье, в прогулках.

«Ты же убийца, — суфий спросил, —
на тебе — тьма преступлений.

Как ты попал в это место?

С твоими поступками его достичь невозможно».

«Когда полилась моя кровь, — ответил тот, —
Проходил мимо Хабиб Аджами¹⁰⁹.

Тот пир пути неприметно
на миг на мне взгляд задержал.

И эти почести, и много других
обрёл я благодаря тому взгляду».

У того, на кого учитель взглянул,
душа в одночасье познает сотню тайн.

Пока на тебя не смотрит наставник,
как о душе своей ты можешь что-либо знать?

Даже долго пробыв в уединении,
всё равно не сможешь найти путь без чьей-либо помощи.

Не иди один! Нужен пир на пути,
не бросайся слепым в это море.

Пир необходим тебе на пути,
во всех делах он защищает тебя.

Сам ты никогда не отличишь дороги от ямы,
без его помощи не найдёшь направления.

Нет у тебя ещё зрения, и дорога длинна,
пир — твой проводник в этом пути.

Тот, кто нашёл приют в тени владельца богатств,
никогда в пути не будет смущён.

У того, кто растворился в богатстве,
в руках и шипы оживают цветами.

Махмуд и дровосек

Однажды Махмуд на охоте
от войска своего оторвался,

повстречал держащего ишака дровосека:
у того хворост упал, и печально он чесал голову.

Махмуд, увидев его, измученного,
с рассыпанным хворостом и уставшим ишаком,
обратился к нему, подъезжая: «О беспокойный,
нужна ли помощь?» — «Да, о всадник, нужна! — тот
ответил. —

Если поможешь мне, предосудительного не случится:
мне — только впрок, а тебе — не в ущерб.

Предвижу пользу, видя лик твой красивый*,
от красавца идущее благо неудивительно».

Из милости спешился шахрияр,
протянул руку к хворосту, словно к цветку.

Набросал на ишака вязанку знаменитый Махмуд
и погнал обратно коня, в сторону войска.

«Идёт старик-дровосек, за ним — ишак с хворостом, —
сказал войску Махмуд. —

Перекройте со всех сторон ему путь,
дабы я смог лицо его рассмотреть».

Войска перекрыли дровосеку дорогу,
не осталось тому ничего, кроме как продвигаться к
султану.

«С таким худым ишаком добраться вряд ли удастся.
Вот ведь злодейское войско!» — думал старик.

Хоть боялся, но на шатер султана поглядывал,
и на дорожку, к нему ведущую, тоже.

Гнал он ишака поближе к султану.
Его рассмотрев, устыдился пир дороги.

Увидев знакомое лицо под зонтом,
стал он внимательным, неловкость он ощутил.

«О Боже, с кем делить своё состояние? — старик
обронил. —

Махмуда я своим грузчиком сделал».

«О ты, мой дервиш! — обратился султан к старику. —
Что здесь тебе нужно?»

* Дровосек иронизирует. Поговорка того времени гласила: «неудивительно, что от красавца пользы не будет».

«Ты же знаешь о моём деле, не хитри,
притворяясь не знающим ничего.

Я старый дровосек, много детей у меня,
и днем и ночью таскаю хворост из леса.

Продаю хворост, хватает только на хлеб.
Так дай мне хлеба, если ты можешь».

«О печальный старик, назови цену,
я рассчитаюсь золотом. Сколько стоит хворост?» —
спросил султан.

«О падишах, дёшево не покупай это у меня,
меньше, чем за десять мешков золота, не продам».

«Умолкни, дурак, — заголосили из войска. —
Слишком дёшево продаёшь... Цена всему этому — два
ячменных зерна».

«Цена хворосту — два зёрнышка ячменя, — согласился
старик, —
но редко такой щедрый покупатель случается.

Когда благоденствующий дотронулся до страданий моих,
превратил он мой хворост в сотню цветов.

Теперь желающим купить этот хворост
за корень каждой веточки придётся динар заплатить.

Невзгоды терзали меня, пока
моего хвороста он не коснулся.

Хотя сам по себе этот хворост и дешёв,
но сейчас цена ему — сотня душ, ибо он — из его рук».

Довод первой птицы

Птица спросила: «О опора войска!
Слаба я, как выступить в путь?

Я немощна и беспомощна,
не сталкивалась никогда с подобным путём.

Страшен путь к далекой пустыне,
да умру же я на первой стоянке.

По дороге много огненных гор,
одолеть их не каждому по плечу.

Сто тысяч голов в этом деле стали мячами*,
рекой полилась кровь от такого желания.

Сотня тысяч умов здесь сдалась,
а головы не склонивший её потерял.

На таком пути, где без тени фальши мужчины
от стыда чадрой накрываются,
от бедняги вроде меня что, кроме пыли, поднимется?
Жалко погибну я, если выступлю в путь».

Ответ Удода

«О ты, замершая! Сколько же можно об этом? — ответил
Удод. —

До каких пор твоё сердце будет в этом капкане?

Раз незначительна твоя цена здесь,
нет разницы, выступишь в путь или нет.

Весь мир полон гадости,
и гибнут в нём люди в мучениях.

Сотни тысяч людей, как жёлтые черви,
с болью в нём умирают.

Погибнуть на этом пути в лишениях
достойнее смерти в гадости, в унижении.

Если в этом желании — ошибка с твоей и с моей стороны,
то даже пусть от горя умрём — так положено.

Ведь ошибок и так в мире много,
и ещё одна ничего не изменит.

Человеку более к лицу опозориться любовью,
чем чистить канализацию и заниматься хиджаматом**.

Сотни тысяч людей заняты грабежом,
гонясь за богатством и мерзостью.

Допустим, наша сделка не сулит барыша, как грабёж,
да ты поменьше высчитывай, этим меня не растрогать.

* Имеется в виду мяч для игры чуган. Играли верхом на лошадях, цель игры состояла в том, чтобы, пользуясь деревянными клюшками, загнать деревянный или плетёный мяч в ворота соперников.

** Капиллярное кровопускание.

Положим, от этой сделки ты отвернёшься,
но сможешь ли заниматься лишь грабежом?

Если скажут: «Всё это — высокомерие и мечты,
никто туда не добрался, неужели ты чего-то достигнешь?»,

ответу: умереть от этой горделивой мечты
достойней, чем отдать сердце дому и лавке.

Столько мы повидали и выслушали,
но ни на миг не оторвались от себя,

дела затянулись по многолюдью,
что взять с гурьбы не читающих намаз бедняков?

Пока о себе не забудем и от толпы не очистимся,
не выйдет наша душа из горла чистым дыханием.

Тот, кто не смог забыть о толпе,
мёртв и не достоин этой завесы.

Осведомлённой душе поверяются тайны,
живущий толпой для этой дороги не годен.

Вступай в путь, если ты мужчина,
брось лукавить как женщины.

Будь уверен: даже если это желание воспринимается как
неверность,
это — правильное дело и совсем не простое.

Плод на дереве любви — нищета,
пусть тот, кто желает плодов, призывает любовь.

Едва любовь поселяется в сердце,
душа человека этот мир покидает.

Человека погружает в кровь эта боль,
вверх ногами выбрасывая из-за занавеса¹¹⁰.

Ни на миг не оставляет в покое,
убивает его, затем просит прощения.

Если подаст воду — не даст без мучения,
если подаст хлеб — тесто на крови будет замешано.

Если от истощения человек станет слабей муравья,
то любовь с каждым мигом сильнее его прижимает.

Когда мужчина попадает в море опасности,
он не съест и куска без страдания.

Шейх из Нугана в Нишапуре

Нуганский¹¹¹ шейх пришёл в Нишапур.

Трудный переход его истощил.

Целую неделю в драной одежде
в каком-то углу пролежал он голодным.

В конце недели взмолился: «Господи!

Подай мне хлеба буханку».

«Убери дочиста всю площадь Нишапура, —
услышал шейх некий голос. —

Если очистишь всю площадь,
маленький золотой слиток найдёшь; им заплатишь за хлеб».

«Будь у меня веник и сито*, — сказал шейх, —
легко было бы достать деньги на хлеб.

Коли я очень беден,
просто подай мне кусок, не мучай меня».

«Хочешь лёгкого хлеба? — голос спросил. —
Просеивай землю, если хлеб тебе нужен».

Пир пошёл, долго всех умолял,
и занял-таки у кого-то веник и сито.

Перетирал он землю усердно
и наконец нашёл золото.

При виде золота возликовал его нафс.

Шейх отправился к пекарю и хлеба купил.

Но совсем шейх забыл о венике с ситом,
пока пекарь хлеб ему отдавал.

Душа пира вспыхнула,
прочь он устремился в рыданиях.

«Отчаяннее меня никого нет, — восклицал, —
золота уже нет, чем теперь платить штраф?»¹¹²

Бродил он, словно безумный,
пока не забрался в развалины.

* Беднейшие люди просеивали землю через решето даже на караванных тропах, разыскивая упавшие предметы или монеты. Их называли хакбизами. Эти образы — просеивание, перетирание пыли и земли через сито — используются в поэме и далее.

Угрюмо, униженно сидел он в развалинах
и вдруг заметил там и сито, и веник.

Пир обрадовался и воскликнул: «О Боже!
Почему Ты испортил мне жизнь?

Превратил в яд Ты мой хлеб,
вели же пойти, вернуть хлеб — я верну свой покой».

«О ты, безрадостный! — голос ответил. —
Пресен хлеб без закуски¹¹³.

Раз к пустому хлебу, что рядом с тобой,
закуску добавили — благодари!»

Глупец требует у Бога одежду

Жил некогда глупец и всё сокрушался,
что ходил голый, а люди вокруг наряженные.

«О Боже, дай же мне солидный наряд, — сказал безумец, —
одень и меня, как других».

«Эй, успокойся, греющее солнце дали тебе», —
ответил ему некий голос.

«О Боже, за что мучишь меня? — продолжил безумец. —
Неужели нет у Тебя наряда получше солнца?»

«Иди и подожди ещё десять дней, — сказал голос, —
подарят тебе без лишних разговоров наряд».

Прошло десять дней. Продавец тряпок
принес наряд, весь в нашитых заплатках.

Сто тысяч лоскутов было на нём,
ибо владелец его дервишем оказался.

«О хранитель тайн, — глупец обратился к нему, —
с какого же дня ты шил этот рваный наряд?

Или все одежды сгорели в твоём запаснике,
что пришлось вместе сшить столько тряпок?

Сто тысяч рваных кусков ты зашил!
У кого научился так отменно портняжить?»

Дело не только в стремлении к Его двору:
надо стать на Его пути пылью.

Бывало, много людей добиралось ко двору издалека,
сгорев ли в огне, осветившись ли светом.

И когда после долгой жизни цель всё-таки достигали,
по-разному сожалели, что цели не видели.

Просьба Рабийи

Семь лет Рабийя¹¹⁴ на пути к Мекке
двигалась практически на боку¹¹⁵ — вот венец для мужчин!

Когда радостно приблизилась к храму,
воскликнула: «Мой хаджж — совершенен!»

В день паломничества подойти собралась к Каабе,
но у неё началась менструация.

С полдороги вернувшись, сказала:
«Семь лет я ползла на боку, о Величайший!

Но едва столь великолепный день¹¹⁶ я увидела,
Ты бросил под ноги такую колючку!

Либо приюти меня теперь в Твоем доме¹¹⁷,
либо оставь меня в доме моём».

Пока не станешь таким же влюблённым, как Рабийя,
не узнаешь владельца события¹¹⁸.

Пока ты закручен в этом бушующем море,
поднимаются волны отторжения и признания.

То из Каабы изгоняют тебя,
то в монастыре тайнами делятся.

Если выберешься из этой воронки,
с каждым мигом начнешь становиться спокойнее.

Но если, застряв, в нём останешься,
твоя голова закружится, словно мельница,
аромат покоя не ощутишь и на миг,
а уравновешенность твою даже муха нарушит.

Безумец и знатный человек

Сидел на углу улицы безумец униженно,
кто-то из знатных к нему подошёл.

«Вижу в тебе некую приближённость,
а покой — в твоей приближённости», — вельможа сказал.

«Разве я могу быть спокойным, — ответил тот, —
когда нет мне покоя от мух и от блох.

Мухи мучают меня днём,
блохи ночью спать не дают.

Проник Намруд в голову мелкий комар,
и сходил тот с ума, сердце его стало измученным.

Я кто, Намруд этого времени, что от Друга
и блохи, и комары, и мухи мне достались?»

Вопрос второй птицы

«На мне тьма грехов, — сказала другая. —
С грехами кто доберётся туда?

Муха, безусловно, испачкана гадостью.
Достойна ли она встречи с Симургом на Кафе?

Если сворачивал с пути грешный мужчина,
как найти ему близость Царя?»

Ответ Удода

«О легкомысленная, надежду не теряй на неё, — ответил
Удод. —

Испрашивай у Него добро и вечную щедрость!

Если так просто бросишь ты щит,
труднее станет дело твоё, о незнающая!

Если бы не принималось покаяние кающегося,
не было бы для него и ниспослания¹¹⁹ ночью.

Если ты грех совершил, то открыта дверь покаяния,
кайся, ибо эта дверь не закроется.

Если хотя бы на миг станешь ты искренен на этом пути,
сотня побед тебе навстречу пойдёт».

О том, кто много грехов совершил

Жил некто, совершивший много грехов,
от стыда он покался и вернулся к пути.

Но вновь, когда нафс набрал силу,
нарушил он покаяние и пошёл вслед за похотью.

На какое-то время сбился с пути,
разные грехи совершал.

И вновь боль сердце его охватила,
от стыда тяжело стало ему.

Но только бездарностью он обладал —
и хотел было каяться, да не посмел.

И ночью, и днём, словно жаркое на сковородке,
окровавленное сердце его пылало в огне,

придорожная пыль
скопилась в его глазах из-за слёз.

Однажды поутру некий голос обратился к нему,
принял участие в нём, выполнив его дело.

«Господь миров говорит, — возгласил, —
что когда в первый раз ты покался,

простил Он тебя, принял твоё покаяние.
Мог наказать, но не стал.

На следующий раз, когда нарушил ты покаяние,
дал Он тебе срок, не разгневался.

Если сейчас ты желаешь вернуться,
о незнающий,

возвращайся же! Ибо открыта дверь,
ты ошибся, мы — в ожидании».

Архангел

Однажды ночью Доверенный дух¹²⁰ был рядом с Седрой
и услышал «Лябейк»*, произнесённое Господом.

«Некий раб сейчас призывает Его, — молвил Архангел, —
не знаю, известен ли кому тот человек или нет.

Знаю лишь, что уважения достоин тот раб,
нафс его мёртв, а сердце — живое».

* *Лябейк* (араб.) — «я здесь», «я слышу». В данном случае: Бог отвечает своему рабу, что тот услышан, и что ему будет дан ответ.

Пожелал тотчас Архангел узнать, кто же это,
но не нашёл его следов на семи небесах.

Поискал на земле и в море,
не нашёл его ни в горах, ни в полях...

Вернулся он ко Всевышнему быстро,
был ещё слышен голос «Лябейк».

От сильного желания его голова закружилась,
ещё раз он облетел вокруг света.

Не нашел этого раба и сказал: «О Боже,
покажи мне дорогу к нему».

«Иди в Рум, — Всевышний ответил, —
войди в храм и узнаешь».

Архангел пошёл и увидел его: открыто
звывал некто к идолу, горько рыдая.

Это состояние Архангела разгневало,
вернулся он к Всевышнему огорчённым.

«О Ты, Кто ни в чём не нуждается! — начал говорить
Архангел. —

Сними для меня с этой тайны покров.

По причине милосердия своего Ты отвечаешь
тому, кто обращается к идолу в храме?»

«Сердце у него чёрное, — ответил Всевышний, —
он не знает, поэтому спутал дорогу.

Этот ничтожный избрал не тот путь по ошибке.
Но Я — Знающий, Я — не ошибся.

Сейчас допущу его ближе к Себе,
Наша Милость станет причиной его прощения».

Сказал это и открыл его душе дорогу,
и отверз ему уста, чтобы восхваляли Господа.

Чтобы ты знал, это — та вера,
и то, что здесь происходит, — не без причины¹²¹.

Если за этой дверью нет ничего у тебя,
ничего страшного, поменьше крути.

Не всегда приобретают чистую веру —
бывает, покупают и пустоту у Него.

Багдадский шейх и продавец мёда

Один суфий, идя по Багдаду,
услыхал чей-то голос:

«Есть у меня много мёда,
продам дёшево, но где ж покупатель?»

«О терпеливый человек! Отдашь ли даром немного?» —
шейх спросил.

«Проходи! — ответил тот. —

Разве ты сумасшедший? О легкомысленный,
никто даром ничего не даёт кому-либо».

«О суфий, входи! — иной голос раздался. —
Пройди ещё одну лавку от этого места,
чтобы Мы всё даровали тебе,
и ещё больше дадим, если захочешь».

Милость подобна восходящему солнцу,
что все частички объемлет.

Взгляни на Его милость! Её Он оказывает и неверному,
а за жестокосердие упрекает даже пророка.

Бог упрекает Мусу

Всевышний сказал Мусе:

«Гарун, рыдая, взывал к тебе семьдесят раз¹²²,
а ты ни разу ему не откликнулся.

Но если бы хоть раз он обратился ко Мне со слезами,
отсёк бы Я с его души ветки неверности
и украсил бы его нарядом веры.

О Муса, ты уничтожил его сотней болей.
Совсем его ты зарыл, и так уже закопанного.

Вот если бы ты его сотворил,
неужели от его наказания спокойно было бы тебе?»

Тот, кто прощает беспомощных,
делает Милостивого своим господином.

Моря Его Милости даруются всем.
Грехи для этих морей — словно капли дождя.

Кто чувствует себя одарённым таким прощением,
разве из-за мелкого греха впадёт в гнев?

Упрекающий грешников
ставит себя в ряд тиранов.

Умерший грешник

Рассказывают: когда ушёл грешник со своими грехами,
несли его гроб по дороге.

Этот гроб увидев, один верующий
читать заупокойную отказался.

Ночью во сне верующий встретил грешника,
тот — в раю, лицо его — словно солнце.

«О ты, раб, откуда же у тебя
столь высокое место?

Ты пребывал во грехе, пока был жив,
ты с головы до ног перепачкан!»

«Это из-за твоей жестокости Владыка
меня, испорченного, пощадил», — ответил тот.

Смотри на Его Любовь и Его Справедливость,
на проявление Его Милости.

Своей Мудростью Он направляет в тёмную ночь
ребёнка со светильником.

Затем порыв ветра Он насылает,
светильник затушить приказав.

Затем подбирает на дороге ребёнка
и вопрошает: о незнающий, зачем же фонарик тушить?

Возьмёт ребёнка, чтобы
в День Суда укорить его сотней оказанных милостей.

Если бы все были чисты от грехов,
для проявления Его любви не осталось бы места.

Его мудрость не завершается иным образом,
поэтому так и происходит всё постоянно.

На Его пути — бесконечная мудрость,
каждая капля из Его мудрости — море милости.

О ты! Эти семь небес днём и ночью
ради тебя крутятся, знай!

Все молитвы духовных существ — ради тебя,
рай или ад — отражения твоего милосердия или же
гнева¹²³.

Ангелы все перед тобою склонились,
и целое, и частички тебе поклонялись.

Не смотри столь часто уничижительно на себя,
ибо невозможно представить другого выше тебя.

Твоё тело — часть тебя, душа твоя — часть общего целого,
не становись же беспомощным в самом унижении.

Сначала универсальное в тебе проявилось, лишь затем —
твое частное.

Душа твоя воплотилась, за ней — твоё тело.

Тело не отделить от души, оно — её часть.

И душа неотделима от целого — она его часть.

Если на этом пути нет множественности и единичности,
к чему судить о целом и частичном до обретения
вечности?

Над твоей головой сто тысяч облаков милостью
проливаются, чтобы дух твой поднять.

Когда придёт час всеобщего возвышения¹²⁴,
великие награды все будут твоими.

Результаты всего, совершённого ангелами,
предназначены и для тебя.

Всеми их поклонениями Господь
посыпает тебя ещё до наступления вечности.

Аббас рассказывает о Дне Суда

Сказывал Аббас¹²⁵, что в Судный день,
когда от могущественного Его образа скрываться начнут,
у непокорных и отвлекавшихся в одночасье
лица почернеют из-за грехов.

Люди, безо всего оставшиеся, удивлены,
каждый по-своему ошарашен.

Всевышний с земли до девяти небес
сотни тысяч молитв ангелов

полностью заберет и по Своей Чистейшей Милости
на этот кусок земли бросит.

И ангелы воскликнут: «О Боже!

Почему же эти люди нам пересекают дорогу?»

Всевышний ответит им: «О вы, духовные существа,
вам от этого — ни ущерба, ни выгоды,

у людей же на земле дело идёт к концу,
а голодные всегда нуждаются в хлебе».

Довод третьей птицы

«Я безвольна, — сказала другая, —
перепархиваю с ветки на ветку.

Бываю то жуликом, то верующим, то пьяницей,
то есть я, то нет меня, а то и есть и нет сразу...

То меня к пьяным в дом мой нафс заведёт,
то призовет к молитве моя душа.

То дэв собьёт с пути любопытством,
то ангел обратно вернёт.

Потерпела я поражение между этих огней,
что мне делать, осталась я в тюремной яме».

Ответ Удоды

«Это случается с каждым, — ответил Удод. —
Не найти человека с единственным качеством.

Если бы все были чисты от рождения,
не пришли бы пророки с верным пророчеством.

Если причина твоего поклонения лишь привязанность,
слишком долго будешь склоняться к добру.

Жеребёнок, не побыв непокорным какое-то время,
никогда не отдастся покою и радости.

О ты, твоё место в печке халатности,
всё тело твоё подобно буханке.

Пурпурные слёзы — это тайны сердца.
Досыта наедаться — покрывать сердце ржавчиной.
Ты постоянно потекаешь собачьему нафсу,
потому и слабы воля твоя и натура».

Шибли пропал из Багдада

Шибли¹²⁶ исчез из Багдада на какое-то время.
Никто не мог догадаться, где он.

Искали его, где могли,
пока не обнаружили его в доме у евнуха.

Сидел Шибли среди тех наглецов
с высохшими губами и мокрыми глазами.

«Скажи, разве здесь теперь твоё место,
о ты, умудрённый и ищущий тайны?»

«Эти люди — грешники, — сказал Шибли, —
и в этой жизни и не мужчины, и не женщины.

На пути религии и я им подобен:
в религии я не женщина и не мужчина. Не пора ль
прекратить?

В своём бесчестии я потерялся,
стыдно мне, что я мужчина».

Тот, кто просветил свою душу,
сделал из своей бороды в придорожном трактире салфетку.

Будучи мужчиной, он избрал себе унижение,
и тех, кто стоит, одарил уважением¹²⁷.

Если придаёшь себе значение более волоса,
станешь ты для себя хуже идола.

Если тебе важна разница между упрёком и восхищением¹²⁸,
ты уже идола создающий ботгар*.

Не будь ботгаром, если ты раб Господа,
и если ты мужчина на Его пути, не будь Азаром**.

* Ботгар — резчик идолов из дерева или камня.

** Азар — кораническое имя Тераха, отца Авраама, изготавливавшего
идолы и им поклонявшегося.

И знати, и босякам — всем известно:
нет превыше рабства иного положения.

Ищи большего преклонения¹²⁹, отбрось претензии,
стань человеком истины, не проси возвышения у Оззы*.

Прячешь сто идолов под плащом —
и притворяешься суфием?

О ты, евнух, не примеривай одежду мужа,
не морочь себе больше голову.

Ссора суфиев

Однажды в суде два суфия в хирках
поссорились и разругались.

Судья их отвел в уголок и сказал:
«Не к лицу суфиям брань меж собой.

Вы же надели наряд согласия,
откуда взялась ваша вражда?

Если вы люди мести и войны,
так быстро снимите эти наряды.

А если вы достойны этой одежды,
то ваша вражда лишь из-за глупости.

Даже я, обычный судья, не духовный искатель,
сильно стесняюсь этой одежды.

Вам обоим сгодилась бы паранджа: это лучше,
чем носить хирку таким образом».

Когда ты и не женщина и не мужчина в деле любви,
неужели ты сможешь раскрыть её тайны?

Если тайной пути любви заболел,
прекрати защищаться от бед.

Если же гордецом собираешься в это поле,
голову на ветер отдашь и выбросишь душу.

Не кичись больше своими делами,
чтобы не позориться снова.

* Название идола.

Нищий влюбляется в царя Египта

Прославленный царь некогда правил Египтом.
В него влюбился бедняк.

Когда царь проведал о его любви,
вызвал сразу потерянного влюблённого.

«Как тебя угораздило влюбиться в меня? — спросил царь. —
Придётся тебе одно из двух выбрать:

либо покинуть город и эту страну,
либо из любви ко мне отдать голову.

Сообщил я сразу тебе о твоём деле:
либо голова, либо изгнание».

Тот влюблённый не был человеком дела,
он предпочёл город покинуть.

Едва скрылся из виду бездарный бедняк,
царь повелел отрубить ему голову.

Некто, близкий царю, спросил: «Он не виновен,
почему царь приказал его лишить головы?»

«Потому что на деле он не был влюблён, — сказал царь. —
На пути к моей любви он не был искренен.

Будь он человеком дела,
так выбрал бы себе смерть.

Тому, кому голова ценнее возлюбленного,
очень дорого любовь обойдется.

Попроси он у меня, чтобы его обезглавили, —
и царь отдал бы ему царство.

Царь всех миров стал бы его дервишем,
служить ему начал бы.

Но раз он лишь восклицал о любви,
неизбежно лишится он головы.

Кто в разлуке со мной думает о своей голове,
тот кривит душой и виновен.

Я поступил так, чтобы впредь любой бездарь
не признавался в любви к нам неискренно».

Довод четвертой птицы

«Нафс мой — враг мой, — сказала другая, — как мне идти со спутником-разбойником?

Никогда собачий нафс не подчинялся мне, даже представить не могу, как избавиться от него.

И волка в поле я обучал, а эта красивая собака не поддаётся мне.

Я удивлен, почему этот неверный противостоит его же знакомому».

Ответ Удода

«О ты! В твоём мешке нафс отлично устроился, этот пёс топчет себя, словно землю.

Твой нафс — крив, одноглаз, эта собака и неверна, и слаба.

Если кто-то льстиво хвалит тебя, твой нафс расцветает благодаря этой лжи.

Для такой собаки надежды нет, переполненная ложью, она не исправится.

Сначала была просто бездарность, наивная, без сердца, но и без небрежения.

В середине — лишь отчужденность, и ветка безумия — в молодости.

А под конец, с наступлением старости — душа в отупении, одряхлевшее тело.

С подобной жизнью, столь украшенной глупостью разве может очиститься этот нафс?

Раз с начала и до конца всё упущено, значит, бездарным будет итог.

У этой собаки полно рабов в этом мире, но разве можно быть у неё в услужении?

Пока жив нафс, существование — не из приятных, ибо твой нафс — это ад, полный огня.

То полон жгучим адским огнём, то высокомерием, что зимней стужи страшнее.

Хотя, в общем, ад не столь плох,
ведь в нём — всего одна пара крайностей, пламя и лёд.
Сотни тысяч сердец погибли от горя,
а этот неверный пёс всегда невредим».

Могильщик

Некому могильщику отпущены были долгие годы.
«Скажи что-нибудь, — велел ему Спрашивающий. —

Всю жизнь ты выкапывал землю для гроба.
Что удивительного обнаружил ты под землёй?»

Ответил могильщик: «Видел я только то,
что семьдесят лет собачий мой нафс
наблюдал, как роют могилу, и не умер даже на миг,
не поклонился ни при одной молитве моей».

Аббас спрашивает присутствующих

«О здесь собравшиеся! Если все неверные соберутся, —
однажды ночью воскликнул Аббас, —

и затем чистосердечно
примут веру наглых туркмен¹³⁰,

то это — возможно. Однако пришли
сто двадцать тысяч с лишним пророков для того, чтобы
этот неверный нафс на миг
сделать верным, — или же бездарно он сгинет.

Им не удалось сделать это — значит, таков закон.
Так зачем же столько разнообразия?»¹³¹

Можно сказать, мы все, целиком, неверному нафсу
подобны,
внутри самих себя неверных воспитываем.

Неверный — это непокорный нафс,
не так просто прикончить его.

Двумя путями¹³² нафс получает поддержку,
будет чудом, если он уничтожится.

Сердце — бессменный всадник на коне мира,
днем и ночью собачий нафс — его собеседник.

До тех пор, пока всадник гонит коня
на охоте, собака бежит с ним бок о бок.

В той же мере, в какой сердце у Владыки душ всё берёт,
и нафс заберёт всё у сердца.

Обуздавший мужественно эту собаку
в обоих мирах льва арканом поймает!¹³³

У подчинившего себе эту собаку
даже с пылью на его туфлях никто не сравнится,
у накинувшего тяжкое ярмо на шею этой собаке
даже прах лучше крови всех прочих.

Пир и падишах

Некий пир в драной одежде брёл по дороге.
Вдруг заметил его падишах.

«Эй, ты, в лохмотьях! Кто из нас лучше, я или ты?» —
крикнул правитель.

«Молчи! Не рассуждай, о незнающий», — дервиш
воскликнул.

«Не подобает нам хвастаться,
бахвалится только тот, кто не знает,

ибо твоя душа веру не узнала в лицо,
и твой нафс из тебя сделал осла.

Раз уж на то пошло, я скажу: безусловно,
такой, как я, лучше сотен тысяч тебе подобных.

И помимо этого оседлал тебя тот осёл, о эмир!
В плену ты под ним.

Днём и ночью он тебя взнуздывал.
Потакая желаниям, ты ему подчиняешься.

Исполняешь его прихоти, о ничтожество,
хорошо или плохо, и только на это способен.

Когда я постиг тайну веры,
ослом я сделал собачий свой нафс.

Едва нафс стал мне ослом, я его оседлал.
Собачий нафс сидит на тебе, а я — на нём.

Раз мой осёл тобой погоняет,
то такой, как я, превзошёл тебя в сто тысяч раз.

О! Так ты рад свосму собачьему нафсу!
Похоть охватила тебя словно огонь.

Сила похоти унесла твою честь,
лишила мощи и сердце, и душу, и тело твои.

Помутнение зрения, глухота,
старость, отупение, дряхлость ума —
эти и сотни подобных недугов — войска,
которые у царя смерти на службе.

Войска днём и ночью на марше,
возглашают они: «Эмир наш в пути!»

Когда со всех сторон подступят войска,
приостановитесь и ты, и твой нафс.

Как крепко ты с пафсом-собакой сдружился,
вот ведь увеселение устроил себе.

Его удовольствиям подчинил ты себя,
в его власть себя ты отдал.

Когда окружит тебя царь своими войсками,
разобшат они тебя с собакой, а собаку с тобой.

Если отделитесь вы здесь друг от друга,
печалью вам обернётся разлука.

Но не грусти из-за мимолетности общения в этом мире,
в аду воссоединитесь вы радостно!»

Две лисы

Две лисы, повстречавшись друг с другом,
от восторга спарились.

Шёл по полю некий хосров* с соколом и гепардом,
да и обеих лис прихватил.

«О ищущий норку! — спросила самка самца. —
Скажи! где же снова мы встретимся?»

«Если будет нам доля от жизни, — ответил тот, —
ещё свидимся в лавках скорняков города».

* Султан, принц или просто знатный человек.

Довод пятой птицы

«Демон гордости, — сказала другая, —
пересечёт мне дорогу.

Не совладаю я с ним, я очень слаба,
и сожмётся от горечи сердце.

Как же от демона мне избавиться,
дабы оживить вином познания сердце?»

Ответ Удоды

«А пока с собачьим нафсом ты носишься, — сказал Удод, —
и демон будет скакать пред тобой.

Кокетство демона — из-за твоего лицемерия,
в тебе каждое желание — один демон.

Едва удовлетворишь одну свою прихоть,
сразу рождается в тебе сотня демонов!!

Печка мира подобна тюрьме,
вся она — владение демонов.

Уходи ты из их владений,
чтобы никто не тронул тебя».

Суфий жалуется на дьявола

Подошёл к салику* некто упускающий
и долго жаловался ему на дьявола.

«Дьявол обманом с пути меня сбил, — рассказывал, —
очернил мою веру коварно».

«О мой дорогой, благородный! — салик ответил. —
Перед тобой демон и ко мне заглянул.

Жаловался на тебя, весь расстроенный,
посыпал из-за твоей тирании землёй голову.

Говорил: «Весь мир — это моё владение,
не угоден мне тот, кто с ним враждует.

Скажи ему: встань на путь
и убери руки от моего мира.

* Салик — следующий духовному пути; суфий.

Я мешаю ему веру желать,
ибо он крепко за мой мир держится.

Тот, кто покинул моё владение,
становится мне безразличен, и всё».

Ответ Малика Динара

«Не могу себя я понять, а удаётся ли это тебе?» —
некто спросил Малика Динара¹³⁴.

«Кушаю за столом Бога, — ответил Малик, —
а слушаюсь я сатану».

Дьявол тебя с пути сбил — не надеешься ты на Бога,
от твоей веры остались у тебя пустые слова.

Ты охвачен треволнениями мира,
ты уже мертв, и горько тебе.

Если раньше тебе советовал: «Отдай мир!»,
то теперь говорю: «Держи-ка покрепче!»

Раз всё богатство дьяволу отдал,
разве можешь так просто его потерять?

О ты, в море жадности утонувший беспечно,
тебе не ясно, чего ты лишаешь себя?

В траурном платье оба мира
рыдают, а ты доволен нарядом грехов.

Любовь к миру похитила веру твою,
твои желания и вожделения унесли твою душу.

Что есть этот мир? Гнездо жадности, что
от Намруда и фараона к нам перешло.

Затем Каруна им вырвало, и тот мир оставил¹³⁵.

Затем Шаддад слишком крепко им дорожил¹³⁶.

Всевышний назвал его пустяком¹³⁷,
а ты душой в этой ловушке повис.

Когда же ты прекратишь страдать от этого пошлого мира,
ради того лишь, чтоб от этого пустяка тебе досталась
дохлая туша?

Днём и ночью ты — в пьяном изумлении,
ожидая крупицу этого пустяка.

Но потерянному в крупице пустяка,
стать человеком вообще невозможно.

Погибший на путях пустяков
и сам пустяк, только в сотни раз меньший.

Что суть мирские дела? Одно безделье.
Что суть безделье? Одно беспокойство.

Мир подобен пламени, это огонь,
сжигающий людей каждый миг.

Когда сильнее вспыхивает это пламя,
подальше держись от него и станешь львом.

Закрывай глаза, словно лев, на этот огонь,
иначе сгоришь мотыльком в этом пожаре.

Ставший огнепоклонником, как мотылёк,
достоин только сожжения, о ты, горделивый пьяница.

И позади, и впереди тебя столько огня,
не сомневайся и мига, что сгоришь.

Смотри! И пока ещё есть возможность,
пользуйся ей, чтобы пламя не спалило твою душу.

Ходжа просит Бога

Один ходжа восклицал во время намаза:
«О Боже, помилуй и помоги мне».

Услышав это, некий безумный промолвил:
«Скор ты, однако, в своём ожидании Его милости.

Ты от гордости не помещаешься в мире,
а сколько чванства в твоей манере держаться!

Твой дворец достал до небес,
его стены — сплошь из золота.

У тебя десять мавров и десять наложниц,
где отыскать здесь место для милости?

Ты сам рассуди обо всём этом:
достоин ли ты милости? Где твоя совесть?

Оставь в своей доле только буханку, как у меня,
и тогда обращай за подаванием».

Пока не отвернёшься от имущества и наследства,
ни на миг не получишь нужное состояние.

Сей же час отвернись ото всего,
чтобы освободиться ото всего, как мужчина.

Совет верующего

«Куча хитрецов, — сказал некий верующий, —
поворачивают человека в предсмертной агонии¹³⁸.

Но невежде ещё задолго до того надлежало
постоянно лицо поворачивать.

Сухую ветку посадишь — будет ли прок?
Сейчас лицо поворачиваешь — что толку от этого?»

Тот, кого поворачивают так лишь в этот час,
умирает нечистым¹³⁹. Не ищи у него чистоту.

Довод шестой птицы

«Я люблю золото, — сказала другая, —
страсть к золоту мне под кожу залезла.

Пока не возьму золото в руки, словно цветок,
не могу и сама расцвести улыбкой цветка.

Тяга к миру и его золоту
во мне слишком сильна, опустошило это меня».

Ответ Удода

«О ты, поражённая внешностью! — ответил Удод. —
Заря познания в твоём сердце потухла.

Днём и ночью ты остаёшься слепой,
вся во внешнем застрявшей, слабой, как муравей.

Стань человеком познания, не привязывай себя к
внешнему.

Что такое познание? Суть. А внешность? Краска.

Золотом окрасили лицо камня,
и вдруг к этой краске твоё сердце прилипло?

Золото, что отвлекает тебя от Творца, —
идол. Брось его на землю, поберегись!

Если золото где-то и требуется,
то только под брюхом верблюда*.

С твоим золотом ты никому не поможешь,
и тебе самой от него проку не будет.

Если слиток золота дервишу дашь,
либо его замучишь, либо себя.

Ты дружишь с людьми, но лишь из-за золота,
на него возложила надежду.

В новом месяце платить за лавку понадобится?
Причём здесь лавка?! За душу придётся платить.

Бесценная жизнь и сладость души
истрачены ради грошовых прибылей в лавке.

Так много себя ты отдала в пустоту,
столько сердца в это вложила!

Но я дождусь, когда время на помосте
вытащит скамеечку у тебя из-под ног.

В размере каждой твоей заботы мирской
получишь сотню беспощадных огней.

Ты погружена в мир — и веры ищешь?
О дорогая, не будет тебе больше веры!

Ищешь покоя ты в суете,
но не найдёшь, взволнуешься.

Сказано же: не достигнете благочестия,
пока не раздадите всё, что вы любите¹⁴⁰.

Отбрось всё, что есть у тебя,
даже если это — жизнь».

Если не готов с жизнью расстаться,
то давно ни имущество, ни богатство не бросишь.

Если бережёшь последнее одеяло, на котором ты спишь,
то оно и закроет дорогу тебе.

Сожги одеяло, о знающий благодарность,
до каких пор врать себе будешь? Богу тоже хочешь соврать?

* Из золота изготавливали замки для полового органа верблюда.

Если здесь не сжечь одеяло из страха,
как завтра выскочишь из тесного коврика?

Бойтся пусть тот, кто охвачен желаниями,
он потерян с ног до головы из-за них.

Спрятавший золото

У некого мюрида было немножко золота,
которое он от своего шейха припрятывал.

Шейху это было известно, но он молчал,
а ученик золото всё прятал и прятал.

Тот ученик и наставник
вдвоём странствовали.

Чёрная пустыня явилась пред ними,
в пустыне — развилка.

Мужчина боялся, держа своё золото:
ведь золото быстро опозорит мужчину¹⁴¹.

«Раз две дороги теперь появились, — спросил ученик, —
то по какой же из них мы пойдём?»

Брось свои накопления, беречь их — ошибка,
и станет верной любая дорога, по которой пойдёшь.

От выбравшего себе в напарники золото
и сам дьявол в страхе сбежит торопливо.

У такого неизменна лишь хитрость, волос он расщепит
при подсчете крупниц грязного золота,

но в делах веры он подобен хрому ослу:
беспомощному, без поклажи.

В хитрости — словно султан какой,
а в вере — изумлённый невежда.

Если кому золото пересекает дорогу, заблудившимся тот
остаётся,
со связанными ногами остаётся он в яме.

Ты — Йусуф, так берегись этой ямы глубокой,
и не возражай: жуткая в ней духота.

Шейх ал-Басри и Рабийя

Шейх ал-Басри¹⁴² пошёл к Рабийе и спросил:

«О ты, владелец события в любви,

расскажи мне о том, чего не слышала от других,
о том, чего никому не рассказывала и не видела.

Расскажи о том, что стало тебе известно,
говори скорее, умираю от нетерпения».

«О шейх времени, — ответила Рабийя. —
Однажды связала я несколько верёвок.

Взяла их, продала и обрадовалась,
заработав пару серебряных монет.

Но не стала брать их в одну руку,
держала монеты я в разных руках.

Боялась: если одна монета найдёт себе пару,
нафса-разбойника я не смогу удержать».

Неимоверно старается прилепившийся к миру,
изобретает сотню тысяч уловок,

чтобы добыть крупицу нечистого золота.

И вот достанет, а затем умирает, вот и весь о нём сказ.

Наследнику переходит уже чистое золото,
а он остаётся с горечью своих грехов и мучений.

О ты, променявший Симурга на золото,
ради золота своё сердце спаливший, как свечку!

Раз даже для волоска здесь нет места,
тем паче и золото сюда не поместится.

О ты, кто подобен муравью! Если выступишь в путь,
то даже одним волоском насильно захватят тебя.

Но если не расстаться с последним волосом,
то и не осмелиться в этот путь выступить.

Птица и правоверный

Жил некогда верующий, благословенный Богом,
четыреста лет он провёл в поклонении Богу.

Держался он от людей в стороне,
деля тайны с Богом, сокрытым завесой.

Но Бог был его собеседником, и достаточно этого.
Если дыхания верующего не будет, то достаточно Истины.

У него был участок с деревом посередине,
однажды на этом дереве птица свила гнездо.

Мелодичным голосом птица пела прекрасно,
в каждой песне её — сотня тайн.

Из-за её приятного голоса верующий
немного к ней привязался.

Бог ниспослал пророку того времени,
что этому человеку дела

надлежит передать: «Удивительно!
Столько молитв, дневных и ночных!

Так от любви ко Мне горел ты годами,
и наконец продал Меня птице.

Хотя из-за своего совершенства ты был мудрой птицей*,
но птичий голос бросил тебя в мешок.

Мы — твои покупатели, а ты Нас продаёшь,
неужели такой верности Мы тебя научили?

Не продавай ты так дешево,
Мы — твои собеседники, не оставайся без собеседника».

Довод седьмой птицы

«Сердце полно огня, — сказала другая. —
Жизнь моя на моём месте прекрасна!

Есть у меня позолоченный просторный дворец.
Глядя на него, народ радуется.

Бескрайнее счастье моё — из-за него,
как забыть его я смогу?

Я — царица птиц в высоком дворце,
что же мне мучиться в этой пустыне?

* Игра слов. «Мудрая птица» — идиома того времени, означает умный, учёный человек.

Как оставить навсегда царство?
Как в пустыне жить без дворца?

Встречал ли ты умника, кто вышел бы из райского сада,
дабы видеть мучения и страдать в путешествии?»

Ответ Удоды

«О ты, гнусный слабак! — ответил Удод. —
Ты ж не собака, зачем тебе печка?»¹⁴³

Этот пошлый мир — огромная печь,
какова в ней цена печке поменьше?

Пусть дворец твой подобен райскому саду,
но вспомни о смерти, и он станет тюрьмой для страдания.

Если бы смерть до людей не добралась,
может, и стоило бы в этом дворце отсидеться».

Шахрияр строит дворец

Выстроил некий шахрияр дворец, позолотил его.
Обошлось ему это в сотню тысяч динаров.

Завершив возводить тот райский дворец,
приукрасили его коврами и безделушками.

Из всех городов народ съехался — входили
с подносами, полными даров, изъявляя покорность.

Призвал к себе мудрецов и слуг шахрияр,
рассадил возле себя на диваны.

«Есть ли в убранстве и совершенстве дворца моего
хотя бы один недостаток?» — спросил шахрияр.

Но каждый отвечивал, что на земле ещё
такой красоты не видывали и о подобном не слыхивали.

«О ты, счастливец! Прореха осталась, и это — главный
изъян, —

встал и промолвил некий аскет. —

Если б не этот ущерб в виде дырки,
поощрили б тебя даже райским дворцом из сокровенного
мира».

«Не заметил я никакой дырки, эй ты, дурак, поднимаешь ты смуту», — сказал шахрияр.

«О ты, столь гордый царством своим, эта дырка открыта благодаря Азраилу*, — ответил аскет. —

Тебе лучше бы залатать эту дырку.

Иначе зачем тебе трон, дворец и корона?

Хотя это место подобно цветущему раю, но ужасным сделает его в твоих глазах смерть.

Несомненно, здесь — место жительства.

Но не вечно оно, и дворец твой — не выход.

Не хвастай чрезмерно своим дворцом, не седлай коня тщеславия и своенравия».

Хоромы купца

Однажды один жалкий купец
из тщеславия выстроил шикарный дворец.

Как завершились работы,
пригласил на приём он людей.

Торжествуя, кокетничая, он народ созывал,
дабы все посмотрели на роскошный дворец!

В день приёма метался купец, выходя из себя,
на глаза попался безумцу. Тот воскликнул:

«Хотел бы я вместе с тобою пойти, чтоб нагадить
в твоём новом дворце, о глупец.

Впрочем, занят я, не мешай, исключи-ка
меня из списка к тебе приглашённых».

Паук

Встречался ли тебе беспокойный паук?

Проводя жизнь в воображении,

погружается он в своё восприятие
и строит себе жилище в каком-либо уголке.

* Азраил — ангел смерти.

Особую ловушку он строит, желая
поймать ею муху.

Когда муха в западню попадает,
сосёт паук кровь из вен у несчастной.

Затем засушит её прямо на месте
и долго ещё ей питается.

Но вдруг появляется хозяин дома.
Постоит рядом с палкой в руках,
затем в одночасье уничтожает
и сеть паука, и муху его.

Мир и тот, кто в нём ест его пищу,
подобны мухе и пауку в паутине.

Даже если весь мир будешь руками держать,
он однажды исчезнет — не успеешь и глазом моргнуть.

Если твои владения гордостью наполняют тебя,
ты подобен играющему в прятки ребёнку.

Не желай своего царства, если, конечно, не пересел мозгов
ишака.

Царство более подходит коровам¹⁴⁴, о незнающий!

Тот, кто не относится к барабану и знамени как дервиш,
умер уже, ибо голос барабана — это лишь ветер.

Ветер в знамени, крик в барабане, —
ломаного гроша всё это не стоит.

Не гони так долго пегого жеребца бездарности,
не преисполняйся гордостью власти —

раз с леопарда шкуру споро снимают,
то и с тебя снимут, если нужно, немедленно.

Раз не нашлось возможности кем-то стать,
то лучше или исчезнуть, или пасть головой.

У тебя нет возможности поднять голову,
склони же её, сколько можно играть.

Или отринь власть, не занимайся ей больше,
или облегчи голову, перестань думать о ней.

О ты, ведь твой домик с садом — твоя же тюрьма
страшно будет твоей душе, твои мечты — это же болезни её.

Пройди через эту горделивую землю¹⁴⁵,
сколько можно по ней блуждать, о азартный!

Открой глаза воли и взгляни на дорогу,
затем выступай в путь, смотря на подворье.

Когда душу до тех ворот донесёшь,
от признательности и Вселенная тебе станет мала.

Беседа в пустыне

Бежал некто с отягчённой душой по пустыне,
повстречал он в ней дервиша.

«Как твои дела, о дервиш?» — спросил он.

«Постыдись! О чем речь?» — тот ответил. —

Остался запертым в этом мире,
сейчас мне этот мир очень тесен».

«Нет правды в твоих словах, — сказал проходящий, —
тебе тесно в просторной пустыне?»

«Если бы тут было просторно, — ответил дервиш, —
неужели бы ты наткнулся на нас?»

Если дают сотни радостных обещаний,
знай, что огонь дают с оборотной их стороны.

Что означает «твой огонь»? Это — мир, забудь его,
страшись этого огня, словно львов.

Когда пройдёшь через него, радость устремится
навстречу,
затем и дом, где сможешь радоваться, пойдёт навстречу
тебе.

Огонь впереди, дорога очень длинна,
тело слабо, сердце в плену и болеет душа.

Ты от всего устранился и отчуждён,
занятый лишь этим мирком.

Отдай жизнь! Слишком долго ты рассматривал мир,
поэтому не знаешь ни имени мира, ни смысла его.

Сколько ни вглядывайся — ничего не увидишь,
и довольно об этом твердить — успокойся же наконец.

Шедший за гробом

В трауре некто гроб провожал,
печально и горько он причитал:

«О мой отец, не видевший мира, как ты ушёл?
Не повидав толком мира, ушёл из него!»

Услышав это, один взволнованный заметил:
«Пусть хоть сотню раз ты посмотришь на мир
и даже возьмёшь мир с собой —
всё равно умрёшь ты, так мира и не повидав.

Пока любишься миром,
жизнь минует твоя, не вылечив боль.

Пока не очистишься от стяжательства нафса,
теряешь ты драгоценную душу в грязи».

Сгоревшее благовоние

Возжигал один ветреник благовоние,
а другой в восторге всё восклицал: «Ах!»

Некто благородный заметил ему:
«Пока ты голосил своё “ах”, давно сгорело то благовоние».

Довод восьмой птицы

«О почётная птица! — говорила другая. —
Охватила любовь к любимой меня.

Любовь к ней пришла и подтолкнула меня,
ум мой украла, своё дело выполнила.

Мечта о лице её сбила меня с пути,
всё, чем владел, — всё обожгла.

Ни на миг без неё нет покоя,
я ещё могу вынести её отсутствие, но как неверие это
чувствую.

С таким волнением в крови
разве можно мне, бедной, выступить в путь?

Надо идти по пустынным дорогам
и быть готовым к сотням несчастий.

Не могу жить без лица той луноликой ни мига,
никогда не смогу в путь собраться.

Лекарство, лечение не облегчат мне боли,
моё дело перешло грань неверия и веры.

И вера, и неверие мои — из-за неё,
огонь в моей душе — из-за любви к ней.

С кем это горе мне разделить?
Тоска по её любви — единственная спутница мне.

Любовь к ней меня окровавила и швырнула на землю,
её кудри выгнали меня из-под занавеса.

Настолько не по себе мне от стремления к ней, что
не переживу и вздоха в разлуке.

Зачем делать кровавой дорогу себе?
Вот такой я, что же мне делать?»

Ответ Удода

«О ты, пленённый внешностью, — ответил Удод, —
оставшийся во тьме с ног до головы.

Любовь к внешности не приводит к познанию.
Это всё игры с похотью, ты мне напоминаешь животное.

У любой такой красоты есть недостаток,
человеку придётся чем-то платить за такую любовь.

Если не вечная это красота,
гибнуть из-за неё — просто неверие!

Лицо, сделанное из крови и слизи,
названо «неполной луной».

Если убавить в нём этой крови,
уродливее его ничего не найдёшь в этом мире.

У того, чья красота зависит от крови и слизи,
знаешь сам, каков неминуемый конец.

Что суетишься капризно вокруг личика,
красота — в ином мире, ищи её там!

Когда поднимется занавес с дела,
исчезнет и суфий, и отчизна его.

Оплывут края лица полностью,
обернутся все восторги досадой.

Влечение к ничтожному лицу
обернётся полным его неприятием.

Только дружба с миром иным —
безупречная дружба.

Брось всё, ибо эта любовь перейдёт дорогу тебе.
Крепко пожалеешь об этом впоследствии».

Плакавший перед Шибли

Плакал некто, страдая, перед Шибли.
«Отчего ты плачешь?» — спросил шейх.

«Был друг у меня, — ответил тот, —
радовал он своей красотой мою душу.

Вчера он умер, и я умер от горя,
мир почернел для меня от утраты такой».

«Раз твоё сердце болеет от этого, — сказал шейх, —
мало ещё тебе горя, надобно тебе его больше».

Выбери иного друга себе,
бессмертного, чтобы тебе так жалко не мучиться.

Дружба, которая пострадает от смерти,
привязанностью к ней всю душу измучит.

Заболевший любовью к внешности
благодаря внешнему и попадает в беду.

Но быстро внешнего он лишится
и останется в крови сидеть в удивлении.

Продавший свою наложницу

Некий состоятельный купец с обширным имуществом
владел наложницей, чьи губы были сладки, словно сахар.

Вдруг он продал ее, но стал сожалеть
и мучиться, сильно раскаиваясь.

Отправился к новому хозяину,
предложил её выкупить в тысячу раз дороже.

Тот, однако, не продавал,
а у купца от желания сердце горело.

Пребывал он в метаниях,
непрерывно голову землёй посыпая.

«Заслуживаю я этого горя, и все, — восклицал он, —
ибо достоин такого горя тот, кто

по глупости, не думая,
пошел и продал любимую за динар».

В самом разгаре этого великолепного базара
ты поднялся, чтобы нанести себе же ущерб.

Драгоценен каждый вдох из дыханий твоей жизни,
каждая новая крупица знания ведёт тебя к Истине.

С ног до головы то, что считаешь своим¹⁴⁶, — это, по сути,
Его изобилие.

Подари же своей душе наполненность Другом,
чтобы узнать, с кем ты разлучён,
и узнать, что слишком терпеливо переносишь разлуку.

Истинный милостиво создал тебя, с нежностью
и признанием.

Но ты от Него отвернулся по глупости в сторону.

Хосров и собака

Некий хосров на охоту собрался.
«О псарь, готовь борзую собаку», — отдал он приказ.

У хосрова была обученная собака,
в аксун* и атлас наряжённая,

чтобы она горделивей смотрелась, ей на шею надели
ещё и ошейник из драгоценностей.

Браслеты на лапах с бубенцами — все из золота,
из шёлка её поводок.

Царь, решив, что собака умна,
взял в руку её поводок.

* Аксун — дорогостоящая чёрная ткань.

Он поехал, а собака за ним побежала.
На дороге оказался кусок кости.

Приметив кость, собака и встала.
Хосров увидел, что собака застряла.

Огонь ревности с такой силой его охватил,
что глупую собаку обжёт*.

Порвал верёвку и приказал: «Сейчас же
голову отрубите невежливой.

Лучше бы ей съесть сотню тысяч иголок**,
чем дёргать за поводок».

«Собака наряжена, — сказал псарь, —
все её тело обвешано драгоценностями,
да, верно, ей более под стать поля и луга,
но мы-то золото и драгоценности заслужили».

«Брось её такой и уходи, — ответил хосров. —
Забудь про золото и серебро, что на ней, и иди.

Пусть придёт в себя после этого
и, увидев себя наряженной,
вспомнит, что была сначала знакома,
а затем разлучена с таким царем, как я».

О ты, в начале ознакомленный
и в конце разлучённый из-за легкомыслия.

Без остатка посвети себя настоящей любви,
мужественно выпей с драконом бокал,
ибо тут имеешь дело с драконом,
и влюблённым за их любовь головы рубят.

То, что поднимает дух мужчины,
дракона сделает в его глазах муравьём.

Все, кто в Него влюблён, — один или сотня —
ради Него и свою кровь выпить готовы.

* Идиома. Обжечь кого-либо означает определить его судьбу.

** Чтобы усыпить собак, им добавляли в корм иголки.

Смерть Халладжа

Когда казнили Халладжа¹⁴⁷, кроме «Я — Истина»,
он ничего не промолвил.

Отрубили ему ноги и руки, ибо
не могли внять тому, что он говорит.

От потери крови его лицо пожелтело.
В таком состоянии разве кто выглядит красным?

Но тот, что был словно солнце¹⁴⁸, сразу натёр
своё подобное луне лицо обрубком руки.

«Раз кровь румянит лицо мужчины,
то покрасил я лицо своё посильнее.

Чтобы не смотреться в их глазах жёлтым,
чрезмерно красным следует выглядеть.

Каждый, кто увидит меня пожелтевшим,
решит, что сейчас я сильно напуган.

Но раз нет вообще во мне страха,
то пусть, кроме красного, не будет другого лица.

Когда кровавого мужчину¹⁴⁹ казнят,
понадобится здесь вся его храбрость.

Раз весь мир мне стал кружком буквы “мим”¹⁵⁰,
чего мне бояться на этом помосте?»

Тому, кому в пекле¹⁵¹ суждено жить
с семиглавым драконом,

много игр таких предстоит.

Быть казнённым — наименьшее в его участи.

О Джунейде

Этот предводитель веры, глубочайшее море,
однажды ночью вёл беседу в Багдаде

столь возвышенным слогом, что небо
от жажды склонило голову перед ним.

У Джунейда¹⁵², славного предводителя,
был сын, прекрасный, как солнце.

Отрезали ему голову жалким образом¹⁵³
и на поругание в толпу бросили.

Увидев голову сына, отважный Джунейд
не вымолвил ничего, успокаивая тем самым людей.

В том большом котле¹⁵⁴ с древними тайнами,
на огонь той ночью поставленном,

великое самообладание требовалось.

И всегда его требуется никак не менее этого, и даже более.

Довод девятой птицы

«Я смерти боюсь, — сказала другая, —
пустыня далека, и я беспомощна.

С таким страхом смерти
умру я на первой стоянке.

Даже если я — Азраил,
когда смерть подступит, жалко умру я.

От меча смерти довольно одного лишь удара,
чтобы собственные рука и меч поломались.

Как печально, что от огромных мечей и рук,
останется, увы, лишь сожаление!»

Ответ Удода

«О ты, жалкий слабак! — сказал Удод. —
Долго ль протянет груда костей?

Несколько костей перестроились,
но мозг внутри их сгорел.

Не знаешь ты, долго ли тебе жить здесь осталось,
может, два вдоха и выдоха — насколько долго, ты
говоришь?

Кто рождён, тот и смертен — разве не знаешь?
Станет он грунтом, и ветер унесёт всё, чем он обладал.

Тебя растили, чтобы ты убывал,
тебя принесли, чтобы затем унести.

Мир — как перевёрнутый таз,
что от зари и до заката наполняется кровью.

Солнце ради него вращает мечом,
столько голов в него отрубая!

Чистым ли, грязным ли ты пришёл,
ты всего лишь — капля воды вперемешку с землёй.

С ног до головы подобен ты капле.
Способна ли капля с морем бороться?

Пусть всю жизнь ты отдаёшь всем здесь приказы,
всё равно будешь гореть и жалко погибнешь».

Феникс

Феникс — чудесная, всеми любимая птица.
В Индостане можно её отыскать.

Дивный клюв у неё, длинный и твёрдый.
Множество в клюве отверстий, точно в свирели,
чуть ли не с сотню отверстий в клюве её.
Известна она одиночеством, без пары живёт.

У каждой дырки в клюве её свой мотив,
в каждой мелодии сокрыта отдельная тайна.

Едва из дырок польётся скорбный напев,
все звери и рыбы теряют покой.

От наслаждения слышать голос Феникса
затаихают все птицы и разум теряют.

Некий философ её разыскал, посидел рядом с ней —
постиг всё, что можно о музыке знать.

Живёт эта птица с тысячу лет.
О времени смерти своей знает она.

В час смерти, когда её покидает надежда,
собирает вокруг себя кучу хвороста,
усаживается на хворост в волнении,
и вокруг разливается сотня мелодий, одна другой горше.

Через все дырки в клюве от боли
чистого сердца раздается рыдание.

Плача, горя от близости смерти,
дрожит Феникс, словно лист на ветру.

От этих стонов, от этого плача
все птицы и звери окрест

сбегают взглянуть на неё,
забывая и о всём белом свете.

В этот день её горя с кровоточающим сердцем
умирает много зверей рядом с ней:

всех повергает плач в изумление,
многие слабеют настолько, что жизнь их уходит.

О, это чудный и дивный день для неё!
Так горестно плачет она, будто кровь течёт вместо слёз.

В момент смерти, с последним дыханием
бьёт Феникс крыльями, взмахивая вперёд и назад.

Попадают искры на крылья,
затем огонь охватит её целиком.

Огонь быстро скользнёт по дровам,
займутся они весёлым пламенем.

Птица и дрова полыхают,
затем всё обращается в пепел.

Когда потухнет последняя искорка на кострище,
из пепла рождается Феникс.

Едва все дрова превратит огонь в пепел,
над ним поднимается маленький Феникс.

Никому в мире не удаётся такое:
быть бесплодным и рожать после смерти.

Если, как Фениксу, дают тебе долгую жизнь,
даже в миг смерти несёшь ты ответственность.

Годами жила она с болью, в рыданиях,
без пары, без детей, в одиночестве.

На целом свете не было у неё никого,
даже заботиться о семье она не могла.

Наконец-то смерть о ней вспомнила,
пришла и развеяла её пепел по ветру.

Чтобы ты знал: от смерти никто
не сбежит, трюки здесь не спасут.

Во всём мире никого не найти, кто от смерти сбежит,
от неё нет защиты, и это — странно.

Хотя смерть беспощадна, груба,
необходимо размягчить¹⁵⁵ её шею.

Да, у нас много хлопот и забот,
но нет дела сложнее и серьезнее этого.

Идущий за гробом отца

Перед гробом отца шел сын и,
оплакивая его, восклицал: «О отец,

дня, столь мне душу изранившего,
я в своей жизни не видывал!»

«Это твой отец, — обронил некий суфий, —
никогда не видывал подобного дня».

Беда — это не то, что с сыном произошло,
беда — это то, что случилось с отцом.

О ты, на свет явившийся без головы и без ног¹⁵⁶
и проходящий с прахом на голове*.

Если даже станешь государем,
при уходе в твоих руках только ветер останется.

Смерть флейтиста

Когда подошёл час флейтиста,
спросил его некто: «О ты, охваченный тайной!

Что переживаешь ты в этот час?»

«Описать не могу своё состояние, — ответил тот, —
вся жизнь ушла с ветром**,
наконец земле себя отдал — и всё...»

От смерти нет лекарств, кроме смерти,
и листья опадут наконец-то печально.

Мы все родились, чтоб умирать,
не остается нам жизни, но хотим мы ее.

* Идиоматическое выражение, «ходить с прахом на голове» означает «заниматься пустяками».

** В русском есть аналогичное выражение — просвистеть. Это объясняет, почему упомянут флейтист. — *Прим. изд.*

Правившие миром
теперь прах под землёй.

В небеса бросавшие копья
быстро в гробницах превратились в ничто.

Все спят под землёй,
и даже не спят, а в волнении¹⁵⁷.

Смотри, какой трудный путь эта смерть,
первой стоянкой которой является гроб.

Если бы знал ты о горечи смерти,
твоя сладкая душа перевернулась бы.

Иса и кувшин

Иса однажды воду пил из реки,
что на вкус была приятней напитка из роз.

Иса из кувшина напился и отошёл.
Некто за ним наполнил кувшин, выпил и удалился.

Но, ощутив горечь во рту той воды,
возвратился он и встал, удивлённый.

«Вода в кувшине ведь из этой реки,
в чём тайна, о Боже?» — он так восклицал. —

Почему вода из кувшина горька,
а в реке — слаще мёда?..»

Заговорил вдруг кувшин, стоя перед Исой:
«О Иса! Я — старый мужчина.

Тысячу раз под этим небом
был я кувшином и глубоким, и мелким,
если тысячу раз сделать кувшин из меня,
кроме горечи смерти, ничего внутри не останется.

От горечи смерти вода в моих стенках
всегда такая несладкая».

Услышь тайну кувшина, о ты, легкомысленный!
Прекрати быть глупцом из-за неведения.

Потерял ты себя, о взыскующий тайну,
ищи её перед тем, как умрёшь.

Если живым не найдёшь себя ты,
то, умерев, найдёшь ли ты тайну?

Если ты трезвым не знаешь себя,
и в посмертии следов от тебя не останется.

Живущий, но тайну не знающий, — исчез как мертвец.
Родился он человеком, однако стал нелюдью.

О Сократе

Говорят, когда наступал час Сократа,
Спросил его ученик: «О учитель!

Как тебя омыwać, как в саван одеть?
Где похоронить нам тебя?»

«О юноша! Если найдёшь ты меня, — ответил Сократ, —
схорони, где угодно, да и дело с концом.

В живых я за долгую жизнь себя не нашёл,
Неужели среди мёртвых найдёшь ты меня?

Ухожу я так, что в час ухода
нет понимания, куда ухожу, размером и с кончик волоса».

Довод десятой птицы

«О ты, добродетельный! — сказала другая. —
Моё желание не исполнялось никогда ни на миг!

Я жизнь в горестях провела,
терпя нужду в этом мире.

В моём окровавленном сердце столько горечи,
что каждая моя частица в трауре.

Всегда была поражена своею беспомощностью,
назови неверной, если когда-либо радовалась.

Устала я от стольких скорбей своих,
можно ли выступить в путь в таком состоянии?

Не накопи я столько печалей,
возрадовалось бы сердце моё этому странствию.

Но раз есть сердце, полное крови, что делать?
Я всё открыла тебе, что теперь делать?»

Ответ Удода

«О ты, прилетевшая безумной от гордости! — сказал
Удод. —

В торговле утонула ты с головой.

Неудача и успех в этом мире
слишком быстро проходят.

Если займёшь ты себя этим мгновением,
считай, что из жизни твоей оно выпало.

Раз мир преходящ, и ты пройди мимо,
брось его, не гляди на него.

Знай: всё, что не вечно,
нельзя полюбить, оно — не живое».

Суфий и напиток

Жил некогда знаток пути, влиятельный, чудный душой.
Он никогда не трогал щербета*, из рук людей взятого.

«О ты, близкий к Хазрату**, — некто спросил, —
почему отказываешься брать те напитки?»

«Я вижу того, кто над моей головой, — был ответ, —
и как он опережает меня, бросаясь к щербету.

С таким человеком, стоящим надо мной,
щербет, если я выпью его, ядом мне будет».

Если ум и совесть на месте — уже не вкусен щербет,
не освежает он, а поджигает.

Все, что устойчиво лишь на коротенький миг,
пол-ячменя не сто́ит, даже если это сотня миров.

Ради одного мига удовольствия, которого нет,
надо ли вставать на основание, которого нет?

Если ты гордишься своими желаниями,
смотри, не спутай их с желанием нафса.

* Сладкий напиток.

** *Хазрат* — Господин.

Падишах и мавр

Один падишах с благородными манерами
своему мавру однажды дал фрукт.

Мавр ел с таким удовольствием,
словно в жизни ничего вкуснее не пробовал.

Видя, как мавр наслаждается,
и падишах пожелал фрукта попробовать.

«Передай-ка мне половину, о мавр! — сказал падишах. —
Ибо ешь ты с заразительным удовольствием».

Мавр передал фрукт падишаху, а тот,
отведав, нахмурился: горьким был фрукт.

«О мавр, никто так не поступил бы, — сказал падишах. —
Кто же с таким наслаждением ест горечь такую?»

«О шахрияр! — отвечивал мавр падишаху. —
Из твоих рук я получил сотни тысяч подарков.

И из этих же рук получив горький фрукт,
счёл я неверным возвращать обратно его.

Каждый раз сокровище принимаю из твоих рук,
и случайная горечь не обидит меня.

Раз я у тебя в подчинении, под дарами
из твоих рук я не чувствую горечи».

Если на Его пути у тебя много страданий,
знай, что такие страдания — это сокровище.

Его дела невероятно сложны,
и что же ты сделаешь, раз так предопределено?

Те, кто знали путь и обрели зрелость души,
не ели и куска без страдания и крови своего сердца.

До тех пор пока приходилось сидеть на соли и хлебе,
без мучений сердца даже преломить хлеб не могли.

Знатный человек спрашивает суфия

Некто из знати к суфию обратился:

«О брат, как живётся тебе?»

«Я словно застрял в котле.

С пересохшими губами, с выпачканной одеждой¹⁵⁸.

Но и куска хлеба в котле не ел,
чтоб не свернули шею ненароком».

Если ты охотишься в мире за минутами веселья,
то либо ты спишь, либо бредишь.

Взыскуя веселья, будь осторожен,
чтобы мужественно перейти по Сирату*.

В этом мире не полагается радоваться,
ибо, согласно традиции, для радости нет здесь места
размером и с волосок.

Здесь есть нафс, подобный огню,
и пока он таков, где здесь радостное сердце найти?

Даже если ты крутишься в мире, как циркуль,
ни в одной точке этой дуги не сказать: «Вот здесь —
радость».

Старушка спрашивает шейха Майхани

Обратилась к шейху Майхани¹⁵⁹ одна старушка:
«Дай мне молитву, чтобы мне стало радостно.

Слишком долго была я несчастлива,
дольше выносить это уже невозможно.

Если научишь меня молитве радости,
она, безусловно, станет ежедневным моим славословием».

Шейх ответил: «Много лет миновало
с того мига, когда я обнял колени**.

То, чего просишь ты, я долго искал,
но даже частички этого не видел и не нашел».

Ещё о Джунейде

Некий просящий, сидя возле Джунейда, спросил:
«О ты, который, безусловно, добыча Бога,

* Согласно хадису, Сират — мост, проходящий над преисподней, он тоньше волоса и острее меча. По Сирату должны пройти все умершие.

** Упоминается одна из традиционных дервишских поз для сосредоточения.

когда же добьётся человек радости, расскажи?»
«Если есть радость в сердце, — ответил Джунейд, —
то до воссоединения с Падишахом
нет лучше помощи для перенесения неудач на пути.

Однако я вижу для крупинки благо в разочарованиях,
ибо света солнца крупинка не выдержит».

Если крупинка и сотню раз утонет в крови,
разве даже после этого выйдет она из разочарованности?

Крупинка — она крупинка и есть, пока остаётся крупинкой.
Отрицающий это — обычный гордец.

Да, если взглянуть на оборотную её сторону, она — уже
не она.

Но и эта сторона — тоже крупинка, а не блестящий родник.

Но если кто начинает с крупинки,
то правильные крупинки уже в нём содержатся.

Взор, обращённый к Его солнцу, и универсальное
потеряет из вида,
а поэтому идущий навсегда крупинкой останется! .

Это значит, встретит он добро или зло,
остается он в себе, даже если всю жизнь будет бежать.

Наберись терпения, о беспокойная крупинка,
дабы увидел ты свою беспомощность.

Летучая мышь

Однажды ночью летучая мышь так рассуждала:

«Что же. Раз не могу я на солнце смотреть,
полечу хоть всю жизнь через сотни невзгод,
чтобы просто в нём разом исчезнуть».

Закрыв глаза, месяцами, годами буду лететь
и наконец доберусь до нужного места!»

«О ты, тщеславный пьяница, — некто с зорким взглядом
ответил, —
тебе до Него — сотни тысяч лет дороги.

Такому потерянному, как ты, не одолеть этот путь,
муравью, застрявшему в яме, к луне не подняться».

«А я не боюсь, я хочу долететь, — мышь сказала, — и посмотрю, что из всего этого получится у меня».

Летела она годами пьяная и незнающая,
пока ещё были силы и крылья целы.

Наконец остановилась, со сгоревшей душой и
пламенеющим телом,
без крыльев, оставшись без выхода.

«Забыла я о солнце, — сказала она, —
ибо не видела никакого следа от него».

«Ты крепко спала, — заметил некий мудрец, —
не видишь дороги, ты только шаг сделала,
а намекаешь, что пролетала мимо Него, —
якобы поэтому и крылья утратила».

Летучую мышь эти слова уничтожили,
исчезло и то, что от неё оставалось.

От безнадёжности языком души
воззвала она к солнцу.

«Раз ты нашло такую зоркую птицу, — вскричала она, —
так смотри, само подальше держись от неё!»

Вопрос одиннадцатой птицы

«О предводитель! — спросила другая. —
Верно ли, если действовать лишь по повелению?

Принимается деяние или нет, это не важно,
выполняю я только Его повеление.

Слушаю душой Его повеления,
ведь если не выполню, то буду наказан».

Ответ Удода

Удод сказал: «О птица, это хороший вопрос!
Выше этого блага не обрести человеку.

Исполнивший повеление от бед спасается
и легко проходит сквозь трудности.

Один час молитвы по повелению
лучше всей жизни, проведённой в молитвах. но без приказа.

Кто без дозволения много страдает,
тот — собака, и не больше того.

У собаки много мучений, но пользы от них никакой.
Раз это не по приказу, ничего не будет, кроме ущерба.

Для того, кто смог выстрадать миг, когда велено,
весь мир наполнится наградами.

Здесь важен приказ, и выполняй его вовремя.
Ты — раб, и не в своё дело не вмешивайся».

Возвращение хосрова в город

Один хосров возвращался в свой город,
жители город украсили.

То, что при себе имели, то
и пожертвовали для украшения.

У заключённых же и из общего, и из личного
ничего не было, кроме оков и цепей,
а помимо цепей было несколько отрезанных голов
и изрядно — порванных сердец.

Бросили они ещё несколько рук и ног
и сделали из них свои украшения.

Шахрияр, возвращаясь в свой город,
увидел его нарядным, наполненным красотой.

Доехав до места, где располагалась тюрьма,
он спешился,

затем допустил к себе заключённых,
многое им посулил и выдал золота и серебра.

Один любопытный собеседник хосрова
спросил: «О падишах, мне тайну открой:

ты видел сотни тысяч украшений,
видел город в шелках и аксуне.

Посыпали землю драгоценностями и золотом
и к небу воскурили мускус и благовония.

Видел ты многое, но был сдержан,
вообще ни на кого и не глядя.

Почему же ты задержался у тюремных ворот?
Неужели рассматривать отсечённую голову? Вот тебе дело!..

Тут ничего весёлого,
только отрезанные головы, руки и ноги.

Все эти убийцы — безруки,
зачем делить с ними общество?»

«Украшения прочих, — сказал падишах, —
похожи на кукол кукловодов.

Каждый согласно своему уровню и своему о себе
представлению
представил и вещь свою, и себя.

Те люди — все поголовно изменники,
а заключённые здесь верны мне в поступках.

Если бы не выполнялись здесь мои повеления,
не отделяли бы голову от тела и тело от головы.

Люди тюрьмы — изумлённые,
от моего гнева и приказов они в удивлении.

Теряют они то руку, то голову,
то зелёное потеряют, то высохшее*.

Без работы, без забот, в ожидании,
когда из ям и камер поведут их на виселицу.

Поэтому тюрьма для меня радостнее:
то я их накажу, то — они меня»¹⁶⁰.

Дело прозорливых — слушаться повеления,
и тогда падишаху посетить тюрьму неизбежно.

Сон ходжи

Некий ходжа, родом из седельников,
был благородным арифом** и полюсом мира***.

* Старинное выражение, его здесь следует читать в переносном значении: «невиновные и повинные».

** *Ариф* — обладатель духовного знания, «познавший».

*** *Кутб* — «полюс» — название высшего ранга в иерархической структуре святых в суфизме.

Сказывал он: «Однажды во сне
я повстречал на дороге Баязида с Термизи¹⁶¹.

Оба поставили меня впереди,
перед ними обоими предводителем.

Впоследствии истолковал я сон полностью,
почему оба шейха мне такой почёт оказали.

Толкование было таким: на заре
моё сердце стонало невольно.

Мой стон пошёл и открыл мне дорогу,
в дверь постучал и отворил её мне.

Когда дверь оказалась открыта,
обратились ко мне без слов и сказали:

“Все эти пиры и все их мюриды,
за исключением Баязида, чего-то просили.

Среди них Баязид оказался настоящим мужчиной,
ибо ничего не попросил он от нас”.

Услышав это обращение в ту ночь, — продолжил ходжа, —
сказал я себе: мне вообще ничего не положено.

Как я могу просить у Тебя, за Тебя не боюсь,
или желать Тебя, не будучи мужчиной Твоей дороги?

Что прикажешь, то и станет моим пожеланием,
моё дело решается повелением.

Нет во мне ни зла, ни добра,
и кто я такой, чтобы чего-то желать?

Того, что прикажешь, достаточно мне,
рабу достаточно следовать повелению.

От этих моих слов оба почтенных шейха
поставили меня выше себя, вот и всё».

Когда с постоянством выполняет раб повеление,
Бог беседует с ним проникающими в душу словами.

Раб — не тот, кто, приукрашивая,
постоянно бахвалится своим положением.

Раб образуется при испытании.

Попробуй себя испытать, может, и ты найдёшь след.

Шейх Харакани при смерти

В последний час, будучи при смерти,
так сказал шейх Харакани¹⁶², о диво!

«Я хотел бы, чтоб раскрыли мне душу
и открыли моё сгоревшее сердце,

Показали бы его всем мирянам
и объяснили моё состояние.

Не веди себя подло со знающим тайну,
не пройдёт идолопоклонство, не играй не по правилам».

Вот это и есть покорность, а всё прочее — прихоти.
Быть скромным — это покорность, о ты, не ставший
никем!

Ты не служишь, как раб, ты ведёшь себя, как господин,
разве ты сможешь быть скромным?

Брось на землю себя, будь рабом.
И, оставаясь им, станешь живым.

Став рабом, становись вежливым,
и на пути такта воспитывай волю.

Если раб в пути невежливость выкажет,
Падишах быстро выставит его со двора.

Бестактному Он запретил входить в храм,
а вежливый обретает совершенство в дарованном.

О том, кому султан даровал наряд

Некто от падишаха в дар получил одеяние¹⁶³.
Вышел он со двора, нарядившись, и встал на дороге.

На лицо ему пыль налетела,
и рукавом наряда он её стёр.

«О падишах! — правителю кто-то сказал. —
Твоим нарядом он стёр дорожную пыль».

Падишаха возмутила такая невежливость,
он приказал того беднягу повесить.

Чтобы ты знал: бестактный
при Падишахе не стоит и гроша.

Вопрос двенадцатой птицы

«О просвещённая! На пути Господа, — спросила другая, — каков верный смысл жертвенности?»

Запретила себе все желания,
постоянно жертвую всем, что есть у меня.

Бросаю всё, что получено,
будто скорпиона в руки беру.

Не привязана уже ни к чему,
бросила надоевшие круги и оковы.

Жертвую собой на Его улице,
надеясь в чистоте узреть Его лик».

Ответ Удода

«Не для каждого этот путь, — сказал Удод. —
Для него необходимо самопожертвование.

Тот, кто проиграл начисто всё, что имеет,
погрузился в чистоту и в ней успокоился.

Порви зашитое, не сшивай рваного,
спали всё, что имеешь, вплоть до шерстинки.

Когда сожжёшь всё огненным стоном,
собери пепел и над ним сядь.

Выполнив это, освободишься ото всего.
Иначе пей кровь¹⁶⁴, пока ото всего ты зависишь¹⁶⁵.

Пока не умрёшь для всего, одного за другим,
разве войдёшь в этот узкий коридор?

Раз не вможу в тюрьме оставаться,
сбрось все оковы с себя.

При смерти любое из владений твоих,
однако держат они тебя за рукав.

Укороти руки себе самому для начала,
а затем в путь выступай.

Если в начале собой не пожертвуешь,
не станет намазом для тебя это странствие».

Туркестанский пир

Туркестанский пир сказал о себе:

«Люблю я две вещи больше всего.

Одна — вороной резвый конь,

а другая — мой сын.

Если услышу о гибели сына,

в знак благодарности вестнику коня подарю,

потому что вижу этих двоих

словно двух идолов в глазах своей любимой души».

Пока не сгорел как свеча, не пережил этого,

не хвастай своим самопожертвованием перед толпой.

Кто бахвалится своим самопожертвованием,

тот испортит свои дела — дальше некуда.

Тот, кто ест хлеб, наслаждаясь при этом¹⁶⁶,

тут же своё получает в ударе по шее.

Шейх Харакани и баклажан

Шейх Харакани, вровень с Аршем¹⁶⁷ стоявший,

однажды долго и сильно хотел баклажан.

Мать рассердилась на шейха

и заставила его съесть полбаклажана.

Едва он доел полбаклажана,

сыну шейха голову отрубили.

Кто-то с наступлением темноты

возле двери сё положил.

«Разве не говорил вам этот взволнованный

тысячу раз,— сказал шейх, —

если этот нищий съест баклажан,

то, не успев шевельнуться, в душу получит удар.

Каждый раз Он так жжёт душу,

что очень не просты мои с Ним дела.

Кого Он привлечёт к своему делу,

тот без своего Возлюбленного не может вздохнуть.

Странное это дело, что с нами случилось,

выше войны и мира оно.

Незнающему, у которого ни знания, ни положения,
пришлось дело иметь со Всеведающим.

Каждый миг, когда приходит новый гость,
появляется и караван испытаний.

Хотя у дорогой души сотня горечей,
ещё скорби добавится, если Он пожелает».

У тех, кто из небытия появился,
Он может пожелать и кровь пролить жалким образом.

Но сотни тысяч Его отважных влюблённых
отдают жизни ради одного Его желания:

Все души созданы для того, чтобы
Он проливал их кровь жалким образом.

Рассказ Зоннуна

«Я шёл по пустыне, — Зоннун рассказывал, —
без посоха и провизии, опираясь на Бога.

Увидел по дороге сорок человек в штопаных одеждах,
все сорок на одном месте погибли.

Взбунтовался мой бессознательный ум,
огонь охватил бушевавшую душу.

“О Господи, что это! — сказал я, —
Скольким предводителям Ты головы рубишь?”

“Мы знаем об этом, — голос раздался, —
Сами губим и Сами платим их виру им”.

“Сколько и скольким Ты будешь давать столь жалкую
гибель?” — спросил я.

“Пока у Меня есть вира, так будет, — голос ответил. —

Погублю, повалю его в кровь,
затем подниму и вокруг мира вверх ногами кручу.

Когда исчезнут частицы его,
исчезнут его ноги и голова, не останется тела,

преподнесу солнце счастья ему,
одену в наряд Своей красоты.

Щеки ему окрашу румянцем сго крови,
усажу его на землю Своей улицы.

Когда солнце Моего лика восходит,
на Моей улице не остаётся теней”».

Когда исчезнет тень в солнце,
что останется? Бог мудрее нас с нашими мнениями
о правильном.

Растворившийся в Нем освобождён от себя,
ибо, кроме Него, нельзя быть в единстве ни с кем.

Исчезай и много не рассуждай о бытии и небытии,
расходуй душу, чрезмерности опасайся.

Не известно мне большего богатства, чем
то, какое человек получает, от себя исчезая.

Не известно мне большего в мире богатства, чем
то, что колдунам фараона досталось.

Все состояние, что было в мире,
приобрели они, когда уверовали.

В тот час отделили от них душу их,
и никто больше подобного состояния не увидит.

Тогда первый шаг они в вере сделали,
а следующим шагом убрали вес свой из мира.

Никто не видел лучшего ухода за садом;
ни одна ветка не принесла более роскошных плодов!

Наблюдение тринадцатой птицы

«О ты, осведомлённый!» — сказала другая. —
Велика роль воли в твоих понятиях.

Хотя извне выгляжу слабой,
но высокой волей я обладаю.

Не всегда я подчиняюсь, как положено,
но твёрдая воля есть у меня».

Ответ Удоды

«Тяга влюблённых — к “Аласт”. Всё, что мы видим, —
сказал Удод, —
в связи с этой высокой волей возникло.

Если у кого появилась высокая воля,
то и всё, что он искал, немедленно появилось.

Разыскавший крупицу воли в себе
с этой крупницей превзойдёт даже солнце.

Воля — причина владения мирами,
воля — перья и крылья птицы души».

Старуха покупает Йусуфа

Рассказывают, что, когда продавали Йусуфа,
каждый египтянин его жаждал заполучить.

Собралась огромная толпа покупателей,
предлагали мускус, весом в пять раз большим веса Йусуфа.

Вышла изнеможённая старуха из толпы покупателей,
держа сплетённые из нитей верёвки в руках.

«О ты, продающий ханаанца посредник! —
вскричала она, заглушая толпу. —

Схожу я с ума от любви к этому мальчику,
навязала верёвок из десяти клубков,

прими их да заключи со мной сделку!
Его руку положи на мою, и без разговоров!»

Мужчина в ответ рассмеялся:

«О благородная, не по зубам тебе этот жемчуг-сирота,
и с сотней сокровищ расстанутся ради него люди.
До тебя и твоих верёвок мне дела нет».

«Я точно знала, что не продадут
мне мальчика за верёвки, — говорила старуха, —
но довольно мне, что и враги, и друзья
скажут, что эта старуха — из его покупателей».

Сердце, не нашедшее высокой воли,
не отыщет и бескрайнего царства.

Благодаря воле могучий царь
сжёт своё царство*.

* Имеется в виду Ибрахиме Адхам.

Поняв, что это царство — ущерб,
открыл он сто тысяч царств, больших этого.

Когда соединилась с чистотой его воля,
эти грязные владения ему опротивели.

Когда глаза воли солнце увидят,
крупница света их уже не притянет.

Жалующийся на свою нищету

Один бездарный дервиш постоянно
жаловался на свою нищету.

«Эх, сынок, разве дёшево ты купил свою нищету?» —
спросил его Ибрахим Адхам¹⁶⁸.

«В твоих словах нет смысла, — ответил тот. —
Такая нужна ль нищета? Постыдись упрекать».

«Однажды я выбрал душою некий товар, — сказал Адхам, —
а потом заплатил за него цену сотни миров.

И ныне отдам за него сотню миров в один миг,
ибо по сей день дороже нет ничего для меня.

Когда я нашёл этот товар крайне ценным,
навсегда с царством своим я распрощался.

Поэтому ценю я товар, а ты — нет,
и благодарить за него надо, считаю, в отличие от тебя».

Люди воли отдавали сердце и душу,
они годами горели и терпели.

Птица их воли к Нему приблизилась,
пролетев и через жизнь, и через веру.

Если эта воля не по зубам тебе,
ступай вон, о ленивый. Ты — не владелец изобилия¹⁶⁹.

О шейхе Гури

Шейх Гури¹⁷⁰, из тех, кто в совершенстве достиг
совершенства,

зашёл однажды под мост с безумными.

Мимо Санджар¹⁷¹ торжественно шествовал.

«Что за люди там, под мостом?» — он спросил.

«Все без ног, без голов, — шейх ответил. —
На два дела только мы все и годимся.

Если в любви к нам у тебя есть постоянство,
мы быстро и полностью выдернем из жизни тебя.

Если же ты нам враг, а не друг,
столь же быстро вытащим из веры тебя, вот и весь тебе
сказ!

Если спустишься под мост на момент,
освободишься от этого торжества и тяги к нему».

«Вам со мной не тягаться, — ответил Санджар. —
Мои дружба и неприязнь вас не достойны.

Я вам не враг и не друг,
ухожу я сейчас, чтоб мой стог не сгорел*.

В вас не вижу я гордости и вы мне не противники,
безразличны мне ваши добро и зло».

Воля является как быстро летящая птица,
что с каждым мигом полёта все непокорнее.

Но не положено лететь без воззрения —
тогда не окажется она внутри творения.

Полёт её превосходит горизонты вселенной,
ибо она выше и трезвости, и опьянения.

Безумец плачет в полуночи

В полуночи заплакал некий безумец.
«Хотите знать, что есть весь этот мир? — он восклицал. —

Это — ларчик с захлопнутой крышкой, и мы под ней,
по глупости, варим свои мечты, как в котле.

Как только крышку снимает смерть,
обладающий крыльями взлетает до начала времён,
а бескрылый остаётся внутри
с сотнями бед».

Отдай птице воли крылья понятий,
дай душу уму, а душе — вдохновение!

* Идиоматическое выражение «сгорел стог» означало «разбита жизнь».

Перед тем, как со шкатулки крышку поднимут,
стань птицей пути, вырасти крылья.

Или нет, сожги крылья, как и себя,
дабы опередить всех в полёте!

Вопрос четырнадцатой птицы

«Верность и справедливость, — сказала другая, —
как выглядят в глазах Его Величества Падишаха?

Всевышний дал мне качество справедливости,
не была я неверной по отношению к кому бы то ни было.

На какую ступень познания тот поднимется,
у кого внутри собраны все эти качества?»

Ответ Удоды

«Справедливость — Царь-спаситель, — сказал Удод. —
Кто справедлив, тот от вздора спасён.

Лучше воспитать в себе справедливость, чем
провести жизнь в поклонении и молитве.

В обоих мирах нет благороднее качества,
чем внутренняя справедливость.

Но кто напоказ справедлив,
приближается к лицемерию, помни!

Мужчины у людей справедливости не просили,
но сами поступали всегда справедливо».

Имам Ахмед Ханбал

Ахмед Ханбал¹⁷² был имамом своего времени,
его познания превосходили возможность их объяснения.

Но когда опустошало его и знание, и мышление,
то споро он отправлялся к Бишру Хафи¹⁷³.

Люди, замечая Ахмеда у Бишра,
сразу пеняли ему, не удерживаясь:

«Ты — имам, знающий,
мудрее тебя никого нет и не будет.

Почему же, не слушая никого,
ты, как босяк, бежишь к этому голодранцу?»

«Я опередил всех в хадисах и сунне, —
так Ахмед Ханбал им отвечал. —

В своём знании я его превзошёл, что вижу прекрасно.
Но он лучше меня знает Бога».

О ты, не подозревающий о своей несправедливости,
взгляни на миг на справедливость знатоков пути.

Индийский раджа и Махмуд

Престарелый шах был у индусов,
войсками Махмуда был он взят в плен.

Когда войска препроводили к Махмуду его,
принял ислам, наконец, тот правитель.

Обрёл он и дружбу,
и от обоих миров отделился.

После этого и днём, и ночью сидел он в шатре,
взволнованный, ошеломлённый.

Сутками напролёт горел и рыдал,
днём горше, чем ночью, и ночь была хуже дня.

Когда его плач перешёл границы возможного,
Махмуд проведал о его состоянии.

Призвал его к себе и сказал:
«Отдам сотни царств и того более,

ты — падишах, перестань же рыдать о себе!
Сколько можно плакать, довольно уже».

Хосров индусов ответил: «О падишах,
ни страну, ни положение я не оплакиваю.

Плачу лишь потому, что если Всевышний завтра,
в Судный день, меня спросит:

“О ты, неверный нарушитель обетов,
как мог ты со Мной так обойтись?”

Пока Махмуд с толпой гордых
всадников к тебе не приблизился,

ты даже не вспоминал обо Мне. Разве так можно?
Это нарушение расписки о верности,
потребовалось ради тебя сосредоточить войска,
а тебя — отправить вслед за другим¹⁷⁴.

Без силы ты и не вспоминал обо Мне.
Скажи, назвать тебя другом или врагом?

До каких пор быть постоянству с Моей стороны, а
измене — с твоей?

В деле верности так не положено”.

Если Всевышний так ко мне обратится,
чем рассчитаться за неверность свою?

Что дальше делать со стыдом и смущением?
Вот причина слёз старика, о молодой».

Выслушай о верности и справедливости,
выслушай наставления в добрых деяниях.

Вступай в путь, если есть в тебе верность,
иначе садись и не упоминай о ней более.

Всё, что находится за пределами верности,
уже избыточно для пути благородных.

Воин-мусульманин и неверный

Прервал мусульманин схватку с гордым противником
просьбой о том, чтобы ему намаз совершить.

Ушёл, помолился, вернулся,
продолжил с новыми силами бой.

У неверного был свой намаз, попросил и он
отсрочку и отправился на молитву свою.

Выбрав чистый уголок,
неверный склонялся в направлении идола.

Увидев голову врага на земле,
мусульманин обрадовался: вот место победы моей!

И собрался неверного исподтишка ударить мечом.
Вдруг воззвал к нему голос:

«О! Ты — сама непорядочность, с головы до ног.
Хорошо же ты держишь тобой данное слово.

Он не резал тебя, пока ты молился,
и до чего же дурно будет сейчас ударить его.

О ты, не читавший “выполняйте своё обещание”¹⁷⁵,
ставший кривым, не сдержав своего слова.

Раз с благородства начал даже неверный,
не пора ли подлости и тебе прекратить?

Он добро совершил, а ты тянешься ко злу.
Но чего хочешь себе, желай того и другим.

Ты получил от него и защиту, и верность,
но где же твоя-то надёжность, если ты верующий?

О мусульманин, хоть ты тверд в своей убеждённости,
однако в верности ты слабее неверного».

Смутили такие слова воина,
увидел он себя вспотевшим снизу доверху.

Неверный заметил плачущего
с мечом в руках мусульманина, удивился,

воскликнул: «Отчего эти слёзы?»

Сказал воин правду: «Спросили меня сейчас о тебе,
и из-за тебя называли неверным.
Пла́чу я из-за тебя».

Такая прямота заставила вскрикнуть неверного,
горько он разрыдался в ответ.

«Всемогущ Тот, Кто своего любимого
из-за недостойного врага так порицает!» — вскричал он. —

Как мне быть и дальше беспечным неверным?
Расскажи мне об исламе, чтобы веру принять, сжечь
неверность.

Сердце моё было в оковах,
увы, не всдал я о Боге таком».

О ты, невежливый, со своим угасшим желанием
неужели ты предан Желанному?

Но я потерплю, пока время не выскажет,
один на один, тебе всё в лицо.

Братья Йусуфа

Десять братьев, измучены голодом,
издалека прибыли к Йусуфу.

Из-за нищеты поведали о своём положении,
прося помощи в голодные годы.

Лицо Йусуфа было прикрыто.

В тот момент перед ними таз оказался,

Йусуф отчётливо по тазу ударил.

Словно стон раздался от таза печальный.

«Вам о чем-то говорит этот стон?» —

спросил Йусуф, знающий мудрость.

Тогда в отчаянии десять братьев

принялись говорить перед Йусуфом.

«О знающий правду Азиз*, — сказали они, —

кому же известно, что за звуки посудина издаёт?»

«О, вы все слабаки, — тут же Йусуф ответил. —

Я знаю прекрасно, что он вам говорит.

Говорит, что у вас когда-то, — Йусуф продолжил, —
был красивейший брат.

Йусуфом звали его, он был младшим по возрасту,
но опередившим вас в красоте!»

Ударил он по тазу заново и сказал:

«Таз сообщает о том, что

в колодец вы бросили Йусуфа, сговорившись,
затем погубили невинного волка.

Вымазали рубаху Йусуфа волчьей кровью
и этим изранили сердце Йакуба».

Снова Йусуф ударил по тазу,

заставив его повесть продолжить.

«Таз говорит, что отца вы сожгли, — сказал Йусуф, —
продали луноликого Йусуфа.

Даже неверные не поступают так с братом,
о присутствующие, постыдитесь же Бога».

* Правителей Египта именовали Азизами.

Эти слова всех поразили.

За хлебом придя, они стали водой¹⁷⁶.

Хотя они с выгодой продали Йусуфа,
но в тот же час себя и поставили¹⁷⁷.

Бросив Йусуфа в его колодец,
одновременно себя сбросили в яму беды.

Глух тот, кто, выслушав эту историю,
урока из неё не извлёк!

Но ты особенно не вникай в эту повесть,
ведь она вся — о тебе, о незнающий.

Всё, что ты совершил своей неверностью,
не светом близости и понимания ты содеял.

Если даже кто-то всю жизнь бить будет в таз,
не счесть ударами этими всех твоих дел недостойных.

Жди, пока разбудят тебя
и ошеломят тебя внутри тебя самого.

Жди, пока однажды твои дела,
твою неверность и промахи

не преподнесут тебе же к лицу,
перечислив одно за другим.

Когда много звонких ударов по тазу услышишь,
не думаю, что уцелеют сознание и разум в тебе.

О ты, пришедший хромым муравьём,
на дне таза¹⁷⁸ застрявший,

перестань метаться по стенкам с головой, опущенной
вниз,

уходи, ибо это таз, кровью заполненный.

Остаться внутри его — значит остаться в злосчастьи,
и всё время придётся новый звон тебе слушать.

О знающий правду, вырасти перья и прочь улетай,
иначе опозоришься от этого звона.

Вопрос пятнадцатой птицы

«О предводитель! — спросила другая. —
Допустимо ли выражать себя¹⁷⁹ у царя?

Ведь тот, кто отыщет великое дерзновение,
после этого уже не станет страшиться!

Но тогда каким образом скромным там оставаться?

Расскажи нам,
посыпь жемчугами понятий, открой тайну».

Ответ Удоды

«А кто достоин, — ответил Удод, —
тот и поверенный в божественных тайнах.

Откровенность ему дозволяется,
ибо постоянно он хранит тайны Царя.

Разве хранитель, знающий тайну,
не различает “дерзать” и “дерзить”?

Когда слева — вежливость, справа — почтение,
то на миг дозволена и чрезмерная смелость».

Караванщик с обочины
не способен к хранению тайн падишаха.

Если подражает он обладателям тайн, он просто дерзок,
и от веры отстанет он, и от своей души тоже.

Или разве посмеет мошенник в войсках
перед падишахом дерзить? Это же наглость.

Если вступит в путь мальчик невинный,
то его дерзость — из-за бодрости.

Он принимает всё идущим от Бога, не разбираясь ни в чём,
и если он дерзок, то от горячей любви.

От сильной любви он словно безумен,
идёт и по воде он силой любви.

Приятна его доблесть, приятна,
ибо этот безумец подобен огню.

Путь огня не бывает безопасным,
и упрекать безумных не следует.

Когда с ума ты сойдёшь,
можно выслушать все, что ты скажешь.

Слуги правителя Хорасана

Благо возросло в Хорасане,
ибо этот край Амида* обрёл.

Было сто луноликих слуг у него,
ростом как кипарисы, белокожи, благоухают мускусом.

В их серьгах — жемчужины, тьму рассеивающие,
ночь, отражаясь в этих жемчугах, в день превращалась.

В парчовых шапках, с золотыми ободками¹⁸⁰ рабов,
все — светлые, с золотыми щитами,

на поясах — драгоценности,
и каждый — верхом на белом коне.

Кто всматривался в лик этих слуг,
оставлял с ними сердце и душу.

Как-то раз некий безумный, очень голодный,
в ветхой одежде, босой,

увидел издалека этих слуг.
«Кто эти гурии?» — спросил он.

Весь город ответил:
«Это слуги Амида нашего города!»

«О Обладатель Великого Трона! — тогда он воскликнул. —
Научись у Амида рабов содержать».

Если по Нему ты с ума сходишь — дерзай,
если у тебя есть листья — ветке этой будь нужен!**

Если нет у тебя листьев для столь высокой ветки,
то не дерзи и не смейся более над собой.

Дерзанье безумных приятно,
сжигают они себя, как мотыльки.

Ни на что не смотрят люди такого пути,
ни на хорошее, ни на дурное, только на место, что перед
Ним.

* Амидами называли правителей Хорасана.

** «Иметь лист» — старинный оборот, означает иметь в себе нечто стоящее или представлять из себя нечто достойное.

Голый безумец

Один безумец, в лохмотьях,
голодный, брёл по дороге.

Шёл дождь со снегом, стояла страшная стужа,
и бедняга промок от снега с дождём.

Не попадалось ему ни дома, ни иного убежища,
пока не добрался он до развалин.

Едва, свернув с дороги, приблизился к развалинам,
ему на голову черепица упала.

Кровь из разбитой головы рской полилась,
повернулся человек в сторону неба:

«Когда же ты прекратишь бить в бубен царства?
Займись лучше делом!»

О взявшем ишака напрокат

В Каризе жил нищий,
однажды он взял ишака напрокат.

Пошел к мельнице, но уснул по дороге.
Пока он дремал, ишак убежал.

Волк задрал ишака, а затем его съел.
Наутро хозяин ишака потребовал возмещения.

Оба они прибежали
к эмиру Кариза.

Всю историю рассказали честно эмиру
и спросили у него: «Кто должен возместить ущерб?»

«Тот, кто оставил на поляне, где пастбище,
одинокого и голодного волка, — ответил эмир. —

Безусловно, Его упущение — правильное,
вам обоим следует у Него попросить возмещения
за ишака».

О, сколь прекрасно Его возмещение!
Всё, что Он делает — не упущение.

Вспомни приключившееся с египтянками
из-за того, что мимо них прошёл сотворённый¹⁸¹.

И отнюдь не странно, если у безумного
в доме изобилия проявляется состояние.

И если в этом состоянии он покинет себя,
то назад не оглянется и не посмотрит вперёд.

Говорит он только о Нём, но говорит только Ему.
Ищет что-либо только у Него, находит с Его же помощью.

Голод в Египте

В Египте внезапно наступил голод.

Погибая, люди требовали хлеба.

Дороги были устланы трупами,
и полуживой поедал мертвецов.

Один сумасшедший, видя, что
люди всё гибнут, а хлебу взяться неоткуда,

вскричал: «О Владыка мира и веры,
раз нет у Тебя на всех изобилия, так поменьше твори!»

Но тому, кто на этом дворе уподобляется хаму,
придётся, узнав позднее обо всём, попросить и прощения.

Если здесь лживо действительность истолковывать,
знай, что любезно извиняться придётся.

Рассказ о безумце, побитом камнями

Жил некий безумец. Сердце его кровоточило
оттого, что дети побивали камнями его.

Однажды вошёл он внутрь банной печки,
в которой сверху было большое отверстие.

Случилось, что через него посыпался град
на неприкрытую голову безумца.

Не отличив град от привычных камней,
принялся безумец браниться зазря.

Произнёс он изрядно непристойностей
о том, что беспричинно камни швыряют в него.

Место ведь было тёмное, и ему казалось,
что это снова проделки детей,

пока ветер не распахнул дверь
и печку не осветил.

Сразу отличил он камень от града,
и стало тяжело на сердце ему.

«О Боже, тесна была моя печка,
ошибся я, и всё, что сказал — достойно меня».

Если здесь безумец так бредит,
не бросай Ему вызов заносчивой болтовнёй.

У того, кто здесь опьянён,
нет покоя, он одинок, нет с ним любви.

Жизнь он проводит в несчастье,
новое беспокойство каждый миг у него.

Береги свой язык от подобных манер,
и прости и безумного, и влюблённого.

Если прикоснёшься к тайне не имеющих света¹⁸²,
безусловно, всех их простишь.

Кладбище иудеев

Васити¹⁸³ шёл изумлённый,
бродягой от удивления став.

Увидел он иудейское кладбище*,
затем начал думать о Боге.

«Неповинны эти евреи**, но и
никому нельзя об этом сказать», — он произнёс.

Судебный пристав, эти речи услышав,
потацил его с гневом к судье.

Судье эти слова не понравились.
Васити всё отрицал, но не унимался судья.

Тогда Васити сказал: «Этот несчастный народ,
ты полагаешь, мог и не избрать унижение?»¹⁸⁴

Но Владыка неба сделал выбор за них.
Сейчас на всех путях — Его принуждение».

* Иудейские кладбища располагаются отдельно от мусульманских.

** Васити говорит, что на иудеях нет вины, связанной с их рождением и воспитанием в иудейской вере.

Вопрос шестнадцатой птицы

«Любовь к Нему достойна и ценна для меня,
пока я жива, — сказала другая. —

Сию я ото всех в отдалении,
признаваясь Ему в любви непрерывно.

В миру я всех уже повидала, отдалилась ото всех,
кроме Него, с кем я ещё могу связаться?

Достаточно мне только переживания любви к Нему,
ведь не каждый выдержит это переживание.

Любовь к Любимому меня сводила с ума,
словно душа более ни на что не годна.

Настал час перечеркнуть душу.
Выпить бокал вина в честь Возлюбленного.

Наполнить глаза и душу светом Его красоты
и объять воссоединение¹⁸⁵ с Ним!»

Ответ Удоды

«Нельзя взыванием и хвастовством, — сказал Удод, —
стать собеседником Симурга на Кафе.

Не признавайся в любви к Нему с каждым дыханием,
ибо Он за гранью возможности любого.

Если подует ветерок удачи,
поднимется занавес с дела.

Он легко тебя унесёт по Своей дороге,
усадит человека в Своём покое.

Любовь с твоей стороны для Него — обуза.
Любовь с Его стороны, вот это — дело».

Покинувший мир Баязид снится мюриду

Когда этот мир Баязид покидал,
ночью его увидел один мюрид в своём сне.

«О почтенный пир,
каким образом ты миновал Мункира с Накиром?*

* Имена ангелов ужасающего вида, допрашивающих покойного сразу после похорон.

«Когда те двое в своей славе, — он ответил, — спросили такого, как я, ответил я им: “О Господи!

Ни вам, ни мне никогда не обрести совершенства, чтобы точно ответить на этот вопрос.

Ибо если скажу, что он — мой Бог, то эти слова будут только желанием.

Но если отсюда вы возвратитесь к Владыке и Его спросите обо мне,

и если Он меня рабом назовет — то вот дело!

И будет слава на мне, как на рабе Господа.

Ведь если Он не причислит меня к своим слугам, если оставит меня в моих же оковах,

то какой толк оттого, что назову Его Господом:

Он не посмотрит на меня как на раба своего.

Раз не являюсь Ему рабом, не хожу в оковах Его, то незачем похвалиться и господством Его.

Я преклоняюсь перед господством Его, но лишь Он меня может признать как раба своего”».

Если влюблённость исходит от Него,

это значит, что ты стал достоин Его любви.

Любовь, исходящая от тебя, твоего лица лишь достойна, узнай это.

Если Он выказывает любовь, тебе — радостно, от этой радости огнём сможешь стать.

Лишь это имеет значение, о незнающий!

Но не дано это постигнуть бездарным.

Влюблённый дервиш

Был некий дервиш измучен любовью, от любви был словно беспокойный огонь.

И душа у него сгорела от жара любви, и от жажды души язык у него горел.

Пламя души охватило сердце, великие сложности у него появились.

Беспокойно он шёл по дороге
и в слезах причитал:

«Душа и сердце сгорели от зависти,
до каких пор мне рыдать, все слёзы сгорели».

«Перестань, не обманывай, — раздался тут голос, —
неужели надеешься через хвастовство с Ним связаться?»

«Не я влюбился в Него, — возразил дервиш, —
нет сомнений, что это Он связался со мной.

У такого, как я, нет ни скорлупы, ни ядра,
как мне любить такого, как Он?

Ничего сам я не сделал, а всё, что я делал, было делом Его.
Когда сердце заполнилось кровью¹⁸⁶, Он выпил её.
Вот и всё».

Раз Он ответил на любовь, к Себе подпустил,
будь осторожен, не возгордись.

Кто ты, чтобы в этом великом деле
даже на миг шагнуть за пределы своего коврика?*

О раб, если Он тебя полюбил,
то с тобой, сотворённым, Он уже непрерывно играет
в любовные игры.

Ты — никто, от тебя ничего не зависит,
исчезни, оставь Ему себя самого.

Если же начнёшь проявлять «себя» в этом деле,
потеряешь и веру, и душу.

Махмуд в гостях у банщика

Однажды ночью взгрустнулось Махмуду,
отправился он к банщику в гости.

Хитрый хозяин усадил Махмуда на пепел —
хворост он в огонь положил.

Быстро поставил зачерствелый хлеб перед гостем.
Шах протянул руку и перекусил сухарём.

* Персидская поговорка, означает «перейти грань», а в грубом варианте — обнаглеть.

«Если банщик будет в эту ночь жаловаться,
отрежу ему голову», — подумал Махмуд.

Наконец, когда шах собрался уйти,
банщик его спросил: «Ну, видел местечко моё?

Ты видал, где я сплю, чем питаюсь, каково жилище моё,
стал ты моим незванным гостем.

Если ещё раз захочешь визит нанести — собирайся быстро
и вступай споро в путь без раздумий.

А если не желаешь видеть меня, радуйся
и банщику говори: “Бросай хворост радостно”.

Я не больше тебя и не меньше,
я — никто, чтобы мне равняться с тобой».

Шаху мира понравились эти слова,
ещё семь раз у банщика побывал он в гостях.

В последний визит шах сказал банщику:
«Попроси же у шаха мира что-либо!»

«Если бедняк выскажет просьбу, — сказал банщик, —
шах исполнит его желание?»

«Скажи мне свою просьбу, — шах ответил, —
бросай эту печь, живи, словно шах».

«Я лишь хочу, чтобы шах иногда
меня навещал, становясь моим гостем, — банщик ответил. —

Для меня жить по-царски — это видеть султана.
Прах с его ног — корона для моей головы.

Подобных тебе правителей много,
но какому банщику удавалось такое?

Сидеть с тобой от печки поблизости
лучше, чем стать владельцем огромного сада.

Если счастье показало мне лицо в печке,
покинуть её значит в неверность упасть.

Если увижу тут тебя,
её не променяю и на оба мира,

если на мою печку твой свет упадёт.
Ценнее тебя нет ничего, чего бы желал я.

Ни царства не надо мне, ни жить, как царю,
все, что я прошу от тебя — это ты.

Ты есть шах, и достаточно этого. Но для меня не будь
шахом,
заглядывай запросто иногда ко мне в гости».

Тебе нужна Его любовь, вот твоё дело,
и твоя доля — горе, вот твоё затруднение.

Если любовь в тебе есть, то проси взаимности у Него,
и не переставай просить, словно ребёнок, за юбку
дёргающий.

Безусловно, и Он о Своих детях грустит.
Хотя море — у Него единственного, но каплю Он просит
и у другого.

Водонос

Шёл водонос с водой в руках.
Заметил другого водоноса перед собой.

Держа в руках воду, водонос
обратился к другому и воды попросил.

«О ты, не знающий сути, — тот сказал, —
у тебя же — вода, пей её на здоровье».

«Дай мне ту воду, о мудрый, — первый ответил, —
ибо моя вода мне прискучила».

Адам был сыт от старого,
но возжелал пшеницу, чтобы отведать нового.

Продал за пшеницу всё старое разом.
Всё, что имел он до этого, и сгорело в пшенице.

Разорился, душа заболела.
Но любовь пришла и в его дверь постучалась.

Когда в лучах любви он исчез,
то и старое, и новое ушло, как и он сам.

Ничего у него не осталось, смирился он с этим.
Всё приобретённое он проиграл.

Забыв о себе, умереть —
не каждому по плечу это дело.

Довод семнадцатой птицы

«Полагаю, что я обрела
своё совершенство», — сказала другая. —

И вершины своей я достигла,
и трудные воздержания вынесла.

Раз здесь я достигла, чего хотела,
с этого места мне трудно уйти.

Видел ли ты кого-то, бросившего сокровище
и затем бегущего в страдании по горам и полям?»

Ответ Удода

«О ты, заносчивая, с натурой Иблиса!
Заблудившаяся в эго, чуждая тому, к чему я стремлюсь,
возгордившаяся от собственного воображения,
отдалившаяся от пространства познания!

Твой нафс покори́л твою душу,
дьявол твой ум оседлал.

Ты охвачена какой-то фантазией,
с ног до головы ты есть само воображение.

На своём пути видишь свет? Но ведь это — огонь для тебя.
От света в восторге? Но этот восторг — лишь твоё
представление.

Ты только в мыслях обладаешь радостью и нищетой,
всё, что подразумеваешь, для тебя пока вообще
невозможно.

Не гордись же такой освещённостью пути.
Твой нафс с тобой, храни же бдительность!

Имея за спиной такого врага с мечом в руках,
разве можно оставаться в безопасности?

Если этот свет твой нафс породил,
такой свет для тебя — как сельдерей для укушенного
скорпионом*.

* Во времена Атгара бытовало поверье, связанное с тем, что человеку, укушенному скорпионом, нельзя давать сельдерей: после этого человек сразу погибает.

Не кичись тем грязным светом,
раз ты — не солнце, так будь крупницей!
Не отчаивайся из-за темноты на дороге.
А если часть её осветилась — не равняй себя с солнцем!»

О дорогой! Пока ты погружён в свои представления,
ломаного гроша не сто́ит ни чтение твоё, ни твоё писание.

Но едва вырвешься из фантазии, полагаемой
существованием,
увидишь, что вокруг тебя вращается небесный свод бытия.

Когда мысли о существовании для тебя — пустота,
то и следов небытия на твоих руках уже нет!

Но если даже крупницей себя ценишь вкус бытия,
значит, идолопоклонник ты и неверный.

Если даже на вздох возникнешь благодаря бытию,
обрушится град стрел на тебя сзади и спереди.

Пока ты есть, смирись с душевными муками
и потерпи, даже каждый миг получая сотню пощечин.

Если же сам намеренно проявишься в бытии,
сотней пощечин уже судьба тебя наградит.

Абу Бакр Нишапури

Шейх Абу Бакр Нишапури¹⁸⁷ со своими мюридами
вышел из ханаки и отправился в путь.

Шейх ехал на ишаке, за ним сподвижники следовали.
Внезапно ишак облегчился.

Настроение шейха от поведения ишака испортилось.
Вскричав, он принялся разрывать одежды свои.

Мюридам и всем, его видевшим,
такие манеры совсем не понравились.

Кто-то затем спросил у него:

«О шейх, кто же так поступает, как ты?»

«Куда бы ни обращал я взоры, — шейх ответил, —
дорога была забита моими последователями.

Впереди — мюриды, сзади — мюриды.

“Я и Баязиду не уступаю, — подумалось мне. —

Как всё у меня прекрасно сегодня,
с отважными моими сподвижниками.

Нет сомнений, что завтра радостно, с почётом и
поднятой головой в Махшар легко войду”.

Как раз об этом я размышлял, — сказал шейх, —
когда ишак облегчился.

Тому, кто так бахвалится,
ишак ответил: ну сколько же можно!

Моя душа сгорела от этого.
Хотел веселиться, но испортилось настроение».

Пока остаёшься ты в гордости и высокомерии,
далёк ты от истины.

Выбрось высокомерие. Испепели гордость.
Твоё присутствие — сплошь из-за нафса, сожги это
присутствие.

О ты, в каждый момент меняющий цвет,
в корне каждого твоего волоска — один фараон.

Пока от тебя остаётся даже крупица,
сотни знаков разлада в себе ты хранишь.

Борись с самолюбием,
объяви войну обоим мирам.

Если возьмёшься однажды тело ты уничтожить,
засветишься, если кругом будет ночь.

Не говори «я», что принесёт сотню бед,
и ловушки дьявола обходи.

Бог предлагает Мусе узнать секрет дьявола

Всевышний тайно сказал Мусе:
«Выведай же у сатаны, каковы его секреты».

Увидев дьявола на дороге, Муса
попросил его секретами поделиться.

«Запомни навсегда одну вещь, — сказал дьявол. —
Не говори “я”, чтобы не стать, как я».

Если даже твоя жизнь повиснет на волоске,
оставь неверность, тебе нужно рабство.

Окончание пути заложено в поражении,
а подлинное имя мужчины — в позоре.

Ибо если в этом пути он счастье увидит,
сотни «я» в один миг вскинут головы.

Мнение верующего

«Как прекрасно, — сказал некий верующий, —
что ученик находится в темноте.

Пусть полностью он исчезнет в море милости,
а затем ростки его желаний перестанут всходить.

Ибо когда что-либо ему будет явлено¹⁸⁸,
гордым станет и тут же — неверным».

Твои зависть и гнев
не твоими глазами заметны, но очами мужчины.

Ты — в печке, полной драконов,
упустил ты их по небрежению.

Днём и ночью их пестуешь,
озабоченный их пищей и сном.

Ты создан из крови и земли,
как ни странно, на них — запрет из-за отсутствия
стоимости.

Кровь, будучи ближе к тебе,
оказывается, грязна, нечиста.

Все, что удалено от сердца и приближено к чувству,
без сомнений, грязнее и не дозволено.

Если внутри себя грязь созерцаешь,
неужели можно сидеть столь спокойно?

Шейх и собака

У ног шейха разлеглась собака,
но шейх свою мантию не поднимал.

«О ты, великий, отважный, — некто спросил, —
почему не отходишь от этой собаки?»

«У этого пса грязная внешность,
и такая внешность у меня внутри скрыта.

То, что у него напоказ,
у другого внутри спрятано.

Раз я внутри — словно пёс снаружи,
как от него убежать, если это — со мною всегда?»

Если внутри ты даже немного в грязи,
то на деле ты в сто раз грязнее, ибо видишь только
верхушку.

Если и мельчайшая грязь пресекает твой путь,
нет разницы, остановлен внешне горой ты или
соломинкой.

История о верующем, жившем во времена Мусы

Во времена Мусы жил некий верующий,
он молился и ночью, и днём.

Не получал он ни малейшего знака,
солнце не освещало его сердце.

У этого правоверного была красивая борода,
регулярно её он расчёсывал.

Заметив вдали Мусу, верующий
к нему побежал, вопрошая: «О предводитель Туры,
ради Бога, спроси у Владыки,
почему ни удовольствия, ни веселья нет у меня?»

Поднявшись на гору Тура, Муса
Господу задал этот вопрос. «Прочь, — был ответ, —
передай: кто с Нами не соединился¹⁸⁹, тот нищим остался.
Такой навсегда обречён заниматься своей бородой».

Вернувшись, Муса сообщил верующему, в чём дело.
Тот выдёргивал бороду и рыдал.

Мусе явился Архангел, сказав:
«Он и сейчас озабочен своей бородой.

Когда холил её — волновался,
повыдергал её — и снова в заботе».

Без Него и единственный вздох — это ошибка,
и уже не важно при этом, правильно ты поступаешь или
неверно¹⁹⁰.

О ты, не покинувший пределы своей бороды,
утонувший в море крови.

Если в начале сумеешь освободиться от своей бороды,
твоя воля в этом море даст правильный курс.

А если выйдешь в море со своей бородой,
из-за неё бдительность потеряешь.

Глупец с большой бородой

Один глупец с большой бородой
однажды в воду сорвался.

Заметив его с берега, один почтенный человек
сказал: «Скинь тот мешок с головы!»

Тонущий воскликнул: «Это не мешок, а моя борода!
Даже не борода, а несчастье».

Молодец, вот твоя борода, и вот тебе дело.
Подчинись, или она погубит тебя в унижении.

О ты, словно козёл, не смущённый своей бородой!
За неё ты схватился, и нет в тебе никакого стыда.

Пока живуч в тебе нафс и дьявол им управляет,
повадки Фараона и Хамана* в тебе сохранятся.

Брось бороду, подобно тому, как Муса бросил мир,
затем схвати Фараона за его бороду.

Держи его крепко
и вступай мужественно в рукопашную.

Выходи в путь, оставь свою бороду,
до каких пор с ней таскаться? В путь выступай!

Хотя от твоей бороды ничего нет, кроме заботы,
но ни на миг тебя не волнует твоя же беда.

На пути религии мудрость приходит к тому,
у кого нет расчески для своей бороды.

Осведомлённый о своей беде
из своей бороды сделает скатерть пути.

* Хаман – советник фараона, упоминаемый в Коране.

Кроме крови, на ней не будет питья,
а вместо кебаба — только сгоревшее сердце.

Если он — прачка, солнца он уже не увидит,
если крестьянин — уже не будет ему дождливого облака.

Суфий и стирка

Когда один суфий стирал одежду,
то тучи очерняли весь белый свет.

Но вот однажды одежда его испачкалась полностью,
а облако лишь переполнялось сотней сочувствий.

Едва за ошнаном* суфий направился в лавку,
как облако вдруг разразилось дождём.

«О облако, зачем ты явилось? — мужчина воскликнул. —
Уходи, ибо изюм нужен мне.

Тайком куплю я изюм.

Зачем ты пришло, не ошнан же мне нужен!

До каких пор можно ошнан сыпать в землю из-за тебя!**
И мыло, и тебя уже я забыл».

Вопрос восемнадцатой птицы

«О ты, славная! Скажи мне, — говорила другая, —
чему мог бы я радоваться в путешествии?

Если скажешь, поменьше волноваться буду,
подросту я чуть-чуть для этой поездки.

Расти надо человеку для далекого пути,
дабы, странствуя, не сворачивал он с дороги.

Раз я не принят миром иным, до него я не вырос,
отгоню людей от себя несовершенством своим».

Ответ Удода

«Будь рад Ему, пока ты есть, — сказал Удод, —
и ото всех говорящих будешь свободен.

* Мыльное средство для стирки.

** Помимо очевидного значения, есть также и персидская поговорка.
Бросать ошнан в землю — заниматься бесполезным делом.

Раз душа твоя Ему радуется,
то радуй Им свою грустную душу.

Радость мужчины в двух мирах из-за него,
и вращающийся купол жив Им.

Так живи Его радостью,
вращайся, как вселенная, от Его радости.

Скажи, кто превыше Него? О ничтожный,
с кем ещё можно быть радостным даже на миг?!»

Безумец танцует в горах

Жил некий безумец в горах,
проводил он с леопардами дни и ночи.

Иногда бывал он в таком состоянии,
что сойти мог с ума случайный прохожий.

Однажды двадцать дней был он в необычном состоянии*,
его состояние содержало состояние восхищенного
в преддверие.

Двадцать дней напролёт
он танцевал и всё повторял:

«Оба одиноки, нет толпы,
О! Лишь радость, и вообще никакой нет печали».

Разве умирает тот, у кого сердце — с Ним?
Дай ему сердце, Друг любит, когда Ему дают сердце.

Если от радости, что Он есть у тебя, сердце заболело твоё,
навсегда право на обычную смерть ты теряешь.

О плакавшем при смерти

Плакал некий влюблённый, будучи при смерти.
«Отчего плачешь?» — спросили у него.

«Плáчу как весеннее облако, — ответил он, —
ибо в этот час я не умираю униженно.

Если и плáчу сейчас, то потому, что так нужно мне.
Разве умру я, если с Ним моё сердце?»

* В оригинале в этом бейте трижды использовано *хал*.

«Ну, если с Ним твоё сердце, — сказал его собеседник, — прекрасной будет твоя смерть, когда ты уйдёшь».

«Тот, у кого сердце с Богом, — возразил тот, — разве умрёт он? И смерти заслуживает?»

Когда сердце даже на миг соединяется с Ним, моя смерть представляется вообще невозможной».

Если на миг станешь обрадован этой тайной, благородно за пределами мира окажешься.

Ставший в Его присутствии радостным освобождён, исчезнув из существования.

Навсегда оставайся обрадован своим Другом, дабы не остаться запёртым, как все, в собственной коже.

О радовавшемся своему прекрасному Богу

«Уже семьдесят лет я рад и счастлив, — произнёс некто из благородного рода, — что мой Бог — прекрасен и что есть у меня связь с Его божеством».

Пока ты занят розыском недостатков, можешь ли радоваться красоте мира иного?

Да удастся ли вообще тебе при этом мир иного заметить?

Сначала освободись от недостатков людей, затем радуйся любви к полностью сокровенному.

Волос расщепишь, когда ищешь недостатки других, а если спрошу тебя о твоих, ты — слепец.

Если ты ищешь недостатки в себе, ты одобрен, хотя и много несовершенства в тебе.

Пьяница в мешке

Один пьяный совсем разум утратил, выпивка его полностью опозорила.

Так много он выпил и вина, и осадка, что во хмелю перепутал ноги с головой.

Некто трезвый над пьяницей сжалился,
взял и посадил его в мешок.

Когда он нёс его до дома,
встретился им на дороге ещё один пьяный,
и этот с каждым встречным
ругался и безобразничал.

Первый пьяный, сидя в мешке,
увидел второго, в тяжком его положении.

«О целомудренный, на пару бокалов поменьше бы надо, —
сказал он, —
чтобы ходить свободно, как я».

Чужое состояние видел он, но своё — нет.
У нас у всех — подобное состояние, не лучше описанного.

Подмечаешь недостатки? Значит, ты — не влюблённый,
значит, любить тебе не дано.

Будь в тебе от любви даже маленький след,
достоинства находил бы ты в любых недостатках.

Любовь храбреца

Один храбрый воин, гроза для врагов,
пять лет подряд любил женщину.

У той красавицы в глазу
было маленькое бельмо.

Мужчина не подозревал о бельме,
хотя много раз смотрел он на женщину.

Когда влюблённый измучен любовью,
он и не узнает о пороке глаза любимой.

Затем любовь мужчины остыла,
нашлось для этой боли лекарство.

Страсть к этой женщине в сердце притихла,
стал попроще к ней относиться.

Однажды мужчина заметил бельмо в её глазу.
«Откуда белое пятно? Когда оно появилось?» — спросил.

«В тот час, когда твоя любовь остыла, — ответила
женщина, —
и мой глаз получил недостаток.

Раз твоя любовь уменьшилась,
и в моём глазу появился порок».

Заполнивший сердце восторгом соблазна,
о ты, кто слеп сердцем, взгляни и на свой один недостаток.

Сколько можно искать пороки в других,
один раз в себе порок поищи.

Ибо если твой порок будет противен тебе,
о чужих пороках умствовать перестанешь.

Надзиратель

Одного пьяницу однажды сильно бил в тюрьме надзиратель.
«О надзиратель, не будь столь усерден, — пьяный сказал, —
ибо если я из-за нечестно добытого хлеба
стал пьяным, сбился с дороги и здесь оказался,
ты был гораздо пьянее меня,
хотя твоё пьянство никому не заметно.

Больше не мучай меня,
накажи чуть-чуть и себя».

Вопрос девятнадцатой птицы

«О предводитель! — сказала другая. —
Что просить у Него, долетев до заветного места?

Ибо, когда мир станет ясным из-за Него,
не знаю, что и попросить у Него.

Знай о чём-то я лучше,
добравшись туда, об этом просила бы».

Ответ Удода

«О глупая! О Нём ты не знаешь, — ответил Удод, —
не просят у Него чего-либо, проси Его Самого.

О чём просить, человек должен знать,
ибо Он — превыше любого желания.

Если из всех знаний о чём бы то ни было у тебя есть о Нём
знание,

то что лучше Его самого? Чего же ты просишь?

Вошедший в Его покой
частичка за частичкой¹⁹¹ сближается с Ним,
и вдохнувшего аромат грунта у Его порога
обратно никакими посулами не вернуть».

Абу Али Рудбари

В последний час Абу Али Рудбари¹⁹² произнёс:

«Умираю от ожидания,

все ворота неба открыты,
поставлены сиденья в раю.

Сонм святых поёт, как соловьи,
говоря: “Входи, о влюблённый!

Поблагодари, а затем шагай радостно,
ибо никто такого почёта не видывал”.

Хотя это дар и удача,
но душа моя не перестанет искать,
говоря: “Что за дело тебе до этого,
долгая жизнь продержала меня в ожидании.

Не хочу я, как алчные люди,
соглашаться на малое откупное”».

Твоя любовь смешалась с моей душой,
ни об аде, ни о рае знать не хочу.

Если сожжешь как пепел меня,
даже тогда, кроме Тебя, никого мне не нужно.

Я знаю Тебя, и не знаю ни веру, ни неверность.
Не упущу я, даже если на меня Ты не взглянешь¹⁹³.

Моё желание — это Ты, я знаю Тебя.

Ты — моя душа, а душа моя — это Ты.

Вся нужда моя в мире — это Ты,
Ты есть и этот мой мир, и иной.

Ты стал моим желанием. Яви Себя хоть чуть-чуть,
пусть на одном выдохе, но скажи со мной «ху»!

Дай моей душе напиться Тобой хотя бы на волосок,
унеси её — я скажу «ха!», Ты ответь «ху!»*.

* Ху (араб.) — Он. Повторение этого возгласа, т.е. зывание к Богу, часто можно услышать на радениях дервишей.

Бог и Давуд

«О чистый Давуд, — сказал Всевышний, —
передай Моим рабам: “Вы, горстка земли,
поклонение Мне прекрасно безо всяких причин:
ведь ни рая, ни ада могло б и не быть.

Если бы не было ни света, ни пламени,
нашлось бы у вас ко Мне дело?»

Не будь ни надежды, ни страха,
обратились бы вы ко Мне хоть однажды?

Но Я обладаю Величайшим достоинством¹⁹⁴,
чтобы Мне поклонялись не из надежды и страха.

Надлежит такому постоянному¹⁹⁵ Господу, как Я Есмь,
поклоняться от чистого сердца.

Передай рабу: отставь постороннее,
поклоняйся Нам, ибо Мы заслуживаем этого.

Брось все, что есть, кроме Нас”».
Бросив, разламывай.

Поломав до конца, сожги
и весь день собирай этот пепел.

Затем пепел развей,
чтобы не осталось и следа от ветра гордыни.

После того, как всё завершишь, из пепла возникнет
тобою искомое.

И если это озадачит тебя раем и гуриями,
будь уверен, что это отталкивает тебя от тебя самого.

Аяз на троне

Однажды Махмуд вызвал приближенного Аяза,
надел на него корону и усадил на трон.

«Вот тебе царство, войска тоже твои, — сказал Махмуд, —
правь, эта держава — твоя.

Хочу, чтобы ты царствовал,
подчинил себе всех, от рыб до луны».

У тех из челяди и войска, кто это услышал,
от ревности ослепли глаза.

«Ни один шах в мире никогда
так не поступал с отроком», — восклицал каждый.

Но в этот же час бдительный Аяз
рыдал из-за поступка султана.

«Ты сумасшедший, — все ему говорили, —
ничего не понимаешь, о далекий от мудрости.

О отрок, раз ты стал султаном,
то зачем ещё столько слёз? Сиди и радуйся».

«Неимоверно далеки вы от добрых дел, —
Аяз сразу этим людям ответил. —

Не видите, что шах всех народов
отталкивает меня от себя.

Озадачит меня, чтобы я
от него отдалился, занимаясь войсками.

Если весь мир мне отдаст во владение,
я не отойду от него ни на миг.

Всё, что скажет он, я могу выполнять,
Но только не отойти от него и на вздох.

Зачем мне его владения, заботы его?
Видеть его — вот моё царство, и всё».

Если ты желающий и признательный,
поучись у Аяза служению.

О ты, проводящий дни и ночи в безделье,
застрявший на первом шаге по-прежнему.

О бессовестный, каждую ночь Бог ради тебя
спускается с вершины Своего могущества.

В тебе же, неучтиво сидящем на месте своём,
нет упоённости ни ночью, ни днём.

К тебе пришли с величайшей вершины,
а ты отступаешь с отказом.

Увы, тебе дело не по плечу;
однако с кем же можно поделиться этой болью?

До тех пор, пока на твоём пути рай и ад,
как твоя душа об этой тайне узнает?

Когда разорвёшь привязанность к этим двум,
заря довольства осветит тебя ночью.

Прекрасный рай — не для этих сподвижников,
ибо есть люди, книга которых — на самом верху¹⁹⁶.

Подобно мужчинам сыграй во что требуется¹⁹⁷,
но пройди, не отдавая сердце ни «этому», ни «тому».

Если этих двух оставишь ты сам,
то станешь мужчиной, даже если ты — женщина.

Молитва Рабийи

«О Ты, Знающий тайну, — сказала Рабийя, —
отдай врагам этот мир,

отдай друзьям навсегда Ахират*,
ибо я освобождена навеки от этого¹⁹⁸.

Если ни Ахирата, ни этого мира не будет и я стану нищей,
не пожалею об этом, если хоть миг побуду с Тобой.

Удовольствуюсь я нищетой от Тебя,
ибо Тебя навеки достаточно мне.

Если засмотрюсь в направлении двух миров
или возжелаю иного, чем Ты, то я — неверная».

У кого Он есть, у того и всеобщее,
семь морей у него под мостом.

Всё, что было, есть и будет,
имеет подобие, кроме Великого Господа.

Всё, что ты ищешь, имеет подобие, кроме Бога.
Только Он есть никому не подобный, вечный и навсегда
неизбежный.

Бог обращается к Давуду

Господь горизонтов из-за занавеса
обратился к пророку Давуду:

«Всему, что есть в мире, —
хорошему и дурному, явному и скрытому —

* Будущий рай.

замену можешь найти, но не Мне.
Никогда не найдёшь Мне замену и никого, подобного Мне.
Раз я незаменим — не будь без Меня!
Твоей душе довольно Меня, прекрати себя мучить.
Я нужен тебе. Схватись за это кольцо
и ни на миг не отвлекайся от этой нужды.
И мига не стремись прожить без Меня,
не желай ничего из встреченного».

О пришедший с желанием владения миром,
сутками напролёт озабочен ты этим.
Это Он — твоя цель в обоих мирах,
Он — испытывающий тебя твой возлюбленный:
лабиринт из света продаст Он тебе.
Ни на что в мире ты Его не променивай.
Идол — всё, что ты выберешь, кроме Него.
Ты — неверный, если твоя душа тебе важнее Его.

О Лате

Войска Махмуда нашли в Суменате*
идола с названием «Лат»**.
Вызвал идол любопытство индусов,
предлагали они за него золото, в десять раз больше идола
весом.
Но султан идола продавать отказался,
развел костёр и немедленно идола сжег.
«Не следовало жечь его, — сказал некий ослушник. —
Золото важнее идола, надо было продать».
«Я побоялся, что в День Суда, — сказал султан, —
при всех воскресших скажет Господь:
“Вот вам Азар и Махмуд,
первый идиолов создаёт, а торгует ими второй”.

* Суменат — название города в индийской провинции Гуджарат, и также название храма в нём.

** Лат — один из трёх (Лат, Манат, Оза) известных идиолов в Мекке.

Говорят, когда Махмуд
сжёг идола на костре,
порядка двадцати манов¹⁹⁹ драгоценностей обнаружили
в нем,
чуть не выбросили это на ветер.
«Лат своё заслужил, — султан сказал. —
Любое наказание — от моего Бога».

Поломай тех идолов, что в уме у тебя,
чтобы не стать тебе бродячим²⁰⁰, как идолу.
Жажда друга, сожги свой подобный идолу нафс,
и пусть соберётся под кожей твоей множество
драгоценностей.

Раз душой ты услышал «Аласт»,
не откладывай же сказать «да».

Ты дал слово заранее,
не тяни дольше со своим «да».

Право господина признав над собой,
больше не отказывайся произнести «да».

О ты, который в начале признался в «Аласт»,
но в конце начал всё отрицать!

Как же, сначала дав обещание,
ты затем можешь быть непослушным?

От Него тебе некуда — смирись с этим.
Исполни же обещанное, не отклоняясь.

Битва Махмуда с индусами

Пришло время, и Махмуд, царь царей,
вышел из Газны на битву с индусами.

При взгляде на несметные войска противника
сердце заполнилось грустью у него.

В тот день справедливый шах дал обет.
«Если одержу победу над этими войсками, — сказал
Махмуд, —

весь трофей, что мне достанется,
отдам дервишам пути».

Одержав победу, шахрияр
захватил огромную добычу:

даже малая часть трофеев превзошла то,
что сотня людей, в ценностях толк знающих, могла
вообразить, —

короче говоря, после бегства тех темноликих
невероятно много добычи осталось.

«Дервишам отдай все трофеи, — велел шах
сразу одному из приближенных. —

Ибо до начала сражения я дал обет Всевышнему,
надо отдать, чтобы соблюсти своё обещание».

Все убеждали: «Столько богатств, столько золота
кто же отдаёт кучке незнающих?

Или раздай войскам, с врагами сражающимся,
или прикажи в казну передать!»

Шах, обескураженный этой мыслью,
остался изумлённым между мнениями.

Некто Абу-ль-Хасан, очень мудрый,
при этом сумасшедший и смелый,

среди войска прогуливался.

Заметил шах его издалека.

«Что посоветует тот безумец, то и выполню.

Пойду, спрошу у него.

Раз он свободен от войска шаха,
без задней мысли он говорит, от души», — решил шах.

Подозвав безумца к себе, шах мира
с ним поделился историей.

«О падишах, — ответил безумец, —
с двумя зёрнышками ты тут связался.

Если до Него больше нет дела,
то думай о зёрнышках, о дорогой, и не думай о Нем.

А если думаешь и далее иметь с Ним дела,
то устыдись, за два этих зерна не держись ты.

Раз Всевышний помог, позволив тебе победить,
то Он совершил своё дело. А где же твоё?»

И тогда Махмуд отдал золото!

Да, был счастливым султаном Махмуд...

Вопрос двадцатой птицы

Другая спросила: «О знающий дорогу к Его Величеству,
что следует иметь при себе на том месте?»

Раз мы за дело взялись, то, если присоветуешь,
лучшее из возможного мы туда отнесём.

Для царей нужен достойный подарок,
человек без подарка — никто, кроме скупца».

Ответ Удоды

«О вопрошающая, если ты слушаешь повеления, — ответил
Удод, —

то отнесёшь туда то, чего там нет.

Если там окажется всё, что отсюда захватишь,
то не будет красивым нести туда это.

И знания, и тайны в том месте есть,
и много молитв духовных существ.

Неси же избыток стонов души и боли сердца,
ибо там такого никто не покажет.

Если выходит даже один стон от боли,
то доносит он запах обожжённого сердца до места.

Есть в твоей душе особое место — её центр.
Скорлупа твоей души — непокорный твой нафс.

Если из центра души вырывается стон,
мужчине сразу становится легче».

Зулейха и Йусуф

Благодаря своей власти Зулейха
пошла и распорядилась доставить к ней Йусуфа.

«Посади его, — сказала она прислуге, —
и дай ему палкой полсотни крепких ударов.

Так по Йусуфу пусть твоя палка пройдётся,
чтобы издалека мне были слышны его стоны».

Слуга отправился выполнять приказ, но рука у него
не поднялась
на Йусуфа — увидев лицо сго, пожалел.

Заметив рядом шкуру, тот добрый человек
по ней принялся с силой бить.

С каждым крепким ударом
Йусуф вскрикивал горько.

«О сдержанный, посильнее ударь-ка», —
прислушавшись, крикнула Зулейха издалека, не вытерпев.

«О солнцеликий Йусуф! — сказал мужчина. —
Если взглянет на тебя Зулейха

и не обнаружит следов палки на теле,
безусловно, станет мучить меня.

Сними рубашку, держись
и вытерпи сильный удар.

Хотя удар тебя ранит,
но зато будет знак, когда тебя Зулейха рассматривать будет».

Тогда Йусуф скинул рубаху.
По семи небесам прокатилось волнение.

Слуга замахнулся рукой и ударил так,
что повалил Йусуфа оземь.

«Прекрати! Ибо этот стон был его, —
закричала Зулейха, услышав стон. —

До этого раза стоны были не в счёт,
но этот — уже настоящий».

Если плачет сотня людей, сочувствуя чьему-то несчастью,
то стон пострадавшего — трогательнее.

И пусть в кольце — сотня грустящих,
но страдающий — словно печать на кольце.

До тех пор, пока владельцем боли не станешь,
в рядах мужчин ты не станешь избранником.

Кто владеет болью любви и волнением,
тот не заснёт уже ни ночью, ни днём.

Ходжа Занги и его мавр

У ходжи Занги²⁰¹ был ловкий мавр,
что этот мир напрочь забросил.

Ночи напролёт отважный раб
читал намаз, вплоть до утра.

Однажды ходжа его попросил:

«О ты, ответственный раб, разбуди меня ночью,
чтобы я с тобой омовение сделал и помолился».

Ему раб ответил:

«Когда женщина испытывает боли при родах,
она изнутри это знает, и не важно ей, есть рядом кто
или нет.

Если заболит у тебя, ты и сам сна лишишься,
днём и ночью будешь молиться, не тратя и мига.

Если требуется тебя пробуждать,
придётся другому выполнять работу твою».

Тому, кто лишён этого сожаления или в ком нет этой боли,
беда, ибо он — не мужчина.

Перед тем, чьё сердце боль захватила,
и ад, и рай исчезают.

Абу Али Туси

Пиром своего века был Абу Али²⁰²,
идушим был он в поле устремлённости и настойчивости.

Не знаю никого, кто такого же, как он,
добился бы уважения и почёта.

«Завтра с плачем люди ада, — сказал он однажды, —
смогут открыто спросить людей рая:

“Расскажите нам о радости рая и упоённости соединения,
Опишите ваше состояние в тот миг азарта!”

Ответят райские люди:

“Восторг от рая испарился в одночасье,

едва в том мире совершенства к нам
обратил свой лик Солнце красоты.

Когда Его красота приблизилась к нам,
от стыда восемь раев потемнели.

От света той дарующей жизнь красоты
не останется от рая ни следа, ни названия”.

Когда о своём состоянии люди рая расскажут,
люди ада ответят:

“О избавленные от рая!

Все речи ваши правдивы,

потому что в своём мерзком месте,
хотя и огнём с ног до головы охвачены,

но познали и мы сожаление²⁰³:

мы навсегда от лица Друга оторваны.

Когда стало ясно, что угодили в беду,
от такого лица отдалившись,

зажглось пламя в наших сокрушённых сердцах
и заставило нас огонь ада забыть”».

Там, где действует пламя такое,
уже не до адских огней.

Кто в пути так сокрушённо переживает утрату,
перестанет кому-либо завидовать.

Много сожаления, стонов, ран тебе нужно.

Лишь радуясь ранам, покой обретёшь.

Если ты раненым к этому макаму пришёл,
значит, приблизился ты к тайне души.

Если ты ранен, о мире не рассуждай.

Сожги рану и будь молчалив.

Просьба к Пророку

Просил Пророка некто сильно нуждающийся²⁰⁴,
чтобы Пророк в мечети намаз прочитал.

Но ничего не приказал Господин,
лишь заметил: «Сейчас горячие и песок, и земля».

Положи лоб на горячую землю на улице,
ибо у каждого раненого — ожог на лице²⁰⁵.

Когда познаешь рану в душе,
поймёшь, что раненому быть лучше с ожогом.

До тех пор, пока сюда ожог не принёс,
в тебе не на что даже взглянуть.

Приноси обожжённое сердце, ибо в поле страдания
люди сердца легко по этой отметке узнают мужчину.

Вопрос двадцать первой птицы

«О ты, владелец дороги, — сказала иная птица. —
Потемнело наше зрение в этой пустыне.

Мучительным представляется нам этот путь,
сколько фарсангов в нём, товарищ ты мой?»

Ответ Удода

«Семь стоянок у нас впереди, — ответил Удод. —
За седьмой стоянкой есть дверь.

Никто в мире не вернулся из этой дороги,
длина её никому не известна.

Раз никто не вернулся из дали,
о нетерпеливая, как тебя известят?!

Раз все потерялись в том месте,
о несведущая, как тебе сообщат?!

В начале — стоянка желания,
затем, несомненно, — стоянка любви.

Третья стоянка — пустыня познания,
четвертая — состоятельности.

Пятая — чистого единобожия,
шестая — пустыня страшного удивления.

Седьмая — стоянка нищеты и уничтожения,
после которой идти тебе не под силу.

Едва поползёшь, потеряешь дорогу.
Капля воды тебе покажется с море».

Стоянка желания

Когда войдёшь в пустыню желания,
каждый миг сотню трудностей тебе принесёт,
каждый вздох — сотню бед.
Вертлявый попугай* здесь мухе подобен.

Годами на этом месте нужно трудиться,
ибо здесь состояния могут быть искажены.

Здесь лучше сразу бросить имущество
и проиграть своё царство.

По крови тебе придётся пойти,
придётся себя освободить ото всех.

Когда ничего явного не сохранится у тебя,
после этого сумей ото всего и сердце очистить —
когда твоё сердце от своих свойств очистится,
воссияет оно от света Его.

Лишь этот свет станет явным в сердце твоём,
желание Его в твоём сердце усилится в тысячу крат.

Если на пути идущего вспыхнет огонь
или возникнет сотня страшных стоянок,
в восторге от возможности увидеть Его
бросается он в огонь мотыльком.

В желании здесь просит о тайне,
у Кравчего своего просит глоток.

Если выпьет глоток того вина,
то забудет совсем об обоих мирах.

Мечтая тайну постигнуть,
идуший не страшится забирающего душу дракона.

Утонув в море, продолжает томиться он жаждой,
душу свою вопрошая о тайне Любимого.

Если неверие и проклятия встретит он пред собой,
впустит их — дабы ему дверь отворили,

и если ему дверь откроется, ни вера, ни неверие уже
не важны:

нет ни того, ни другого по ту сторону двери.

* Вертлявый попугай — метафора, обозначающая небо и смену его цвета, вплоть до зелёных оттенков.

О том, как Иблис не поклонился Адаму

Говорят, когда Истинный вложил чистую душу
в созданное из глины и воды тело Адама,

Он пожелал, чтобы все ангелы
остались о душе Адама в неведении, не нашли и следа её.

«О вы, духовные небеса, — Господь повелел, —
склонитесь перед Адамом теперь».

Все ангелы пали ниц,
и никто не увидел эту чистую тайну.

Но Иблис явился в тот час и сказал:
«Не увидит никто, что я — и в поклоне.

Если обезглавят меня, то не страшно,
ибо у меня останется шея.

Знаю я, что Адам — не просто глина,
отдам голову, но прикоснусь к тайне».

Раз Иблис не поклонился,
то смог подглядеть тайное из засады.

«О ты, лазутчик пути, — сказал Всевышний. —
Захотел на своём-то месте тайну увидеть?

Раз тебе ведомо, что Я спрятал сокровище,
убью тебя, чтобы о нём в мире ты не болтал.

Когда правитель в тайне от свиты
скрывает сокровище,

безусловно, покончит он с тем,
кто заметит сокровище.

Если ты — мужчина сокровища, желающий удостоиться
его здесь увидеть,
будь готов выбрать отсечение головы.

Если Я не отрежу сейчас тебе голову,
ты по всему миру разнесёшь эту тайну».

«О Боже, дай срок этому рабу²⁰⁶, — сказал дьявол, —
дай попавшему в беду выход».

«Даю тебе срок, — ответил Господь, —
и надеваю на тебя ошейник проклятия²⁰⁷,

называю тебя лжецом,
чтобы до Судного Дня ты был обвиняемым».

После этого Иблис сказал:

«Раз я узнал о чистом сокровище, не боюсь я проклятия.

И проклятия принадлежат Тебе, и милость,
и раб принадлежит Тебе, судьба его в руках у Тебя.

Если моя доля — быть проклятым, то не страшно,
яд тоже необходим, не только противоядие.

Раз я увидел, что люди все просят милости,
беру я твоё проклятие из-за своей невежливости.

Раз нет раба, желающего Твоего проклятия, а не милости,
то раб Твоего неупавшего проклятия — это я».

Если ты не находишь Его ни днем, ни ночью,
Он не потерян. Одна из причин — в твоём нежелании.

Шибли при смерти

С приближением смерти Шибли стал взволнован.
Сердце было у него в ожидании, и прикрыл он глаза.

Затянул он зуннар удивления,
посыпал голову пеплом²⁰⁸.

То с пеплом он смешивал слёзы,
то вновь голову им посыпал.

Кто-то спросил: «В такой момент
ты видал кого-то, чтобы зуннаром он занимался?»

«Горю я, что мне делать, — ответил Шибли, —
раз я сгораю от ревности, что мне остаётся?

Моя душа, что от миров отказалась,
сейчас горит от ревности к Иблису,

ибо присвоили ему звание “проклятый”,
и завидую я тому, к кому Господь обратился.

Здесь Шибли ждёт, в жажде и пламени,
а другому Он дал иное».

Различая камень и драгоценность, полученные из рук
Падишаха,
к пути ты ещё не готов.

Если для тебя драгоценность — знак возвышения,
а камень — знак унижения,
то Падишаху становишься ты безразличен.

Не цени камни и драгоценности, но с ними и не борись,
ты только смотри, что всё это — из Его рук.

Лучше пусть пьяный возлюбленный камнем ударит,
чем у чужака приобрести драгоценности.

Нужен мужчина, умеющий ждать, от своего желания
отдающий жизнь на этом пути каждый миг,
чтобы ни на миг не переставал он желать,
не успокаивался ни на миг.

А если на момент перестанет желать,
неверным окажется на этом пути и невеселым.

Маджнун на тропинке

Добросердечный прохожий увидел Маджнуна плачущим:
тот на тропинке землю просеивал.

— О Маджнун, что ты там ищешь? — прохожий спросил.
— Безусловно, ищу я Лейли, — ответил Маджнун.

— Где же ты её ищешь? в земле? — воскликнул прохожий. —
Разве место чистой жемчужине на проезжей дороге?

— Я ищу повсюду её, — ответил Маджнун. —
Может быть, где-нибудь хотя бы на миг и найду!

Замечание Йусуфа Хамадани

Йусуф Хамадани²⁰⁹, имам своего времени,
хранитель тайн всего света и дела знаток,
сказал: «С верху донизу невероятно много всего,
и все, что есть, дозорный осматривает».

Каждая частичка сама по себе — словно Йакуб,
потерявший Йусуфа и о нем спрашивающий.

На Его пути нужны боль и терпение,
и жизнь должна проходить в них обоих.

Но если даже ими ничего не решается,
не ропщи! Этим тайн опасайся²¹⁰.

Если есть желание у мужчины, он обязан терпеть,
но у людей боли разве бывает терпение?

Терпи, если жслаешь, не бывает иначе,
не обрести путь тем, кто не причастен к страданию.

Как зародыш в материнской утробе,
будь непрерывно с собой, продолжай быть с собой.

Не выходи из своей глубины ни на миг,
если вдруг захочется хлеба, то пей кровь в этот миг:

пища зародыша в утробе — это кровь,
то, что снаружи, — сплошь суета.

Пей кровь и терпи мужественно,
и обретёшь искомое через страдания.

Старик успокаивает шейха Майхани

Шейх Майхани испытывал великое сжатие.
Вышел он в поле: глаза в крови, сердце напополам
разорвано.

Увидел вдалеке старика из деревни,
тот привязывал корову, но сиял благородством.

Шейх подошёл к нему и поприветствовал,
поведал о состоянии своей души, не скрывая.

«О Абу Саид! — выслушав его, сказал старик. —
С нижнего ковра до Великого Престола

если всё засыпать пшеном,
и не единожды, а подряд сотню раз,

и если птица будет склевывать
по зернышку каждую тысячу лет,

и если даже после этого времени
птица таким же образом ещё сто раз очистит Вселенную,

и вдруг аромат Его Порога душа ощутит —
и то слишком рано это случится, Абу Саид!»

Желающим придётся многое вытерпеть,
и не любой способен стать терпеливым желающим.

Пока желание внутри не возникнет,
так просто не появится мускус в желудке из крови.

Если у человека желание внутри возникает,
он пройдёт по своей крови и через Вселенную.

Лишённый желания — мёртвая туша,
он — не живой, он — картина на стенке.

У кого нет желания, тот — животное,
Бог свидетель! Без желания он — бездушное изображение.

Но если найдёшь драгоценное сокровище,
придётся желать покрепче начать:

кто обрадовался сокровищам,
тот ими же связал себе ноги.

Для того, кто на пути останавливается, привлечённый
чем-либо,
идолом помеха становится, а сам он — идолопоклонником.

Придя с поверхностным умом, потеряешь сердце,
и голову от пьянящего вина потеряешь.

Но не пьяней от одного бокала,
взыскуй бесконечного бытия.

Махмуд и хакбиз

Однажды ночью Махмуд ехал без войска,
заметил на дороге хакбиза,

тот повсюду холмиков накопал.
Увидев это, султан свой браслет
бросил посреди холмов, и затем
быстрее ветра погнал коня прочь.

И на следующую ночь вернулся султан,
и вновь увидел хакбиза: по-прежнему тот просеивал землю.

«Ведь то, что ты нашёл вчера, — сказал султан, —
сравнимо с налогом со всей страны лет за десять!»

Но по-прежнему ты сеешь землю...
Живи в роскоши, ибо нужда тебя миновала».

«Найти такое сокровище, — сказал хакбиз, —
мне удалось благодаря этому делу.

Раз благодаря такому делу я стал богат,
пока есть у меня силы, так и буду им заниматься».

Будь мужчиной этой двери, чтобы Он тебе её приоткрыл,
не отворачивайся от дороги, чтобы Он тебе путь показал.

Это твои глаза постоянно закрыты.

Пожелай! Ибо та дверь открыта всегда.

Рабийя упрекает суфия

Некто, покинувший себя, молился Господу
и говорил: «О Боже, открой мне дверь наконец-то!»

Рабийя, неподалёку сидевшая, спросила:

«О ты, легкомысленный! Когда же эта дверь бывала
закрытой?»

Стоянка любви

Затем появится стоянка любви,
пришедший сюда утопает в огне.

Здесь можно быть только огнём,
им не ставший да не наслаждается своей радостью!

Влюблённый — он подобен огню:
горяч, жгуч, непокорен.

Не должен и на миг он быть осмотрителен,
сотню миров сжигает он радостно.

Ни мгновения не думает ни о вере, ни о неверии,
нет в нём и крупицы сомнения или убежденности.

На пути его зло и добро одинаковы,
с приходом любви он не видит ни того, ни другого.

О мобахи*, не к тебе обращены эти слова,
ты — неверный, не по зубам тебе эти смыслы.

Влюблённый проиграет всё, что имеет,
и гордится воссоединением с Другом.

Иные на завтра ждут им обещанного²¹¹,
а у влюблённого в наличии здесь всё уже есть.

Пока шёлк внутри него не сгорит²¹²,
как может он взбодрить своё сердце?

* Мобахи — намеренно не соблюдающий шариат, а также человек, не признающий ничего запрещённого.

Пока не сожжёт себя полностью,
не избавится он от печали.

Он непрерывно бьётся в горючей печали и кипящих
слезах,
лишь бы дойти до своего макама однажды.

Так рыба, попавшая из моря на сушу,
бьётся, пока не вернётся обратно.

Тут любовь подобна огню, а ум — словно дым,
с приходом любви ум улетучится быстро.

Уму не дано понять о любви,
любовь — это не дело ума, что всем дан от рождения.

И если ты слышал, что сразу даруется в мире ином,
то здесь увидишь любовь настоящую.

Любой листочек жив благодаря любви,
со склонённой головой, опьянённый любовью.

Если внутреннее зрение у тебя приоткроется,
все частицы мира поделятся с тобой тайнами.

Если же будешь вглядываться глазами ума,
ни единого признака любви не заметишь.

Любовь — дело попавших в беду,
любовь — дело отважных.

Ты не влюблён, потому что в беду не попал.
Ты просто мёртв и не достоин любви.

Сто тысяч людей с ожившим сердцем нужны на этом пути,
чтобы с каждым дыханием сто своих душ дарили они!

Ходжа и мальчик

Некто из знатного рода стал бродягой
из-за мальчика — торговца напитками²¹³.

Сошёл он с ума от любви к нему
и из-за него позор принял.

Пока оставалось имущество — он брал что-то оттуда,
продавал и покупал напиток у мальчика.

Когда всё он растратил, стал дервишем,
а любовь у безумца усилилась во сто крат.

Хотя регулярно ему хлеб подавали,
всегда он оставался голодным и сытым от жизни²¹⁴,
ибо, едва хлеба добыв,
сразу направлялся его менять на напиток.
Сидел он постоянно впроголодь,
дабы скупать вообще весь напиток.
Кто-то спросил его: «О безумец,
что такое любовь, мне тайну открой».
«Любить — значит богатство сотни миров
продать, чтобы один напиток купить», — он ответил.

Маджнун и шкура

Родственники Лейлы ни на минуту
Маджнуна не пропускали в племя.
Какой-то пастух поблизости оказался,
опьянённый Маджнун взял у него бурку.
Надев бурку, он согнулся
и сделался подобен барану.
«Ради Бога, — воззвал Маджнун к пастуху, —
укрой меня среди овец!
Погонишь стадо в сторону Лейлы, а я среди них буду.
Вдруг на мгновение уловлю я её аромат?
Чтобы скрытно ароматом любимой
хотя бы часик мне насладиться».
Была бы такая боль у тебя на миг,
на кончике каждого твоего волоса сидел бы мужчина²¹⁵!
Жаль, что тебе чужда боль мужчины,
не дано тебе то, что они на поле боя испытывают...
В итоге, спрятанный под шкурой Маджнун
тайно, среди овец, в сторону любимой направился.
Сначала радость его переполнила,
а вскоре после этого потерял он сознание.
Раз любовь вошла в дверь и ему всё стало безразлично,
пастух в поле снова Маджнуна увёл.

Полил он воду на лицо опьянённого,
на момент вода притушила огонь...

Затем случилось пьяному Маджнуну
с соплеменниками в поле сидеть.

Один из его соплеменников обратился к нему:
«О благородный, что ходишь ты голым!

Если хочешь, быстро принесу
любую одежду, какую попросишь».

«Не во всякой одежде быть с другом достойно, — ответил
Маджнун. —

Для меня нет одежды лучше, чем шкура.

Желаю я овечью шкуру,
и, чтобы не сглазили, жгу я сипанд*.

Для Маджнуна это — атлас и аксун.
Кто любит Лейлу, тому нужна шкура.

Аромат любимой я ощутил, будучи в этой коже,
не желаю теперь иной, кроме шкуры, одежды.

Шкура поведала сердцу о любимой,
раз у меня нет сердцевины, есть хотя бы кожа».

Нужна любовь, чтобы освободить тебя от рассудка
и перевернуть твои качества.

Пожертвуй душой, бросай свои глупости,
это наименьшее, что для исчезновения качеств требуется.

Приступай к делу, если думаешь, что достоин.
Ибо так собой жертвовать — уже не игра.

Нищий влюбляется в Аяз

Один нищий оборванец влюбился в Аяз.
Слух об этом облетел всю округу.

Когда Аяз верхом выезжал,
устремлялся за ним следом тот нищий с признательностью.

* Растение, зёрнышки которого распространяют аромат при сжигании. Их жгли также для того, чтобы избежать сглаза. Если бросить зёрна сипанда в открытый огонь, то они отскакивают вверх.

Но и на мускусные кудри Аяза, гонявшего на майдане,
не глядел нищий, а только на мячик.

Дошла до Махмуда эта история —
о нищем, в Аяза влюблённом.

Назавтра, когда отрок опять погнал коня на майдан,
там вновь бегал и жулик, охвачен любовью,
и вновь он преследовал взглядом мячик Аяза,
словно и сам он стал шариком, получившим чугана удар.

Султан за ним наблюдал неприметно.
Заметил и лицо пожелтевшее, и душу истерзанную,
спину, чуганом изогнутую, и то, как сам нищий бродит
и носится по майдану, как шарик.

Махмуд его к себе подозвал и спросил:
«О нищий, ищешь ли равенства с падишахом?»

«Хотя зовёшь меня нищим, — оборванец ответил, —
но в любовной игре я не уступаю тебе.

Любовь и нищета — это соседи,
это — состояние без состоятельности.

Любовь от нищеты берёт смысл,
и лишь нищего, бесспорно, достойна любовь.

Ты с пламенным сердцем миром владеешь,
но обожжённому сердцу, как у меня, любовь лишь нужна.

Всё слушаешь музыку соединения,
но попробуй и вкус разлуки на миг.

Сколько можно испытывать соединение,
испытай и разлуку, если ты — мужчина любви».

«О, ты ещё жизни не знаешь, — шах сказал. —
Но зачем неотрывно смотришь на шарик?»

«Ибо мечется, бродит шарик, как я, — тот ответил, —
он будто я, а я будто он — мы перемазаны оба.

Он цену мне знает, я — ему,
оба мы — словно один мяч в чугане.

Оба упавшие от изумления,
без головы, без тела, от ударов только душа уцелела.

Он ведаёт обо мне, я знаю о нём,
беседуем о нашем горе мы вместе.

Но на своём пути шарик оказался богаче меня,
ибо подкова коня целует его иногда.

Хотя я как шарик — без головы и без ног,
но страдаю я более шарика:

чуган только телу шарика рану наносит,
а влюблённый нищий получает удар в свою душу.

Хотя нет числа ранам шарика,
но Аяз за ним бегают.

А у меня ран побольше,
но это я бегу за Аязом, то позади, то опережая его.

Шарику иногда удастся быть рядом,
а этот нищий — всегда в отдалении.

Когда шарик рядом оказывается,
радуется он приближению.

Я не могу наслаждаться близостью к нему,
шарик меня обогнал».

«О ты, мой дервиш, — сказал шахрияр, —
ты в нищете мне признался.

Но если ты не лжёшь, о бедняк,
каковы у тебя доказательства твоей нищеты?»

«Я не нищий, пока есть душа, — ответил тот, —
я — желающий, а не человек круга, тобой упомянутого.

Но если пожертвую душу ради любви,
то это — знак нищего: душу отдать.

Однако где, о Махмуд, в тебе сущность любви?
Отдай душу! Иначе — не признавайся в любви».

Это он произнёс и душой всё, что от мира имел, тут
оставил,

внезапно посвятил без остатка душу Любимому.

Когда оборванец свою земную жизнь так отдал,
мир помрачнел для Махмуда от горя.

Если рядом с тобой столь отважен маленький нищий —
выходи, дабы увидеть грабёж²¹⁶.

Если тебе предлагают — выйди хотя бы на час,
чтобы звон колокольный услышать.

И, становясь непрерывно теряющим ноги и голову,
проиграй всё, чем владеешь.

Когда упадёшь, то ещё до осознания, что же случилось,
перевернутся твои ум и душа.

Араб в Персии

Попал в Персию некий араб,
местными обычаями он был поражен.

Всё вокруг рассматривая, тот несведущий
заглянул по пути в придорожный каландар*.

Увидел толпу развесёлых людей без головы и корней,
без единого слова на кон ставивших оба мира.

Все — игроки, шулеры, жулики,
в подлости один почище другого.

У каждого кувшин с винным осадком в руках,
каждый из них, лишь войдя, свой кувшин уже выпил.

Увидев этих людей, араб зайти захотел,
соблазну поддались его ум и душа.

Замстив его удивление,
его потерянную душу и ум,

«Входи, незнакомец», — сказали ему те пройдохи.
Араб внутрь заглянул, и этого было достаточно.

Напоил его один жулик из кувшина последками,
араб себя позабыл, мужество его испарилось.

Нёс он много золота, серебра и прочих ценностей,
выиграл у него всё жулик в первой игре.

Другой жулик напоил его ещё одним кувшином,
да голым из притона и выставил.

И шёл араб до своей земли
наг и нищ, с жаждой в душе и сухими губами.

* *Каландар* — место, служившее пристанищем жуликов, нищих, бродяг и странствующих дервишей.

«Ты полон смятения! — сказал ему его родич. —
Где твоё золото и серебро, где ты ночевал?

Утеряны золото и серебро, и сам ты потерянный,
будь проклята твоя поездка в Персию.

Вор ограбил тебя? Где богатство твоё?
Объясни, я хочу знать всю историю».

«Бодро я шёл по дороге, — сказал араб, —
вдруг увидел таверну.

Ничего я больше не помню,
потеряно серебро, золото, и я нищ».

«Опиши её», — сказал родственник.
«Входи! Вот и всё описание», — ответил араб.

Араб исчез без остатка,
от всего, чем владел, осталось «Входи!».

Забирай свою голову либо на порог поставь ногу.
Уходи неприкаянным или воспринимай душой.

Если душой воспримешь тайну любви,
отдавая душу, разберёшься в деле любви.

Отдашь душу и останешься наг,
а в обозе твоём останется лишь «Входи!».

Ибрахим при смерти

Когда подошёл час Ибрахима,
воспротивился он легко душу отдать Азраилу.

«Вернись, скажи Падишаху, — сказал Ибрахим, —
чтобы Он не просил душу у Ибрахима».

Всевышний ответил: «Если ты есть Ибрахим,
с лёгкостью препоручай своему Господу душу.

Не мечом же её у тебя отбирать?
Кто откажет своему Господу в своей душе?»

«О свеча мира! — спросил некто присутствующий. —
Почему Азраилу душу не отдаёшь?

Влюблённые с такой отвагой её отдавали в пути!
А ты почему держишься за неё?»

«Как же я могу душу отдать, — ответил Ибрахим, — когда между нами стоит Азраил.

В огне мне явился Архангел и сказал:
“Проси у меня чего-либо, о Ибрахим”.

Я не смотрел в его сторону:
он был препятствием на моём пути “кроме Аллаха”.

Раз я отвернулся от Архангела,
неужели я могу душу отдать Азраилу?

Я не расстанусь с душой так легко, пока
от Него не услышу: отдай.

Пусть Он прикажет мне душу оставить.
Мир полон душ, цена его для меня — ползерна,
и в обоих мирах никому я жизнь не отдам,
пока Он об этом не скажет, вот в чем здесь дело».

Стоянка познания

Затем перед оком предстанет
познание безначальной и бесконечной пустыней.

Никого не найдёшь, кто в этом месте
не заплутал бы из-за множества троп.

Ни один путь в нём не похож на другой,
последовавший за телом получит одно, за душою — другое.

И душа, и тело от недостатков и совершенств
непрерывно приходят то в упадок, то в возвышение.

Раз появились разные пути,
разделятся идущие по мере своего изъяна.

Годится ли на этом добром пути больной паук
слону в спутники?

Каждый странствует по мере своих совершенств,
приближённость каждого определяется его состоянием.

Летающая муха, так мухой и оставаясь,
разве догонит сарсар*?

* Быстрый, часто ураганный ветер.

Раз полёты оказались столь разными,
ни одна птица не станет другой птице спутницей.

Познания оказались здесь разными,
один нашёл себе михраб, другой — идола.

Когда взойдёт солнце познания
в небе этого высочайшего пути,
каждому по-своему глаза откроются,
и, поистине, каждый найдёт свою высоту.

Тайна частицы для него откроется,
мир огня для него станет садом.

Он увидит ядро изнутри, не со стороны скорлупы,
и не найдёт там, кроме Друга, даже частицы иного.

Начнёт он постоянно созерцать лик Его,
будет непрерывно все уголки Его улицы видеть.

Сотня тысяч сокрытых тайн вдруг
явят себя, солнцу подобные.

Сотни тысяч людей непрерывно теряются,
дабы один стал обладателем тайн.

Здесь нужен совершенный, с дивной душой,
чтобы смочь нырнуть в это глубочайшее море.

Если благодаря познанию тайн у тебя появится радость,
то и каждый новый миг принесёт тебе новый восторг.

Жажда совершенства означает
здесь готовность отдать сто тысяч жизней ради Него.

Если дотянешься до Высочайшего Трона,
утони в море познания, иначе — сядь в трауре.

О спящий, если радость тебе не нужна,
отчего же в трауре ты не сидишь?

Если от воссоединения с Любимым нет радости,
то встань и грусти от разлуки.

Если не видишь Его красоту,
не сиди! Встань, ищи тайну.

Если нет знания у тебя, разве не стыдно тебе?
Сколько можно быть ишаком без узды?

О превратившемся в камень

Один мужчина превратился в камень в горах Китая²¹⁷,
проливая слёзы на землю.

Когда капали горькие слёзы на землю,
то в камни и они превращались очевидно и зримо.

Попади эти его камни в руки облака,
до самого Дня Суда ничем, кроме печали, не пролилось бы
облако!

Знание — это и есть тот чистейший, честный мужчина,
ищи его, даже если придётся ехать в Китай.

Ибо знание — это горе для слабых,
и до каких пор нужно возиться с неверными?

Эта юдоль печали погружена во тьму,
знание в ней — драгоценный светильник.

Проводники твоей души в этой тьме —
наука о сокровенном и освежающее душу знание.

Ты в этой тьме без конца и без краю
застрял Искандаром без провожатого.

Много возьмёшь из этих сокровищ —
самым сожалеющим²¹⁸ себя обнаружишь.

А не нужны тебе драгоценности, о ты, место пустое, —
опять же самым сожалеющим будешь. И всё.

Овладеешь ты этим сокровищем или нет,
я каждый миг самым сожалеющим тебя нахожу.

Затеряны этот мир и тот мир в душе.
Тело от души и душа от тела и спрятаны, и потеряны.

Когда, исчезая, утрачиваешь место постоянных потерь,
то обретаешь место, уже человека достойное.

А если на этом пути застреваешь, горько тебе.
Твоё тело с макушки до ног в рыданиях потеряется.

Не спи ночью, не принимай пищи днём,
чтобы это желание возникло в тебе.

Пожелай, чтобы прочие твои желания пропали,
чтобы исчезли дневной аппетит и ночной сон.

Незадачливый влюблённый

Однажды некто, ошеломлённый от любви,
успул на земле — плачевное состояние!

К нему его возлюбленная пришла,
увидела его спящим и себя покинувшим.

Написала она достойное такой картины письмо
и привязала его к рукаву влюблённого.

Когда влюблённый проснулся,
то, прочтя письмо, горько заплакал.

«О молчаливый! — там было написано. —
Поднимайся! Если ты купец — зарабатывай золото.

Если ты верующий, то ночью не спи,
молись до утра и Его рабом становись.

А если ты человек любви, то стыдись!
Разве глаза влюблённого имеют дело со сном?

Влюблённый через ветер проходит днём
и через лунный свет* ночью.

Раз ты и не тот, и не другой, о потухший,
не лги, что любишь меня.

Если влюблённый спит в чём-либо, кроме савана,
назвать его могу я влюблённым — да влюблён он в себя.

Раз ты любовь не постиг,
спи спокойно, ибо ты не тот человек».

Влюблённый часовой

Один часовой крепко влюбился.
Лишился он сна и ночью, и днём.

Не спящему влюблённому сказал его собеседник:
«О бдящий, поспи хотя бы ночью минутку!»

«Любовь подружилась во мне с часовым, — тот ответил, —
сон с ними обоими несовместим!

Недостойно спать часовому,
и тем паче — влюблённому!

* Персидская поговорка, «ходить через лунный свет» означает заниматься бесполезным делом.

Раз принято один груз класть поверх другого,
значит, следует это делать.

Как могу я уснуть даже ненадолго?
Ведь не одолжишь сон у одного в пользу другого!

Любовь меня испытывает каждую ночь,
надзирает за часовым.

То я ходил, стуча по барабанчику палочкой,
то от горя бил по лбу себя».

А если на миг задрёмывал тот взволнованный,
любовь устраивала ему иную проверку:

Не давал он покоя людям всю ночь,
едва они засыпали, кричать начинал он во сне.

«О, ты весь охвачен кипением, горем, — сказал ему один
друг, —
целую ночь очей не смыкаешь!»

«У часового сна не бывает, — тот ответил, —
на лице влюблённого нет ничего, кроме слёз.

Долг часового — хранить бдительность,
долг влюблённого — позор принимать²¹⁹».

Когда из глаз льётся вода, а не сон,
уже закрыта эта дорога для сна.

Влюблённый и часовой в нём стали товарищами,
стал сон в его глазах грузом в море²²⁰.

Влюблённость часовому пришлась по душе,
бодрствование в его уме закрепилось.

У того, кому бессонница приятна и по душе,
разве ум захочет водиться со сном?

О мужчина, если ты ищешь — не спи!
И хороших тебе сновидений, если ты лишь рассуждаешь.

На улице сердца дежурь непрерывно,
ибо возле сердца снует много воришек.

Есть пересекающие дорогу воры у сердца,
береги от них сокровище сердца.

Когда постоянство этой стражи сделаешь своим
качеством,

быстро возникнут любовь и познание.

В этом море крови никак мужчине не обойтись
ни без познания, ни без бодрствования.

Тот, кто долго не спал,
дошедши до Его Величия, в сердце сна не имел.

Если бдительность сердца происходит от бодрствования,
одолевай сон, храни верность сердцу.

Сколько же повторять: твоя сущность утоплена,
и крик утопленника не спасёт.

Влюблённые добрались до самой границы,
опьянев, там уснули в любви.

И ты жди, ибо те, мужественные,
совершили то, что и следовало.

У кого восторг от Его любви появился,
тот быстро отыщет ключи от обоих миров.

Если она женщина — станет она дивным мужчиной,
а если мужчина — глубочайшим морем он станет.

Аббас говорит о любви

«О мужчина любви, — Аббас сказал кому-то, —
когда в ком-то боль любви осветит хоть частичку его,
то если он мужчина, то родит в себе женщину²²¹,
а если женщина — возможно, она станет мужчиной».

Не видел ли ты женщину, рождённую от Адама?
Не слышал ли о мужчине, родившемся от Марьям?

Пока не осветишь полностью всё, что требуется,
твои дела не могут быть всегда гладкими.

Когда всё осветится — царство станет твоим,
всё, что у тебя на сердце, ты обретёшь.

Считай, что именно это — и царство, и изобилие. И лишь
крупницей этого является целый мир веры.

Если же удовлетворяют богатства этого мира тебя,
то до Судного дня, а затем навсегда останешься ты
испорченным.

Познание — царство вечное,
старайся обрести это качество.

Опьянённый миром ирфана
станет для людей всего света султаном,
в чьих глазах любые владения — мелкое зёрнышко,
а в его море и девять небес — лишь корабль.

Если бы царям мира было ведомо о восторге
от вкуса напитка Единого у бескрайнего моря,
то от боли сидели бы они в горести,
друг на друга от боли не поднимая и глаз!

Махмуд в развалинах

Заглянул однажды Махмуд в развалины,
заметил там безумца влюблённого —

у того от горя опущена голова,
спина выгнута, словно гору несёт.

«Прочь, и немедленно, — увидев шаха, безумец сказал, —
иначе ещё сотню раз скажу тебе “вон”.

Ты не шах, а слабак,
перед своим Богом — неблагодарный».

«Я Махмуд, прекрати звать неверным меня! — ответил
султан. —

Хотя скажи ещё одно слово, а дальше — молчи».

«Если бы ты узнал, о невежда,
от кого отдаляешься, расхаживая вверх ногами²²²,
то ни пепла, ни земли от тебя не осталось бы,
и огнём постоянно ты посыпал бы голову!»

Стоянка состоятельности

Затем возникнет пустыня состоятельности,
В ней нет ни вызова²²³, ни даже понятий об этом.

В ней веет сарсар состоятельности,
Перевернёт в миг он и целую землю.

Здесь болотом покажутся семь морей*,
искрами — семь великих огней**.

Восемь раев здесь тоже мертвы,
а семь адов²²⁴ — словно замерший лёд.

О диво, здесь тоже есть муравьи!
С каждым вздохом выполняют они работу сотни слонов²²⁵.

Пока у вороны чаша терпения*** заполняется,
в ста караванах никого в живых не останется.

Сто тысяч ангелов сгорели от горя,
пока из Адама свет не излился.

Сто тысяч тел утратили душу,
пока Нух не стал плотником.

Сто тысяч комаров напали на войско,
чтобы обрести почёт Ибрахиму.

Сотне тысяч младенцев головы отсеки,
чтобы Муса обрёл зрение.

Сто тысяч повязали зуннар,
чтобы Иса стал обладателем тайн.

Сто тысяч душ и тел ограблены были,
чтобы на одну ночь на небеса поднялся Мухаммад.

Здесь опытность или отсутствие оной не имеют значения,
делаешь ты что-то здесь или нет — это без разницы.

Скажешь, что обожжённым сердцем воспринял весь мир —
ответчу: сдаётся мне, ты лишь видел сон.

Если в эту пучину и сотня душ упадёт,
то это сравнимо с падением росинки в бескрайнее море.

А если сотня тысяч голов заснули²²⁶,
то это подобно тому, как крупинка солнца вдруг стала
тенью.

Если небесный и звёздный своды кусками обрушатся —
считай, что с дерева несколько листочков слетело.

* Идиома того времени: «все известные моря».

** Солнце, Меркурий, Венера и остальные планеты.

*** «Чашей терпения» в то время называли птичий zob. В этой строке обыгрывается и то, что ворона — долгожитель среди птиц.

Если пропадёт всё, от рыб до луны,
то это сродни тому, как на дне колодца охромел муравей.

Если оба мира исчезнут однажды,
то исчезновению с земли пары камушков это подобно.

Если ни от сатаны, ни от человека и следа не останется,
забудь ты одну эту дождинку.

Если все эти тела на землю попадают,
с утратой зверем одной лишь шерстинки это сравнимо.

Если тут ни целого²²⁷, ни частичного совсем не
останется —
считай, что просто на земле не осталось соломы.

Если эти девять тазов* исчезнут внезапно,
то исчезнут они, словно в девяти морях капля.

Юноша, упавший в яму

В нашем селе жил юноша, подобный луне.
Упал в яму, словно Йусуф, подобный луне.

Осыпалось на него сверху очень много земли.
Наконец кто-то заметил его в яме и вытащил.

Покрыт он был землёй, и судьба
его лишь одним дыханием определялась.

Мухаммадом звали благородного юношу.
От того мира находился он в одном шаге.

«Сынок! — воскликнул отец, увидав его в таком
состоянии. —

Свет очей моих! Душа моя,
о Мухаммад, будь ласков с отцом,
хоть слово скажи». «Где слово? — произнёс тот, —

Где Мухаммад, где сын? И кто-либо — где?»
Вымолвив это, он умер, и всё.

Гляди же, о ты, осведомлённый идущий,
где Мухаммад и где Адам,

* Небесные своды изображались в то время схематически так, что при желании их вполне можно было уподобить тазам, стоящим один в одном.

где Адам и потомки его,
где целого и частных имен.

Где земля, где горы с морями, где небо,
где фея, где дьявол и человек, где ангел.

Где сейчас те сотни тысяч ходивших по земле тел,
те сотни тысяч чистых душ — где сейчас?

Свиваясь от мук смертного часа,
где найти человека, душу и тело, всё, что есть, и всё,
чего нет?

Если взять оба мира, и даже в сто раз более этого,
протереть и просеять всё, что есть взятого,
то, когда проявится для тебя дом с лабиринтом²²⁸,
ничего у тебя в решете не останется.

Мнение Йусуфа Хамадани о бытии

Йусуф Хамадани, знаток пути,
с чистым сердцем и просвещённой душой,
говорил: «Веками живут, чтоб подниматься до
Высочайшего Трона,
затем вновь спускаться к покрытому трону.

Но всё, что было, что есть и что будет,
и добро, и зло, и всё до крупницы,

всё это — только капля от моря существования,
а бытие есть дитя небытия. И что же дальше?..»

Не так эта стоянка проста, о умник,
из-за твоей недалёкости она простой кажется.

Даже если кровь твоего сердца путь сделает морем,
ты дальше своей текущей стоянки не сдвинешься.

Если у тебя каждый шаг по пути был размером с
вселенную,
вглядись-ка: всё это было твоим первым шагом.

Ни один идущий конца дороги не видел,
от этой боли излечения никто не нашёл.

Если крепко стоишь, словно камень,
то будешь либо мертвецом, либо тушей.

Если ты бегун, не останавливающийся никогда,
то удара в колокол не услышишь до наступления вечности.

Тебе не уйти, тебе не остаться,
и нет пользы ни в смерти твоей, ни в рождении твоём.

Где ж твоя выгода, раз у тебя непомерные трудности?
Что проку в тебе, если сложны дела у тебя, и нет мастера?

Жди и терпи, о молчаливый,
прекрати хотеть всё понять, но тем не менее стремись к
пониманию.

Брось делишки свои, трудиться начни.
Не считай тобою сделанное значимым, но многое делай.

Пусть будет у тебя результат в форме дел этих,
на тот случай, если они имеют значение,

а если дела веса там не имеют,
у тебя будет избыток времени, чтобы ими заняться.

Отставь заботы свои.

Это означает «сделать и не сделать»,

ибо не распознаешь ты дело. Его «знать» нет возможности:
чтобы узнать работу, надо ею заняться.

Смотри на состоятельность, но взгляни и на
самодостаточность,

неважно, о весёлом поёшь ты или плачешь о грустном²²⁹.

Молния состоятельности сюда так ударила,
что от её удара сгорела сотня миров.

Сотня миров рухнула здесь на землю,
но и вообще без мира на этой стоянке не страшно.

Простоватый мудрец

Встречал ли ты того недалёкого астролога*,
что кладёт перед собой доску с песком,

А затем её покрывает узорами?

Рисует он планеты и звезды,

* Игра слов: среди значений слова «хаким» — и «астролог», и «мудрый».

показывает небо и землю,
объясняя их положение, исходя из того или другого.

Он показывает светила, зодиакальные знаки,
изображает упадок и возвышение,
указывает на беду или счастье,
рисует дом смерти или рождения.

Завершив с определением счастья и бед,
берёт доску, а затем

ссыпает песок, словно не было и в помине
всех этих орнаментов и узоров.

Облик лабиринта этой вселенной
похож на узоры на том песке.

Ты не вынесешь всё это, выбери уголок,
поменьше крутись вокруг этого²³⁰, сиди в уголке.

Здесь стали женщинами все мужчины,
ибо признаки обоих миров тут потеряны.

Но если тебе не под силу идти этим путём,
то будь ты даже огромен, словно гора, твой реальный
вес — вес шелухи.

Отказ святого

Говорят, когда перед настоящим мужем из людей тайн
приподнялся занавес тайного мира,

раздался голос: «О предводитель, немедленно
пожелай и бери, что захочешь».

«Я видел, что пророки, — ответил тот, —
постоянно были в беде.

Если было много несчастий и страданий,
всё это на пути их оказывалось.

Не нужны мне ни возвеличивания, ни унижения,
уж лучше оставь меня в моём бессилии.

Раз доля даже великих — боль и мучение,
разве допустимо для незначительных иметь сокровище?

Пророки начали дело, всех будоража²³¹,
но я на их месте не выдержу, отстань от меня!»

Все, что от души я рассказываю — бесполезно,
проку не будет, если тебе — не до этого дела,
хотя ты — упавший в море опасности,
упавший, вдобавок, пузырём пены, перевернутым
на спину²³².

А знай ты о ките, что на дне,
вообще не захотел бы пройти этот путь?

Сначала разволнуешься от разыгравшегося воображения,
но вот когда упадёшь, душа твоя выдержит ли?

Муха и мёд

Летевшая в поисках еды муха
в стороне заметила улья.

Почуяв мёд, пришла муха в восторг.
«Где тот благородный, — крикнула муха, —
что возьмёт у бедняги овсяное зёрнышко
и за это бросит меня внутрь улья,
чтобы мне вкусить плод с “ветки соединения”?
Как хорошо бы в меду оказаться!»

Нашёлся некто, дал мухе вход,
пустил её в улей за овсяное зёрнышко.

Как только муха мёда коснулась,
её лапки в нём и увязли.

Её движения ослабели,
от усилий она только крепче влипала.

«Зло меня подвело, — закричала она, —
и гибельней яда мёд для меня оказался!

Отдала одну овсинку, теперь две отдам,
лишь бы выбраться из этой беды».

В этом поле отвлекаться и на миг не положено.
Только зрелый мужчина в этом поле пройдёт.

О ты, сердце, уже долго ты мечешься,
тратишь время впустую.

Здесь ты проводил жизнь бездарно,
где добудешь теперь результат для жизни иной?

Встань и пройди трудную эту пустыню,
взлети над душой, отрежь душу и сердце!

Пока ты дрожишь над душою и сердцем,
ты — неверный, что легкомысленнее прочих неверных.

Отдай душу на этом пути, пожертвуй сердцем,
иначе с таким твоим безразличием получишь лишь тяготы.

Шейх и дочь псаря

Один известный шейх, давно носящий хирку,
однажды влюбился в дочь псаря.

Страстью к красавице так заболел,
что кровь в его сердце как море бурлила.

Надеясь её лицо повидать,
ночевал он с собаками на её улице.

Мать девушки об этом проведала.

«Твоё сердце сбилось с пути, — сказала она шейху. —

Но если у пира крепко его желание,
походи за собаками, это наша работа, вот и весь сказ.

Если станешь, как мы, собак обихаживать,
через год гостей созовёшь и свадьбу сыграешь».

Шейх не был в любви слабаком,
сбросил хирку и быстро новым делом занялся.

С собакой он пошел на базар,
с год занимался новым делом.

Другой суфий, бывший ему другом,
опознав шейха, воскликнул: «О бездарный!

Прошедшие тридцать лет был ты мужчиной.
Почему ты этим здесь занят, кто же так поступает?»

«О ты, незнающий, не рассуждай, — сказал шейх. —
Если ты продолжишь эту историю,

Всевышний с тобой также поступит,
Ибо об этой тайне Он знает.

Если заметит твои постоянные упреки,
переложит собаку из моих рук в твои».

До каких пор говорить, что моё сердце от боли пути
окровавлено, и ни на миг не нашёлся мужчина пути?

Я зря стал болтуном, и среди вас
нет ни одного, тайну ищущего.

Если вы станете владельцами тайн,
тогда постигнете смысл моих слов.

Если продолжу, в пути находясь, и дальше рассказывать
обо всём,
где будет тогда предводитель? Вы же все спите.

Мюрид спрашивает шейха о присутствии

«Расскажи о присутствии», — попросил ученик шейха.
«Вон отсюда, — сказал шейх. —

Если сейчас²³³ ты умоешь лицо,
тогда я упомяну и момент.

Сидя в грязи, нюхаешь мускус. Какой в этом прок?
Пьяным говорить о “моменте” бессмысленно».

Стоянка единобожия

Следующей будет стоянка единобожия,
это — стоянка тафрид* и таджрид**,

когда приходят в эту пустыню,
то все испытывают одно состояние.

Увидишь большое количество или малое²³⁴ —
всё это числом «один» измеряется.

Сколько ни множь один на один,
результатом всегда получишь один. Вот и всё.

Но этот «один» — не Единый,
наверняка ведь ты так и подумаешь.

Если Тот — вне границ измерений и чисел,
то забудь об изначальном и бесконечном.

Если утеряно изначальное, и если бесконечность — вечная,
то остаётся ли что-то меж ними?

Но если всё это²³⁵ оказывается ничем, пустотой,
то выходит, что всё это — лишь пустой лабиринт.

* Полный отказ от себя.

** Полная отрешённость от мира, очищение сердца от преходящего,
ради того чтобы посвятить себя Богу.

Суфий расспрашивает безумца

«Что есть мир, опиши его», —
спросил некий суфий безумца.
«Этот мир полон позора и славы,
словно воск, окрашенный сотней красок», — ответил тот.
Если кто-то руками сомнёт этот воск,
разумеется, неокрашенный воск вновь получится.
Раз всё это — только воск,
уйди, за этими красками нет ничего, кроме воска.
Раз всё — в единстве, и нет двойственности,
здесь не уместны уже ни «я» и ни «ты».

Абу Али и старуха

Пришла старуха к Абу Али.
Принесла бумагу, краплёную золотом, и сказала: «Прими
её у меня».
«Я себе дал зарок, — шейх ответил, —
ни у кого, кроме Бога, не принимать ничего».
«О Абу Али, — сказала старуха немедленно, —
откуда же у тебя в глазах раздвоение?»
На этом пути твоя обычная логика не сработает.
Если у тебя нет косоглазия, прекращай видеть всё как
стороннее.
На этом пути мужчина не замечает «чужое»,
ибо ни Каабы, ни монастыря там уже нет.
От Него исходит там откровение,
и благодаря Ему упрочивается бытие ищущего.
Он и мгновенья не видит, кроме Него, никого,
и не считает никого вечным, кроме Него.
И будет он в Нём, и от Него, и с Ним,
и в то же время Он остаётся вне этих благ.
Не утонувший в море единства
не стал человеком, даже если полностью он как Адам.
Любой человек — и духовный, и бездарь —
имеет незримое солнце уже по ту сторону мира незримого.

Наступит день, и это солнце
заполыхает, хиджаб снимет с себя.

Для достигшего своего солнца,
будь уверен, прекращаются и зло, и добро.

Пока ты есть, добро и зло с тобой рядом.
Когда исчезнешь, покажется всё это безумием.

Раз остаёшься ты в собственном бытии,
увидишь и добра много, и зла, и длинный путь.

С того времени, как из ничто появился,
заложником своих влечений ты стал.

Прекрасно было бы, как в начале времен,
от этой жизни не иметь своей доли.

Очищайся от непристойностей,
затем, с ветром в руках, стань землёй.

Неоткуда тебе узнать, что в твоём теле,
какие в нём пошлости, какие огни.

В тебе — скорпион со змеёй, тобой же покрыты,
спят они, спрятавшись.

Даже если с волос размером предоставишь им шанс,
каждого превратишь в сотню драконов.

Есть ад у любого внутри, наполненный змеями.
Пока не вычистишь ад, всегда есть работа тебе.

Если чистым покидаешь всё, одно за другим,
заснёшь ты безмятежным в земле,

иначе змея или скорпион
будут жалить тебя до Судного Дня.

Мавр из Серахса

«О Боже! Я стар, удивлён, потерял я дорогу, —
сказал мавр Серахси. —

Когда раб состарится, его обрадуют,
напишут о его свободе приказ и отпустят его.

Побелели, как снег, мои чёрные волосы
в твоём рабстве, о Падишах.

Я — замученный раб, обрадуй меня,
я постарел, дай приказ о свободе».

«О ты, приближённый к Каабе, — некто сказал, —
у того, кто хочет от рабства избавиться,

должны исчезнуть его ум и долги, причём вместе.
Брось этих двоих и шагай!»

И мавр вдруг воскликнул: «О Боже, непрерывно хочу Тебя,
ни ум, ни долг не нужны мне, и всё!»

Затем он забросил дела и стал сумасшедшим,
возликовал и хлопал безумно в ладоши.

«Не знаю сейчас, кто я! — он восклицал, —
я уже не раб, но кто я?

Рабство исчезло, не осталось свободы,
в сердце не осталось ни крупинки горя и радости.

От качеств очистился, но не остался без качества.
Я — ариф без марифата!*

Уже не знаю о том, что “Ты есть я”, или “я — это Ты”,
ибо в Тебе я исчез, и нет больше двойственности».

Возлюбленный тонет

По воле случая чей-то возлюбленный в воду упал,
и сразу же влюблённый в него прыгнул в поток.

Когда оба добрались друг до друга,
упавший спросил товарища: «О сумасшедший,
положим, я свалился случайно в текущий поток,
но зачем ты туда бросился?»

«Я прыгнул в воду, — ответил тот, —
ибо не отличал себя от тебя.

Много времени утекло, пока исчезли сомнения в том,
что моё “я” и твоё “я” стали единым.

Ты есть я, или я есть ты, сколько можно говорить о двоих?
Я с тобой, или я — это ты, или ты есть ты?..

* То есть «знающий, но без познания». *Ма'рифат*, или *ирфан* — духовное, мистическое познание.

Если ты будешь мной, или я непрерывно буду тобой,
оба будем одним телом, вот и весь сказ».

Пока твоё «я» на месте, любое познание — многобожие.
Когда твоё «я» исчезает, вспыхивает единобожие.

Ты в Нём исчезай полностью, только это — единобожие,
это и есть тафрид, когда теряешь и само «потеряться».

Тайна Аяз

Стоял благоприятный, радостный день,
в этот день Махмуд проводил смотр своих войск.

Собралось в поле несметное количество слонов и пехоты.
Султан поднялся на найденное для него возвышение,

а с ним и Аяз с Гасаном²³⁶ поднялись.

Они втроём принимали парад.

Лицо земли почернело от войск и слонов,
словно саранча с муравьями перекрыли дорогу.

Воочию таких войск мир не видал,
до этого никто ничего подобного не встречал.

Затем заговорил славный султан,
обернувшись к своему приближённому Аязу: «Эй, сынок!

Хотя у меня столько слонов и ратников,
я весь — твой! А ты — мой султан».

Хотя прославленный султан промолвил такое,
Аяз молчал и был слишком бесстрастен.

Не склонился перед султаном,
не восхищался, что ему султан такое сказал.

Гасан, возмущившись, воскликнул: «Эй, раб!
Сам шах тебе почтение оказал.

А ты стоишь так невежливо,
не согнув даже спину в знак уважения,

почему не блюдёшь уважение?

Нет в тебе к шаху признательности».

Услышав этот отзыв, Аяз заметил:

«На это есть два ответа.

Во-первых, если этот изумлённый
перед падишахом склоняется,
или падает униженно на колени пред ним,
или, рыдая, говорит перед ним,
выказывая себя перед шахом то выше, то ниже, —
то всё это значит сравнить себя с ним.

Кто я, чтобы отважиться на такое
и в этом себя показывать?

Ему и раб, и вознаграждение принадлежат,
а я — кто? Все повеления из его рук исходят.

Если за то, что ежедневно победоносный шах делает,
и за эту милость, сегодня Аязу оказанную,
во власть шаха отдадут оба мира, то
даже они, я боюсь, не смогут возместить его милость.

Каким же на этом месте мне показаться?
Кто я? И вообще, почему должен я себя демонстрировать?

Не могу, как должно, ни уважить его, ни почитать —
кто я вообще, чтобы с ним сравниваться?»

Услышав эти слова Аяза, Гасан сказал:
«О благодарный Аяз, ты молодец.

За каждый миг пребывания при шахе — дам расписку! —
ты заслуживаешь и сотню наград каждый миг».

Затем Гасан добавил: «Каков же другой твой ответ?»
«При тебе не положено его говорить, — ответил Аяз. —

Но будь мы с шахом наедине,
можно было бы высказать и этот ответ.

Коль ты не настолько приближён, чтобы это услышать,
как мне делиться с тобой? Ты ж не султан!»

Тогда быстро отослал шах Гасана,
и на фоне войск тот исчез.

[Раз в этом уединении не было ни нас, ни меня,
то нехорошо в нём оставить Гасана, даже если станет он
волоском.]

«Долгожданное уединение наступило, поделись же
тайной, — сказал шах. —

Расскажи мне о ней в своём особом ответе».

«Когда шах своей наивысшей милостью
обратит на меня, бедного, взгляд, — ответил Аяз, —
от блеска луча этого взгляда
исчезнет моё существование полностью.

Сиянием солнца шаха смущённый,
я тотчас и начисто исчезну с дороги.

Раз не останется от меня ни имени, ни существования,
чьи колени мне преклонять, выказывая почтение?

Если ты в этот час заметишь кого-то,
то уже не меня, а шаха мира.

Если одну или сотню милостей ты окажешь,
ты себе их окажешь господством своим.

От тени, которая в солнце теряется,
какого уважения можно ждать в любом отношении?

Твой Аяз — твоя тень, что на твоей улице
в солнце твоего лика потеряна.

Когда раб себя потерял, его больше нет,
всё, что хочешь, делай, ибо сам знаешь: его больше нет».

Стоянка изумления

Затем ты остановишься в пустыне изумления.
Непрестанные сожаление и боль переполняют тебя.

Каждой вздох вонзится в тебя подобно шипу,
с потерей связан каждый проведённый здесь миг.

Дни и ночи стонешь, болеешь и рыдаешь,
и не будет тебе ни дней, ни ночей.

Кровь польётся с корня каждого волоса,
но уже, увы, не от ран от шипов.

Здесь идущий — то угасшее пламя,
то от боли растаявший лёд.

В изумлении он приходит сюда,
удивлённый, перепутав дорогу.

Всё, что прежде думал он о единстве,
исчезает, как и он сам.

Если спросят идущего: «Пьян ты или трезв?»,
не окажется здесь его, чтоб ответить «да» или «нет».

Он будет и внутри, и снаружи,
и рядом, и заметен, и скрыт.

Вечен он или тлен, или — сразу и вечность и тлен,
или не прах и не вечность, или сам это он, иль не сам?

Ответит: «Я не знаю вообще ничего,
и о слове “знать” мне ничего не известно.

Может, влюблён я, но не знаю, в кого.
Не мусульманин я и не габр, но кто я?

И о своей любви ничего мне не ведомо:
переполнено сердце любовью или совсем оно опустело».

Шахская дочь и невольник

У одного хосрова, распростёршего власть до всех
горизонтов,
была дочь, подобная луне, в его дворце жившая.

Своим изяществом, вызывавшим и у ангела зависть, она
могла сравниться даже с Йусуфом с ямочкой!²³⁷

Её локон поранил сотню сердец,
будто нитью связав кончик каждого её волоса с душами
раненых.

Открываясь, луна её лика словно в рай поднимала,
затем возносила до Девы*,

и когда лук бровей выпускал свои стрелы,
восхищаться ей и царствие небесное начинало.

Её пьянящие глаза наносили уколы, словно шипы,
и многие трезвые падали из-за них на пути,

а солнечный лик этой девы, подобной Азре**,
даже луну в небе опережал на семнадцать азра!***

* Игра слов, связанная со следующим бейтом. В оригинале использовано арабское слово, означающее одновременно и брови, и девятый знак Зодиака.

** Дева, персонаж предания, сюжет которого восходит ещё к эллинским ранним источникам.

*** В нардах — окончательная победа над соперником.

Архангел неизменно был озадачен,
видя два рубина её губ, насыщавших душу:
когда они приоткрывались в улыбке, живая вода
умирала от жажды и просила у них подаяния.
На её подбородок взглянувший
вверх ногами соскальзывал в яму беды,
ставший добычей её подобного луне лика
сразу падал в эту ямку, не имея верёвки.
Однажды некий раб, сам подобный луне,
поступил в услужение к падишаху.
Раб был таков, что своею красой
затмил луну с солнцем, воссоединив их в себе²³⁸.
Во всех просторах мира не было равного
ему в миловидности и, тем более, превосходящего в ней.
Сотни тысяч людей на базаре и улицах
поражались красоте этого солнцеликого.
Однажды и девушка взглянула
и увидела лицо раба падишаха.
Отдала ему сердце, страдать начала,
вышел её ум из-под занавеса.
Но ум ушёл, и любовь покорила её,
сладкая душа её горько страдать начала.
Некоторое время размышляла она в одиночестве.
Наконец начала волноваться,
плавясь от страсти и горя разлуки,
с охваченным сильным желанием сердцем.
Владела она десятком наложниц.
Великолепно разбирались те в музыке, а также
на инструментах играли и пели, как соловьи,
их голос душу бодрил, как голос Давуда.
Поделилась с ними своим состоянием,
отринув и честь, и стыд, и свою жизнь.
Если у кого-то любовь к возлюбленным обнаруживается,
не нужна ему будет жизнь в этом месте.

«Если признаюсь в любви рабу, — вслух размышляла она, — поймёт он неверно меня, ибо он — несовершенный»²³⁹.

И это очень повредит моему достоинству,
ведь подобная мне — не для раба.

А если не открою свою тайну,
погибну я жалко за занавесом.

Сто книг прочла себе о терпении.
Что делать? Нет больше выдержки, опускаются руки.

Хочу наслаждаться стройным тем кипарисом,
но так, чтобы сам он не узнал бы об этом.

Если добьюсь своей цели,
болезнь души вылечится согласно желанию сердца».

«Не грусти!» — услышав признание,
ответили сладкоголосые. —

Приведем к тебе его ночью, тайком,
так, что он сам не поймёт ничего».

Отправилась одна из наложниц к рабу,
распорядилась принести тому вино и бокал.

Насыпала в бокал сонного зелья,
и, разумеется, раб себя потерял,
выпивая вино, утратил сознание,
и у прекрасной наложницы вперёд дело сдвинулось.

Весь день до ночи белокожий раб
был пьян, забыв об обоих мирах.

С наступлением темноты наложницы
вошли игриво к нему.

В постель уложили его,
затем, совсем сонного, тайно к девушке перенесли.

На золотой престол усадили его,
посыпали ему голову драгоценностями.

В полночь полупьяный раб
открыл глаза, словно нарцисс распустился.

Увидел дворец, полный красавиц, словно в раю,
кругом стоят золотые престолы.

Горят десятки ароматных свечей,
а благовония жгутся, словно дрова.

И кумиры поют вместе песни!
Ум у раба потерял душу, а душа покинула тело.

Той ночью он был в этом собрании,
как солнце среди блеска свечей.

Среди стольких удовольствий и наслаждений
раб потерял себя в лице девушки.

Он был удивлён, без ума и души,
по сути, не будучи ни в этом мире, ни в мире ином.

Сердце его влечением переполнилось, язык онемел,
от радости душа к восторгу пришла.

От любимого лица взора не мог отвести,
слушая музыку,

с обонянием, захваченным запахом амбры,
и ртом, обожжённым влажным огнем.

Девушка сразу передала ему бокал вина,
вместо пирожных вслед за вином одарив поцелуем.

На лице любимой застыл взгляд его,
поражённого прелестью лица девушки.

Раз его язык обессилел,
проливал он слёзы да чесал свою голову.

Но и девушка, подобная ангелу, каждый миг
проливала на него слёзы сотнями тысяч.

То подносила губам его своими поцелуями мёд,
то перемешивала поцелуи будто с солью себя,
без волненья и горечи.

То играла бунтующими кудрями его,
то очаровывалась магией прекрасных его глаз.

Тот пьяный раб перед любимой
пребывал с собою, но вне себя, с открытыми глазами.

Раб любовался увиденным до тех пор,
пока на востоке не забрезжило утро.

Когда подступил рассвет и задул утренний ветер,
раб, разрушившись, здесь потерялся.

Когда уснул славный раб,
немедленно был он водворён на прежнее место.
Затем, когда белокожий раб
понемногу стал в себя приходить,
взволновался, не зная причины.
Так предначертано было, и сожалеть об этом нет пользы.
Хотя и так он был крайне беспомощен,
но ещё беднее от этого стал.
Разорвал нательную рубашку свою,
выдернул волосы, посыпал землёй голову.
Спросили у той таразской* свечи о его истории.
«Ничего не могу рассказать, — он ответил. —
Виденного мной наяву, пока был пьяным, разрушенным,
никто никогда не увидит даже во сне.
Того, что изумлённый пережил этот,
не припомню, чтобы кому-то пережить довелось.
Не могу рассказать о том, что я видел,
не бывает тайны более странной, чем эта».
Все просили: «Хотя бы о чём-то одном
расскажи нам из сотни того, что ты видел!»
«Я поражён изумлением, — тот отвечал, —
что всё это видел вроде я, а вроде кто-то другой.
Ничего не слышал из всего услышанного.
Ничего не видел, хотя вроде я всё и видел».
«Ты так взволнован и безумен, тебе снился сон?» —
спросил некто, об истории не осведомлённый.
(Не могу сам разобраться доподлинно,
случилось это наяву или во сне.
Не знаю, видел ли я это пьяным,
слышал ли трезвым об этом.
Не найти в мире более странного состояния,
оно — не явное и не скрытое Состояние.

* Тараз — город в Туркестане, где изготавливали красивые, ровные, гладкие свечи.

Не могу о нём говорить, и молчать о нём не могу,
и остаться не могу в изумлении между явным и скрытым.

Ни на миг не прячется оно от души,
и ни на миг не нахожу от него след, даже в размере
крупницы.

Видел я владычицу красоты, само совершенство,
но ничей ум не ухватит его пониманием.

Что такое солнце перед тем ликом?

Крупница! Но только Господу ведома истина о том, как всё
должно быть.

Поэтому незачем дальше продолжать, раз не знаю,
даже пусть и видел её я до этого.

И раз не понять, я видел её или же нет,
остаюсь я взволнован, между скрытым и явным.)

Мать и умершая дочь

Мать оплакивала дочь на могиле её.

Некто сведущий смотрел в её сторону.

«Эта женщина опередила нас, мужчин, — заметил он, —
ибо, в отличие от нас, действительно знает

меру утраты, постигшей её,
и из-за кого она потеряла покой.

Хорошо ей, ибо знает, в чём дело,
и знает, ради кого надо плакать».

Сложна история у этого печальника,
сутками напролёт сидящего в трауре.

Не известна мне суть страдания моего:
кого я оплакиваю горьким дождём?

Я, так плачущий, даже не знаю,
с кем разлучён, и поразился я этому.

Эта женщина обогнала мяч²⁴⁰ у тысяч, мне подобных,
ибо дышит запахом утраты своей.

А мне не удалось даже ощутить аромат Любимого,
и это сожаление лило мою кровь, убивая меня
в удивлении.

На этой стоянке, где сердце исчезло
и даже стоянка тоже исчезла,

потеряно начало верёвки ума,
у дома мышления потеряна дверь.

Кто туда доберётся, потеряет и голову,
и все четыре свои направления.

Но если кому-то здесь удастся приблизиться к двери,
главную тайну он обретёт в один миг.

Суфий и потерянный ключ

Суфий, проходя, услышал, как
некто восклицает: «Потерял я ключ!

Не находил ли кто здесь ключа?
Ибо дверь заперта, а я на улице!

Как мне быть? Если моя дверь заперта,
что делать, неужели навсегда здесь сесть удрученным?»

«Кто подучил тебя сожалеть? — спросил его суфий. —
Раз знаешь, где дверь, уходи, пусть побудет закрытой.

Но если останешься возле закрытой двери надолго,
безусловно, кто-то и отомкнёт тебе дверь».

Твоё дело простое, а моё — посложнее,
горит от удивления моя душа.

У моего дела нет ни начала, ни конца,
никогда не было у меня ни ключа, ни двери.

Прекрасно было бы, если суфий, сильно стараясь,
и нашёл бы дверь, закрытую или открытую.

Людям ни до чего нет дела, кроме воображения.
что́ есть состояние, никому неизвестно.

Кто скажет тебе, как мне быть? Нет, лучше скажи,
как не быть —
если доселе поступал неким образом, то прекрати!..

Попавший в пустыню изумления
каждый миг испытывает бесконечное сожаление.

Но до каких пор терпеть удивление и сожаление,
и раз потеряны следы, как их мне найти?

Я не знаю, а хорошо б знать,
ибо если бы знал, изумлённым бы стал.

Тут моя жалоба превратилась в благодарение.
Неверие стало верой, а вера — неверием.

О шейхе Насрабади

Шейха Насрабади настигла боль.

Дал он обет сто раз совершить хаджж без обоза — вот тебе
мужчина!

После этого кто-то заметил его полуодетым,
в одних шароварах. Ослаблен и сед,

с жаром в сердце и зноем в душе,
зуннар повязав, с открытыми ладонями

он ходил вокруг храма огня.

Однако не было в нём ни вызова, ни болтовни²⁴¹.

«О великий нашего времени, — обратился тот к шейху, —
чем занят ты? Устыдись же!

Сколько раз с таким почётом ты завершил хаджж,
а итогом всего этого стало неверие.

Подобное можно совершить из-за незрелости,
позоришь ты людей сердца.

Какой шейх совершал такие поступки?

Разве не знаешь, чей это храм огня?»

«Мои дела трудными оказались,
огонь проник в мой дом и в одежду,

разорил он меня,
пропали все мои слава и стыд.

Я поражён своим состоянием,
нет больше выхода у меня, кроме этого.

Когда в душу такой огонь попадёт,
разве оставит он в ней славу или позор даже на миг?

Как только попал в эту беду,
разочаровали меня и Кааба, и монастырь.

Если в тебе возникнет крупица удивления,
сотня сожалений возникнет и в тебе, как и во мне».

Ученик видит во сне умершего учителя

Один ученик, солнцу подобный,
увидел учителя своего однажды ночью во сне.

«От удивления сердце моё окровавлено, — сказал
ученик, —
расскажи, что там с тобою случилось.

От разлуки с тобой сердце сгорело, словно свеча,
сгорел я от удивления, едва ты ушёл.

И от изумления я наконец стал искать тайну²⁴².
Как твои там дела, расскажи».

«Я остался удивлённым и пьяным, — ответил учитель, —
и локти всё время кусаю.

На дне этой ямы, в этой тюрьме
мы в гораздо большем, чем вы, удивлении.

Мне крупинка удивления от загробного мира
тяжелее, чем сотня гор в вашем мире».

Стоянка нищеты

После этого следует пустыня нищеты.
Разговоры о ней не одобрены.

На самом деле это стоянка забвения,
в ней есть хромота, глухота, отсутствие чувств.

Увидишь, как из-за одного солнца потеряны
будут сотни тысяч твоих вечных теней.

Когда Великое Море приходит в движение,
уцелеют ли на его поверхности образы?

Оба мира — лишь образы этого моря.
Кто рассуждает иначе — умалишённый, и всё.

В Великом море исчезнувшие
там остаются, навеки в покое потеряны —

сердце наполняется в этом море покоем,
не обретая ничего, кроме исчезновения.

Если вернуть его из забвения,
увидит он сотворённое как оно есть, откроется тайна ему.

Зрелые идущие и мужчины пути,
на арену боли попав,
с пути, бывает, на первом шаге сбиваются.
Второго они уже не предпримут,
поскольку на первом все заблудились.
Считай их неодушевлёнными, хотя и люди они.
И алойное дерево, и дрова, прогорая,
оставляют лишь пепел.
Хотя по форме они одинаковы,
но слишком разнятся по качеству.
Грязь, исчезая в Великом море,
по своему качеству останется мерзкой,
а чистый, погружаясь в Великое море,
и в воде чистоту и красоту сохранит.
Он Им не будет, и он будет Им. Возможно ли это понять?
Это находится за гранью ума, вот и всё.

О Ма'шуге Туси

Однажды ночью Ма'шуг Туси²⁴³, океан тайн,
сказал ученику: «Плавься денно и ночью.
И, когда в любви расплавишься полностью,
станешь тонким, как волосок.
А когда твоя личность станет тонким волоском,
отыщется и тебе место среди кудрей Любимого».
Кто на улице Любимого истончится до волоска,
непременно станет одним волоском из ряда Его волос.
Если ты — дозорный и смотришь на дорогу, —
очнись, ко всему будь внимателен.
Пусть твоё себялюбие лишь кончик волоска занимает —
всё равно семь адов твоим злом можно будет заполнить.

Плачущий от радости

Некий влюблённый однажды горько плакал,
«Отчего эти слёзы?» — кто-то спросил.

«Говорят, завтра Господь, — ответил тот, —
когда окажет честь, явит Свой лик,

то сорок тысяч лет непрерывно
будет длиться общий приём, Им устроенный для Его
приближённых».

История мотыльков

Собрались однажды ночью мотыльки,
в темноте захотелось им свечки.

«Пусть кто-то, — решили мотыльки, —
принесёт хотя бы вестей о нашей любимой».

Один мотылёк улетел, вдалеке увидел дворец,
во дворце заметил луч света.

Развернулся обратно и, прилетев, принялся
рассказывать о свечке по мере своего понимания.

Некий критик, слывший среди мотыльков знатоком,
молвил: «Он о свечке не знает».

Улетел другой и пролетел через луч
и бросился в пламя свечи издалека.

Подлетев, оказался в свете любимой,
свечка оказалась победителем, и он — побеждённым.

Он вернулся и поведал о некоторых тайнах,
описал воссоединение со свечой.

«Нет, это не весть о любимой, — сказал критик, —
ты, как и первый, не знаешь о ней».

Третий взлетел опьянённый,
ликуя, он кружился в огне.

Обнялись они вместе с огнём,
от радости быть рядом с ним забыл мотылек о себе.

Как только охватил огонь его тело,
покраснел и он полностью, словно огонь.

Издали увидев его, критик мотыльков сказал,
что свечка превратила мотылька в свет, как себя.

«Вот тому мотыльку всё известно, — он воскликнул, —
двум другим — нет, а этому ведомо, вот и всё!»

Тот, кто не оставил ни новостей о себе, ни следа,
из всех тайн осведомлён о любой.

Пока не забудешь о теле и о душе,
что ты вообще способен знать о любимых?

Тот, кто принёс вести даже об одном своём волоске,
в крови своей души парисовал уже сотню чёрточек.

Но раз на этом макаме и дыхание не дозволено,
в нём ничтожному места не будет.

Суфий, с коим дурно обошлись

Шёл некий суфий, словно бездельник,
какой-то грубиян его ударил по шее.

Обернулся суфий и с окровавленным сердцем сказал:
«Тот, кто затрещину получил от тебя,

умер ещё тридцать лет назад и ушёл!

Покончил он с выгодами этого мира, ушедши!»

Не нужно столько позы и похвальбы.

Не беседуют мёртвые, устыдись.

Пока ты полон бахвальства, с тобой не о чем говорить,
ты — не приближённый, пока хотя бы волосок от тебя
остаётся.

Пока от твоего «я» есть даже одна крупца в избытке,
между тобой и Любимым — сотни миров.

Если ты стремишься добраться до цели,
трудно будет, пока этот волосок от тебя остаётся.

Сожги все, что у тебя,
брось в огонь всё, вплоть до брюк.

Если у тебя ничего не осталось — не думай о саване,
бросай себя голым в огонь.

Когда станут пеплом и ты, и твои одежды,
станет мелким зёрнышком, наконец, и твоё воображение.

Иначе, если останется у тебя даже иголка, как у Исы,
знай, что ждёт тебя на дороге ещё сотня разбойников:

хотя выбросил Иса одежду,
но иголка предать успела его.

Раз существование на земле — словно завеса,
то не оправданы имущество, деньги, власть, репутация.

Откажись ото всего, что твоё, от одного за другим,
затем начинай с самого себя в одиночестве.

И когда сожмётся твоя душа, отказавшись от чувств
и ума²⁴⁴,

ты выберешься наружу, за пределы и добра, и зла.

Когда их не останется у тебя, влюбишься ты,
и тогда станешь достойным исчезнуть в любви.

Нищий влюбляется в сына султана

Один луне подобный султан с солнечным ореолом
имел сына, красой подобного Йусуфу.

Ни у кого не было столь прекрасного сына,
ни один сын не был окружён таким почётом и уважением.

С ним рядом его поклонники прахом казались,
даже местная знать была у его лица в услужении!

Если ночью он выходил за порог,
то казалось, что новое солнце над полями всходило.

Невозможно описать его лик,
даже блеск луны рядом с ним — пустячок.

Если из его кудрей свить верёвку,
сотни тысяч сердец спустились бы и в колодец по ней.

Обжигающие кудри этой свечи из Тараза
усложняли и без того трудную жизнь всему миру.

Ловушки локонов этого подобного Йусуфу юноши
и за полвека описать невозможно.

Если моргал он глазами, как расцветший нарцисс,
воспламенялся весь свет,

а когда рассыпал сахар своего смеха,
сотни тысяч цветов распускались, не дожидаясь весны.

От его губ и следа не было видно — настолько тонки,
а о том, чего нет, и пересудов не будет.

Когда появлялся он из-за занавеса,
каждая ресница его губила сотню смотревших!

Причиной волнения в мире и в душах был этот парень,
но не хватит мне слов всё о его красе рассказать.

Когда в полях гонял он коня,
сопровождали его мечи оголённые и сзади, и спереди,

Засмотревшихся в его сторону
сразу на дороге вылавливали.

Один бедный дервиш, не знающий ничего,
потерял и верхушку, и корни в любви к тому юноше.

Его надел здесь не предвещал ничего, кроме тревог
и невзгод,
и умирал он, но боялся признаться.

Не найдя, с кем разделить свою боль,
заглушал в душе он любовь и в сердце — горе.

Дневал и ночевал он на улице юноши,
отвернув взор от людсй мира.

Никого в мире он в свою тайну не посвящал,
в одиночестве задавливал своё горе.

Сутками напролёт, со слезами, словно из серебра,
и лицом, словно из золота,
просиживал в ожидании с раздвоенным сердцем.

Держался лишь тем теряющий выдержку нищий,
что тот юноша иногда проходил вдалеке.

Однажды возвращался принц издалека,
весь базар охватило волнение.

Словно сотня воскрешений в мире случилась,
засуетились люди повсюду.

Глашатаи шли сзади и спереди,
каждый час проливая кровь у сотни людей.

Крик «Вон отсюда!» достиг и луны.
Длина войска была чуть не фарсанг.

При криках глашатаев у того нищего
голова закружилась, он пал на землю.

Потерял он сознание, оставшись в крови,
совсем о себе позабыл.

Потребовались бы и сто тысяч глаз,
чтобы его кровь оплакать!

Иногда этот ослабший синел,
иногда истекал кровью.

Его слёзы то замирали от его стона,
то сгорали от зависти.

Наполовину погибший, полумёртвый, полуживой,
в бедности не имевший и полбуханки —

как же столь низко упавшему
можно соединиться с таким принцем?

Был он, незнающий, с полкрупинки тени размером
и вдруг захотел солнце обнять.

Принц шёл с войсками,
и крикнул со своего места тот нищий.

Вскричал он, вышедши из себя:
«Сгорела моя душа, ум тоже ушел!

Сколько ещё мне жечь душу всем этим?
Иссякли у меня выдержка и терпение!»

Произносил такие слова тот ошеломлённый,
ударяясь от боли с каждым возгласом головою о камень.

Помутилось его сознание после выкриков,
кровь полилась из его глаз и ушей.

Глашатай принца об этом узнал,
пошёл к шаху, чтобы обо всём донести.

«В твоего принца, о шахрияр, — он сказал, —
беспокойный жулик влюбился».

От ревности шах потерял рассудительность,
от жара сердца вскипел его разум.

«Возьмите его и повесьте, — велел он, —
связав ноги, повесьте вниз головой».

Стража шаха немедленно отправилась
и окружила этого нищего.

Потащили нищего в направлении виселицы,
возбуждённая толпа собралась вокруг.

Никто не подозревал о его боли,
и никто не просил о его помиловании.

Когда поднял его на эшафот разозлённый визирь,
в огне сожаления нищий воскликнул:

«Ради Господа, дай мне время,
дабы сделать один поклон перед смертью».

Дал ему время гневный визирь,
чтобы он мог поклониться.

Затем при поклоне сказал: «О Боже!
раз шах убивает меня невинного,

перед тем, как душу отдать, так и оставшись незнающим,
сделай лик этого мальчика долей моей.

Чтобы узреть его лик ещё раз
и, уходя, посвятить жизнь его лику.

Если с радостью в лицо этого принца взгляну,
смогу посвятить и сто тысяч жизней радостно.

О Царь! Раб к тебе обращается с просьбой,
влюблён он и убит на твоём пути.

Я — ещё раб этой двери,
влюблён я, но ещё не неверный.

Ты же исполняешь сотни тысяч желаний,
а у меня лишь одно, исполни его, разреши моё дело!»

Когда это пожелал тот невинный пути,
то попала его стрела в цель.

Пока визирь речь эту слушал, тихо
сердце его сжималось от сострадания к бедняку.

Направился к шаху с рыданиями,
рассказал о состоянии влюблённого,
рассказал о его просьбе намаз совершить,
и о его желании при поклоне.

Шаху стало больно из-за него,
он смилостивился и дал согласие на прощение.

Затем шах сразу принцу сказал:
«От этого упавшего не отворачивайся,

вставай и поднимайся на эшафот,
подойди к этому изумлённому и страдающему.

Вызови к себе своего нищего,
он тебя полюбил, будь с ним ласков.

Поступай милостиво с ним, ибо от тебя он страдает,
будь сладок с ним, ибо он твой яд попробовал.

Возьми его с дороги и отведи в сад
и приходи ко мне вместе с ним».

Отправился подобный Йусуфу принц,
дабы находиться с нищим в воссоединении.

Отправился тот огонь, солнцу подобный,
чтобы уединиться со света крупинкой.

Радостно двинулось то море, полное драгоценностей,
чтобы дотронуться до капли.

Всплескивайте теперь руками в восторге,
ликуйте и хлопайте в ладоши.

Наконец, приблизился принц к эшафоту,
переполох поднялся, как в Судный день.

Увидел нищего, умирающего,
увидел его, на землю падающего.

Земля от крови его глаз стала грязью,
бескрайнее сожаление досталось ему.

Исчез он, потерян, до предела уменьшился,
и всем, что и этого хуже, также он стал.

При виде состояния нищего, окровавленного,
слезами глаза принца наполнились.

Хотел принц скрыть слёзы от войск,
но не мог, всё текли и текли его слёзы.

Разразился в тот час он слезами, словно дождём,
боль сотен миров охватила его в ту минуту.

В ставшего искренним в любви
его возлюбленный ответно влюбляется.

Если у тебя любовь подлинная,
твой возлюбленный тебе ответит взаимностью.

Наконец тот принц, солнцу подобный,
ласково подозвал к себе нищего.

Но нищий не знал его голоса,
доводилось ему только вдалеке принца видеть.

И нищий, подняв с земли голову,
увидел внезапно перед собой лик падишаха.

Когда жгучий огонь встречается с морем,
то, как бы ни был он жгуч, не устоит перед морем.

Этот влюблённый дервиш был огнём,
сблизился он радостно с морем.

Умирая, он произнёс: «О шахрияр!
Раз мог ты убить меня так жалко,
не требовались эти ловкие стражи».
Прозвучали эти слова, — и словно его и не было.

Вскричал он перед смертью, жизнь отдавая,
ещё раз свечой радости вспыхнул и ушёл.

Когда стало соединение с возлюбленным очевидным,
абсолютное фана²⁴⁵ он обрёл и уничтожился.

В поле боли идущие знают о том,
что происходит с мужчинами, когда они исчезают в любви.

О ты, чьё бытие смешано с гибелью,
чьё наслаждение сдобрено горем!

Пока не походишь и вверху и внизу,
разве что-то о покое сможешь узнать?

Нури отвечает правоверному

«Каков путь от нашего места до воссоединения?» —
спросил правоверный у Нури²⁴⁶.

«Придётся идти далеко-далеко
и пройти через семь морей огня и света, — ответил тот. —

Если преодолеешь эти семь морей,
тебя в один миг рыба захватит.

Эта рыба, когда делает полный вздох,
глотаёт и первого, и последнего.

Это — кит, у которого не видно ни головы, ни хвоста,
его место — внутри моря состоятельности.

Это — акула, проглатывающая оба мира,
и всех людей поглотит она в одночасье».

От этих слов птицы пустыни, одна за другой,
падали с кровоточащим сердцем.

Все поняли, что натягивать этот лук
гурьбе слабаков не по силам.

От этих слов душа их вскипела,
и на той же стоянке печально многие умерли.

Все эти птицы, достигшие этой стоянки,
выступили в путь с сожалением.

Летели годами по спускам и склонам,
долгие годы посвятили этой дороге.

Разве под силу кому-то ответить на вопрос,
что же на этом пути они видели?

Но если ты тоже однажды выступишь в путь,
то, обозревая всё пройденное, одно за другим,
начнёшь понимать ими содеянное,
прояснится для тебя их страдание.

В итоге из этой толпы
мало кто до порога добрался.

Из всех птиц лишь несколько долетели,
из каждой тысячи только одна долетела.

Некоторые из них утонули в море,
иные просто исчезли, как испарились.

Одни на вершине высокой горы
в жаре, в огне погибли от жажды.

От зноя солнца у других
перья сгорели, сердца обожглись.

Львы и леопарды в дороге
в один присест уничтожили позорно одних,
другие просто исчезли,
словно тоже в твёрдые лапы попали.

Некоторые с пересохшими губами в пустыне
от жажды мучительно умерли.

Некоторые, мечтая о зёрнышке,
покончили с собой, словно безумные.

Были и истощённые до предела,
что отставали по дороге и удалялись.

Некоторые же, чудеса дороги увидев,
застыли на месте.

Некоторые, чтобы развеселиться,
забыв о желании, сбросили напряжение.

Наконец-то из сотни тысяч
туда долетело лишь несколько.

Огромный мир птиц полетел,
но всего тридцать птиц долетели до цели,
тридцать птиц без крыльев и перьев, слабых от истощения,
израненных, при смерти, с разбитыми сердцами и телом.

Увидели Господина без качеств и без возможности
описания,
превосходил Он познание и способности ума к осознанию.
От Него исходило сверкание молнии состоятельности,
зажигая сотни миров в один миг.

Видели, что сотни тысяч могущественных Солнц,
сотни тысяч звезд, и лун, и даже более этого,
собрались в изумлении,
ликуя, словно крупинки.

«Как странно, что солнце —
будто невидимая частица перед этим Господином, —
сказали птицы. —

На этом месте не заметно нас будет,
увы! Напрасны были наши страдания в пути.

Пожертвовали мы собой полностью,
но всё не так, как нам казалось».

Все эти птицы пали духом
и стали словно пол-бисмиллы²⁴⁷.

Наконец из областей изначальных
явился глашатай Величия.

Увидел тридцать птиц, онемевших умом,
без перьев и крыльев, умирающих, с ожогами на телах,
с ног до головы удивлённых.

У них не осталось ни пустоты, ни наполненности.

«Откуда вы, о народ?! — к ним обратился глашатай, —
чего ради на эту стоянку явились?»

О вы, бесплодные! как вас зовут?

Где же обитали вы ранее?

В этом мире кто с вами разговаривать станет,
с ни на что не способной гурьбой слабаков».

«Мы сюда пришли, чтобы

Симург стал нашим падишахом, — ответили птицы. —

Мы все — изумлённые этого порога,

и все — взволнованные и влюблённые этой дороги.

Пролетели мы этот путь за долгое время,

из тысячи долетело до порога лишь тридцать.

Издалека мы прилетели с надеждой,

чтобы рядом быть с Господином.

Пусть сжалится Он над нашими страданиями

и милостиво взглянет на нас».

«О вы, несчастные! — промолвил глашатай. —

С кровоточащим сердцем, сразу и цветку, и грязи подобные!

Независимо от того, есть в мире вы или нет,

Он есть, и Он — абсолютный Господин мира.

Сотни тысяч миров, полных войск,

покажутся муравьями у порога этого Падишаха.

Что проку от вас, кроме стонов,

возвращайтесь же! О униженные...»

При этих словах от разочарования каждая птица

в тот час словно навеки в покойника превратилась.

«Этот Великий Падишах, — спросили птицы, —

выгонит обратно нас с унижением?»

Но от Него бывает ли вообще унижение?

Если исходит от Него унижение, то это — почётно.

Ещё о Маджнуне

«Если вдруг все на земле, — сказал Маджнун, —
примутся непрерывно мне славословить,
то не нужна мне никакая их похвала.
Пусть Лейла меня выберит, это станет мне похвалой, вот
и всё!

Одно её ругательство лучше сотни похвал,
имя её превосходит обладание всеми мирами».

Я сказал тебе о своей вере, о дорогой,
если это меня и унизило.

Говорят, когда молния Величия бьёт, открываясь,
то истребляет все души.

Так что проку душе гореть сотней рыданий,
какова от возвеличивания или принижения польза?

Но толпы сгоревшие крикнули:
«Вот наши души и восходящий огонь!..»

Как мотылёк может сбежать из огня,
если он находится в нём?

Хотя воссоединение с Другом нам не удастся,
но загореться-то можно, и вот тебе дело.

Раз нет возможности достичь желаемого,
не остается ничего кроме совершенного уничтожения.

Птицы и мотылёк

Все птицы мира
взялись обсуждать историю мотыльков.

«Эх ты, слабак! — воскликнули птицы. —
Когда прекратишь тратить драгоценную жизнь?

Раз воссоединение со свечкой тебе не удастся,
не трать жизнь так глупо, что проку желать
невозможного!»

Услышав такое, мотылёк опьянел.
Он ответил этим наивным:

«Этому Возлюбленному довольно, что
если я и не достигну Его, то в Нём исчезну».

Когда все Его любви стали достойны,
то пришли, с ног до головы охвачены болью.

Хотя ни малейшей нужды Он ни в чём не испытывает,
с любовью относился Он к ним.

Слуга милости подошёл и открыл дверь,
каждый миг поднимал он сотни засовов.

И открылся распахнутый мир,
в свете, что превышает всякого света²⁴⁸, дело в порядок
пришло.

Посадил он всех на подушки сближения,
на трон величия и уважения.

И, положив перед ними бумагу,
велел: «Читайте всё до конца!»

Об истории тех людей, например,
можно узнать у этого взволнованного:

Продажа Йусуфа и история тридцати птиц

Когда десять братьев продавали Йусуфа,
для которого жгли и звезды сипанд,

Малик Зоараш при покупке
взял с них расписку, подтверждающую низкую цену.

Расписку он взял с них на месте торгов,
всем десяти братьям сказав: «Вы — свидетели».

Когда Азиз из Египта выкупил Йусуфа,
оказалась с ним та расписка, предательства полная...

Настал час, когда стал Йусуф правителем,
а его братья в Египет пришли,

ища выход, дабы остаться в живых,
ради куска хлеба отдавая и репутацию.

«О люди! — обратился к ним Йусуф. —
У меня бумага, написанная на иврите».

Все они были избранными и потому с ивритом знакомыми,
сказали: «О правитель, принеси нам бумагу».

Глуп тот, кто в таком положении
не припомнит свою историю лишь из-за гордости.

Йусуф вручил им бумагу с их почерком,
и те задрожали от страха,

Ни одной строки они не прочли,
и сказать им было нечего.

Все от горя принялись сожалеть,
как, продав Йусуфа, угодили в беду.

Сразу начал их язык заплетаться,
замерли они под тяжестью сделанного.

«Вы будто потеряли сознание! — сказал им Йусуф. —
Отчего вдруг замолкли, едва начав чтение?»

«Нам лучше замолкнуть, — они ответили, —
чем эти строки читать и отрубать себе голову».

Когда взглянули те тридцать измученных птиц
на строки той солидной бумаги,

на коей всё, совершенное ими,
полностью было записано,

то с трудом начали понимать
эти пленные, когда хорошенько всмотрелись,

что ушли, когда-то сделав свой выбор,
и бросили своего Йусуфа в яму.

Унизили Йусуфа, сожгли его жизнь
и вдобавок продали его.

О ты, бездарь без знака богатства, ты не знаешь, что
с каждым дыханием Йусуфа одного продаешь.

Поскольку твой Йусуф будет царём
и главой к порогу допущенных,

а ты под конец станешь нищим, голодным,
и, когда пойдёшь к нему, останешься наг,

и если твоя судьба будет им решена,
зачем же продавать его за бесценок?

Души тех птиц от стыда и смущения
ожили в вечности, а их тела рассыпались порошком.

Когда они стали очищены от всего общего,
приобрели жизнь благодаря свету Хазрата.

Вновь они стали рабами, но в плене ином,
вновь изумились они, но уже по-иному.

Их прежние деяния и недеяния —
из их сердец всё было начисто стёрто.

Восходило пред ними Солнце сближения,
своими лучами их души рассеивая.

И за образом лика Симурга Вселенной
рассмотрели птицы Его лик в тот же миг.

И, едва рассмотрев, сразу те тридцать птиц
осознали, что все тридцать — Симург, на которого
и смотрят они.

От изумления все растерялись,
преобразились, о том и не зная, и стали иными.

Смотрел на себя настоящий Симург,
сам себя непрерывно созерцающий в этой тридцатке.

Когда в сторону Симурга взор они обращали,
тот Симург был этими тридцатью здесь.

Когда взгляд переводили они на себя,
эти тридцать здесь были Симургом, но уже — там.

А если одновременно всматривались и в себя, и в Симурга,
все становились единым Симургом, без увеличения и без
уменьшения.

Этот был тем, а тот — этим,
никто во всем мире не слышал такого.

Утонули все птицы в великом удивлении,
без единой мысли находясь в размышлении.

В случившемся ничего не поняв,
к Хазрату безмолвно воззвали они.

Просили Его открыть величайшую тайну,
чтобы в моём и твоём «я» разобраться.

Господин откликнулся без единого звука:
«Этот Симург, солнцу подобный, есть зеркало.

Пришедший к нему и заглянувший в него
и душу, и тело, и их сочетания — всё в нём увидит.

Поскольку здесь вас тридцать пришедших,
тридцать птиц вы и видите в зеркале.

А если здесь вас окажется сорок или полсотни,
то и с этой истины вы подобным образом вновь снимете
занавес.

Хотя много выстрадать вам пришлось,
но видите вы себя, и видели только себя.

Разве кому-то дано видеть Нас?
Разве глаз муравья видит звезды?

Встречался ли вам муравей, наковальню несущий?
Или комар, поднявший своим жалом слона?

Всё выученное после испытанного вами состояния
не имеет значения,
равно как и сказанное, и услышанное,
как все стоянки, что у вас позади,
и всё мужество, каждым проявленное.

Лишь в Наших действиях вы пребывали,
а на стоянке Нашей сути и качеств словно все спали.

И пусть вы остались тридцатью удивлёнными птицами,
уже без сердца, без выдержки и без души,
но Мы неизмеримо выше Симурга как некоего качества,
ибо Мы суть Симург с подлинными качествами.

Исчезайте в Нас с сотней оттенков нежности и
почтительности,
дабы, побывав у Нас в глубине, иными себя обрести».

И наконец птицы исчезли в Нём навсегда,
тень потерялась в солнце, и всё.

И об этом беседа шла, пока они шли,
и едва добрались, не осталось у них ни корней, ни голов.

И оборвать здесь речь неизбежно:
не осталось ни идущего, ни предводителя, путь окончен.

Ещё о Халладже

Говорят, когда в языках пламени
сгорел Халладж полностью,
подошёл некий влюблённый с палкой в руках
и присел возле таза с пеплом²⁴⁰.

А потом держал пламенную речь,
перемешивая весело пепел.

Говорил: «Скажите правду, где теперь тот,
кто охотно кричал: “Я есть истина”?»

Всё, что ты слышал и говорил,
и всё, что ты повидал и узнал,

всё это — не более чем сказки начало.

Исчезай, ибо в этих руинах не место тебе.

Требуется универсальное, чистое и состоятельное,
а частное, есть оно или нет, совершенно не важно.

Есть солнце истинное, и постоянно оно,
скажи: не частица его мне нужна, и не тень! вот и всё.

После того, как прошло более сотни тысяч веков,
веков без времени, без конца и начала,

этих невечных птиц с нежностью
вернули самим себе, прервав их исчезновение в вечности.

Вслед за тем, как все пришли без себя, но с собою,
возросло после исчезновения их бытие.

Но никаких разговоров о вечности и исчезновении нет,
будь то новые разговоры или старинные, ибо

выразить скрытый за этой историей опыт так же
недоступно представляется,
как описывать расположенное за пределами зрения.

— Но вдруг, например, некие наши друзья
пожелают узнать о вечности после исчезновения? —

Но разве можно об этом здесь говорить,
ради этого надо сочинять книгу совершенно иную,
ибо тайны вечности после исчезновения
открываются лишь их достойным.

Пока ты колеблешься между бытием и уничтожением,
неужели ты сможешь шагать по этой дороге?

Раз не осталось у тебя ни того, ни другого,
как ты можешь спать, о глупец?

Открой глаза! Если суть и конца, и начала
узнать лишь под конец, какой будет от этого прок?

Он создал человека, проведя чрез зачатие с нежностью
и уважением,
чтобы стал тот и умён, и полезен.

Приоткрыл ему Свои тайны,
передал ему знание о своём деле.

Затем уничтожил его, стерев полностью,
и сбросил его с великой вершины.

Опять в придорожную пыль его превратил
и повторно на пороге смерти некоторое время держал.

Затем на пороге полного исчезновения сотни тайн
поведал ему без единого слова.

Потом даровал ему безбрежную вечность
и из безграничного уважения сделал долей его предельное
унижение.

Ты не понимаешь, кто ты перед Ним,
очнись ото сна и глубоко поразмысли!

Пока твоя душа не отдана Падишаху,
в том месте не получишь ты Его одобрения.

Пока не уменьшился ты до исчезновения,
в вечности никогда не обрести тебе истину.

Сначала бросят тебя на дорогу, унижениям подвергая,
затем внезапно с почестями могут обратно принять.

Исчезай, чтобы Бытие пришло за тобой,
пока жив ты, разве Жизнь прикоснётся к тебе?

Пока не исчезнешь в унижении уничтожения,
не обретёт в тебе величие Вечности подтверждение.

Падишах и сын визиря

Жил некогда падишах, невероятно могущественный:
целых семь государств держал в подчинении.

В командовании равен был он Искандару,
от Кафы до Кафы было не счесть его войск.

Простиралось его величие выше луны,
и она в его свете дважды теряла лицо.

Служил тому хосрову великий визирь,
утончённый и проницательный, согласно сану.

У опытного визиря был сын,
красою лица не уступавший красоте мира.

Никто никогда не видал прекраснее юноши,
и ни один красавец не имел такого почёта, как он.

Сердца настолько при виде его ликовали,
что днём он даже опасался дом покидать!

И если же восходил он луной среди дня,
словно сто воскресений наступали воочию.

В мире живом от начала времён и до вечности
не появится человек его притягательнее.

Лучезарно лицо его было, как солнце,
аромат мускуса распространяли локоны.

На милом его лице-солнце
рот и губы казались крупинкой,

их рисунок вводил людей в сумасшествие,
и исчезали даже звёзды в нём сотнями.

Но если звезда сама указывает путь в мире²⁵⁰,
разве не чудо, что тридцать звёзд поместились
в крупинке!?

Когда облакачивался он на подушки, его чёлка,
даже откидываясь, берегла свою высоту.

Каждый завиток локона серебрянотелого отрока
сокрушал в миг сто миров.

Каждый локон жил своими уловками,
на кончике каждого таилась сотня чудес.

Брови его — подобие лука,
но разве найти достойные его руки?

Очаровывали его глаза своей магией,
каждая ресница по-своему околдовывала.

Алые губы его — словно источник живой воды,
радостью светлый и сладкий, как сахар.

Нежный румянец щёк берёт все оттенки красоты,
как оперение — попугай, окунутый в источник граней
совершенства.

Рассказывать о его зубах — знак невежливости,
ибо великолепием покрыты те драгоценности.

Его движения — само изящество,
им восторгается прошлое, восхищается будущее.

И целой жизни не хватит
передать красоту этого прелестного мальчика!..

В общем, шах из-за него опьянел
и в беде любви к нему себя потерял.

Хотя великими были его царственность и почёт,
тонким серпом ощущал он себя в печали об этой полной
луне.

Настолько он в эту любовь погрузился,
что уже вернуться в себя был не в силах.

На секунду не мог оторваться от мальчика:
сразу кровоточило рекой его беспокойное сердце.

В его отсутствие не было шаху покоя,
желая встреч, терял он терпение.

Даже уснуть не мог без него он ни днём, ни ночью,
стремился быть его собеседником сутками напролёт.

С утра до вечера держал его рядом,
делился с красавцем своими секретами.

Когда ночная тьма окутывала дворец —
как ни бывало у шаха ни сна, ни покоя.

Мальчик засыпал перед шахом,
и шах его лицом любовался.

Всю ночь яркая свеча
освещала спящего отрока.

Не мог наглядеться шах на лицо луноликого,
испытывая по сотне мук каждую ночь.

То осыпал цветами его,
то с него пылинки сдувал.

То, изболевшись любовью, проливал
слёзы на лицо его дождём бесконечным.

То вдруг пир устраивал с луноликим,
поднимая бокал в честь возлюбленного.

Не мог без него и мига прожить,
мальчик стал ему нужен, как воздух.

Ох, как трудно было мальчику.
Он постоянным страхом был скован.

Боялся на минуту шаха покинуть:
тот ревнивец голову бы ему отрубил.

Скучали по сыну отец с матерью:
вот бы взглянуть на родное лицо!

Но не смели шаху в этом признаться,
и так эта история долго тянулась.

По соседству с шахрияром
жила солнцеликая миловидная девушка.

Загорелся мальчик с ней повстречаться,
вспыхнул из-за неё, как огонь.

Однажды ночью пирушку затеял,
устроил сборище ярким, как своё лицо.

Тайком от шаха посидел рядом с ней,
как раз когда тот уснул, выпив лишнего.

В полночь шах, полупьяный,
выскочил из спальни с кинжалом в руках.

Метался в поисках мальчика, не находя,
наконец ворвался туда, где пара сидела.

Увидел их вместе с девушкой,
их решительность в любви сразу заметил.

От этого огонь ревности
опалил сердце славного шаха.

Влюблённый, пьяный и властный султан
с кем-то видит своего любимца! возможно ли это?

«Предпочёл шаху иного...

Вот это глупость! — подумал падишах. —

То, что мной сделано для тебя,
никогда ни для кого никем не делалось.

И если такова твоя благодарность,
что же — благодари своим верным поступком.

И ключи к сокровищницам — у тебя,
и достойнейшие мира перед тобою склонялись.

Я — твой неразлучный спутник и поверенный в тайнах,
неизменно ты, как никто иной, приближён ко мне —
и украдкой посиживаешь с какой-то босячкой?
Очищу я от тебя мир сейчас же!»

Высказавшись, шахрияр распорядился
связать накрепко бывшего друга.

Его нежное тело превратили из белого в синее,
избивая палками, таща по дороге.

После этого шах приказал его
в зале приёмов повесить.

«Сначала кожу снимите с него,
затем вверх ногами повесьте, — шах сказал, —
чтобы тот, кто для падишаха стал близким,
никогда не смел перевести взгляд на другого».

Схватили мальчика унизительно,
дабы поднять на виселицу его пьяную голову.

«О ты, милый мой, — об участи сына узнав,
вымолвил скорбно визирь, —
что за “добро” на твоём пути появилось?
Что за судьба у тебя, что тебе шах стал врагом?»

Итак, десять шахских стражей
за дело взялись — казнить мальчика.

С сердцем, полным горя и боли, пришёл к ним визирь
и вручил каждому по блестящей жемчужине.

«В эту ночь шах наш пьян, — визирь убеждал, —
да и на мальчике небольшая вина.

Подумайте: едва славный шах отрезвеет,
пожалует он о содеянном беспокойно,
нет сомнений, что из приложивших руку к убийству
никого в живых не останется».

Тогда ответили стражники:
«Если шах придёт к пустой виселице,

нашу кровь он прольёт, не замедлив,
и подвесит уже нас вверх ногами».

Тогда визирь доставил из тюрьмы злостного убийцу,
с которого кожу и сняли, как с чеснока пленку.

Вверх ногами повесили его,
и его кровью земля обагрилась.

А мальчика спрятал за занавесом²⁵¹, —
посмотрим же, что из-за него принесёт нам судьба.

На следующее утро шах, отрезвев,
продолжал гореть от гнева по-прежнему.

Стражу призвал узнать:

«Что сделали с этим щенком?»

«Надёжно повесили в зале приема его, —
был ответ, —

сняли всю кожу с него, и сейчас
висит он вниз головой на виселице».

Выслушав ответ полностью,
обрадовался шах словам десяти стражников.

Каждого одарил дорогим нарядом
и повысил в звании.

Потом добавил: «Пусть в унижении
висит подольше — болтается,

чтобы всем людям преподать урок
делом этого грязного подлеца».

При слушании этой истории у жителей города
болью за мальчика сердца переполнились.

Многие пришли взглянуть на него,
но признать никто не смог его.

Видели тело, вниз головой висящее —
окровавленное мясо без кожи.

Все очевидцы — взрослые и дети —
не могли сдержать слез, как ни старались.

Целый день до глубокой ночи были жители в трауре,
город полнился сожалением, болью и стонами.

Спустя несколько дней, без любимого,
о содеянном шах стал сожалеть.

Гнев рассеивался, любовь в такую силу вошла,
что львиное сердце шаха в муравьиное превратила.

Вспоминал, как с Йусуфу подобным
днём и ночью радостен он был в своих покоях.

Познавший опьянение в постоянном соединении с вином
разве выдержит похмелье разлуки?

Наконец невыносимым каждый миг сделался,
разрыдался шах и не мог этого прекратить.

Душа его горела болью разлуки,
терпение лопнуло, взорвался покой от желания.

Погрузился шах в раскаяние:
глаза полны крови, голова посыпана уличной пылью.

Траур надел, двери запер,
удинившись, сел в пепле и крови.

Есть и пить перестал,
и сон покинул окровавленные глаза его.

С наступлением ночи шахрияр вышел,
прогнал всех из приёмного зала.

Приблизился к виселице,
стал припоминать мальчика, жизнь его.

Едва ярко вспомнил манеры, привычки,
как вырвался крик из корня каждого волоса.

Боль безмерная охватила сердце его,
скорбь усиливалась с каждым мгновением.

Над погибшим горько рыдая,
натирал своё лицо его кровью,

бросался на землю,
царапая руки.

Никто бы его слёз не измерил —
их было больше, чем в сотне дождей.

Всю ночь до утра он был в одиночестве,
подобно свече среди слёз и возгораний.

Когда задул утренний ветерок,
шахрияр вернулся к себе в покой.

Забросав себя землёю и пеплом,
миг за мигом отдавал он несчастью.

Спустя сорок дней, полных страданий,
тот славный шах похудел, словно волос.

Запер он дверь и под виселицей
стал за трупом ухаживать, болея из-за него.

В течение этого времени никто не посмел
даже попробовать заговорить с ним.

Спустя сорок дней без воды и хлеба
увидел во сне мальчика ненадолго:

лунное его лицо залито слезами,
с ног до головы был он в крови.

«О мой нежный, радость души», — вымолвил шах, —
отчего целиком ты в крови?»

«Из-за твоей любви я в крови, — тот ответил, —
из-за твоей неверности я стал таким.

Кожу содрал с меня, невинного.
Разве это верность, о падишах?

Такова разве дружба, и любовь такова ли?
На подобное не способен даже неверный, быть самому
мне неврным, если лгу.

За что казнил ты меня?
Зачем голову отрубил, вверх ногами повесил?

Не хочу смотреть на тебя,
до самого Дня Суда не прощу.

Когда же придёт День Суда,
Господь за меня тебе отомстит».

Услышав от того луноликого такие слова,
шах сразу проснулся с переполненным кровью сердцем.

Охватило его душу желание,
тяжесть на сердце начала усиливаться.

Совсем себя потерял, разум утратил,
ослабел от бесконечной печали.

Стал вести себя, как сумасшедший,
и беспрестанно рыдал.

«О моя душа, моё сердце, бедняжка, — восклицал он, —
от твоего горя перевернулись мои сердце с душою.

О ты, из-за меня страдавший,
затем моей жертвой ставший,

никто, как я, не уничтожил себя
и не сделал своими руками того, что я натворил.

Если я окровавлен, то по заслугам,
ибо убил я возлюбленного своего.

Смотри, где бы ты ни был, мой мальчик,
не перечеркни наше знакомство, о мальчик.

Я был подл, но ты не делай подобного,
ибо я совершил скверное в отношении себя.

Я в такой трудности и печали из-за тебя,
что посыпаю землёй голову из-за тебя.

Где искать тебя, о моя душа!
Пощади моё изумлённое сердце.

Если ты страдал от меня, неверного,
то ты — верный, не мучай меня.

Если по ошибке пролил твою кровь,
сколько крови моей души, о мой мальчик, прольёшь?

В пьяном угаре этот грех совершил
и за это ударен судьбой.

Раз ты мир покинул раньше меня,
как могу я здесь жить продолжать?

Без тебя я себя потерял и теряю,
мне осталось несколько мгновений жизни.

Вот-вот умрёт шахрияр,
чтобы жизнью заплатить за пролитую кровь.

Не боюсь я смерти своей,
но боюсь я зла своего.

Даже если вечно душа моя будет просить прощения,
то за этот грех просить пощады не сможет она.

Лучше было бы сразу голову мечом отрубить,
чтобы исчезла из сердца боль сожаления.

О Творец! Сгорело в этом изумлении сердце,
и сгорел полностью в сожалении.

Не хватает терпения переносить разлуку,
сколько ещё душе гореть от желания?

Возьми мою душу из милости, о Справедливый,
ибо иссякло у меня терпение».

Говорил он эти слова, пока не умолк
и в своём молчании утратил сознание.

Наконец пришёл гонец милости,
наступил черёд благодарить после жалоб —
когда боль падишаха перешагнула пороги возможного,
скрытно там появился визирь.

Затем он ушёл, тайком нарядил мальчика
и направил его к падишаху.

Вышел тот из-за занавеса как луна из-за облака,
подошёл к нему с мечом и саваном.

Пал на колени перед шахрияром,
проливая слёзы дождём.

Шах мира увидел ту луну.

Чтобы его состояние описать, нет слов у меня.

Шах пал на землю. Мальчик — весь в слёзы.

Никто не знает, как это чудо произошло.

Последующее неопишуемо, если пробовать рассказать,
ибо дно жемчужины непробиваемо.

Едва пришёл шах в себя после разлуки,
отправились в особые покои оба весело.

Дальше — тайна, никому не известная,
не место здесь посторонним глазам.

Тот рассказал — услышал другой,
слепой видел то состояние, а глухой его слушал.

Кто я, чтобы это описывать?

И если возьмусь, то подпишу себе приговор,

если неуклюже расскажу эту повесть.
Или же надо молчать, вот и лишился я выхода.

Если сверху снизойдёт вдохновение,
сразу запечатлется во мне и дальнейшее.

Но если нет знания даже размером и с кончик волоса,
то, кроме молчания, нет здесь иного мне выхода.

Нет ценней, чем безмолвие, украшения
для меча языка.

И хоть лилия обладает десятью и более языками,
но в молчание она влюблена.

Тут и рассказу конец,
пора к делу, сколько можно витийствовать, всё!

Эпилог

О Аттар! Ты разбрасывал в мир
сотню тысяч благоуханных тайн каждый миг.

Твой аромат наполнил пространство до всех горизонтов,
все влюблённые в мире пришли в восторг от тебя.

То веди речь о любви, что суждено человеку иметь,
то играй музыку, для влюблённых написанную.

Твои стихи — капитал для влюблённых,
влюблённым они непрерывно дают состояние.

Читатель, для тебя завершается описание логики птиц
и их макамата,
словно исчезает свет закатного солнца.

[Сам не пойму, это — макамат пути удивления?
Или это — сборник скитальчества?]

С болью погрузись в этот сборник,
оставь жизнь и выходи в это поле,
в котором жизнь исчезает,
и даже само поле теряется.

Если ты идёшь по нему без страдания,
не различишь ты в нём даже пыли.

Раз конь твоей боли сделал шаги,
то не дай ему шагать лишь для удовольствия,

учись разочарование превращать в свою пищу,
ибо иначе не оживёт твоё удивлённое сердце.

Покупай себе боль словно лекарство,
в двух мирах лекарства душе — твоя боль.

О мужчина пути, не взирай на мою книгу
высокомерно, словно на пустые стихи.

Читай мой сборник, переживая страдания,
чтобы из сотни мук поверить только одной.

Тот до Него докатит мяч счастья,
кто от страдания идёт в эти строки.

Брось праведность, брось простоту,
требуются боль и несчастья.

Пусть тот, у кого боль возникла, не находит лечения,
а тот, кто хочет лечения, пусть не обретает души.

Нужен мужчина, жаждущий, голодный, лишаящий себя
сна,
не утоляющий жажду до обретения вечности.

Болью этих слов не пронзённый
не поймал и пылинки с дороги влюблённых.

Тот, кто это прочёл, может стать мужчиной пути,
тот, кто постиг этот смысл, способен путём обладать.

Люди внешнего утонут в моих словах,
но люди смысла — мужчины моих тайн.

В этой книге — укрепление времён,
в ней польза и аристократии, и толпе.

Если приступил к чтению замёрзшим, как лёд,
прочтя, с превосходным настроем вырвешься из-за
завесы.

Моя проза обладает чудесной особенностью
каждый миг дарить благо.

Если тебе удастся её перечитать несколько раз,
несомненно, с каждым разом она тебе будет всё больше
нравиться.

Она свежа, как невеста в нежном наряде, с которой
фата поднимается постепенно, и не иначе.

До Судного Дня ни один безумный, кроме меня,
не доверит бумаге то, о чём я пишу.

Рассыпаю жемчуга со дна моря правды,
закончил я речь — пред тобой этому знак!

Если много себя буду расхваливать,
вряд ли кто одобрит мою похвальбу.

Но справедливый знает мне цену,
ибо не скрыть свет моего полнолуния.

Чуть-чуть намекнул о своём состоянии,
но знающий речь, вне сомнений, оценит.

То, чем я головы людей посыпал,
увековечит меня, если умру, до Судного Дня.

Уста людей до дня отчёта
будут это хранить, и достаточно такой памяти.

Если уничтожатся эти девять кругов,
ни точки из этих писаний не будет утрачено.

Если тебе укажет на путь эта книга,
затем приподнимет занавес перед тобой,
то, обретая покой в этой памяти,
проси молящегося при молитве вспомнить меня.

Я рассыпал цветы из тайного сада,
о друзья, добрым словом вспоминайте меня.

Каждый герой в этой книге
показал себя, как он есть, и прошёл.

Несомненно, и я, вслед за ушедшими,
показывал спящим птицу души.

Эти слова, даже если спал долгую жизнь,
сердце сразу разбудят тайной своей.

Знаю наверняка, принесёт плоды моё дело,
закончатся мои горе и болезнь.

Сжигал себя, словно лампаду,
пока не вспыхнул весь мир, как свеча.

Заполнен дымом лампы мой ум,
я — свеча рая, доколе покрываться сажей лампы?

Потерял я дни, ночами нет сна,
из-за огня сердца не осталось воды в печени.

Говорю сердцу своему: «О, болтун!
Когда же прекратишь говорить, молчи! Ищи тайну».

«Я окунуто в огонь, не приставай! — ответило сердце. —
Сгорю я, если буду безмолвствовать!

Сотней образов бурлит море души,
как при этом молчать даже час?»

Этим я никому не хвастаюсь,
занят я этим ради себя самого.

Сердце полнится болью,
но не по плечу мне сказать обо всём, и не пора ль
прекратить?

Но всё это присказки о тщете,
дело мужчин очищено от хвастовства.

Когда сердце занято суетой,
на что годится оно, став болтуном?

Много раз надо эту душу отбросить
и разочароваться в этой тщете.

До каких пор море души будет кипеть?
Душу бросить придётся и замолчать.

Последний совет Искандара

Когда умер Искандар на пути веры,
Арасту* воскликнул: «О царь веры!

Разные советы все от тебя получали, пока ты был жив.
Сегодняшний твой совет наконец-то люди поймут».

О сердце, прими совет, чтоб не утонуть в водовороте бед:
оживай, ибо смерть стоит за тобой.

Я о языке и логике птиц полностью
рассказал тебе, осознай, о незнающий!

Есть птицы среди влюблённых,
улетающие перед смертью из клетки.

* Арасту — Аристотель.

Повесть о них требует иных языка с описаниями,
ибо другая речь у тех птиц.

Перед Симургом тот создаст эликсир,
кто постиг язык всех этих птиц.

Представь себя знающим о духовном богатстве
среди мудрости греков:

пока не отделишься ты от той мудрости,
станешь ли мужчиной мудрости, приоткрываемой верой?

Тот, у кого на пути любви с языка всё время срывается имя
Его,

в тетради веры ещё не прочёл о любви.

Действительно, мне более по душе «Н» неверия,
чем «Ф» философии,

ибо если занавес неверия станет зримым,
ты уже способен его избегать:

та наука судит и рядит о вещах и причинах,
но этим лишь наносит ущерб ищущим знание.

Освети хотя бы одно сердце та мудрость,
не сжёг бы её «разделитель»*.

Но если «свеча религии» сожгла мудрость Греции,
значит, не зажжёшь свечу сердца теми познаниями.

О мужчина веры, тебе довольно мудрости Йасриба*,
посыпь прахом Грецию, боль веры испытывая.

О Аттар, до каких пор тебе говорить?
Всё-таки ты не мужчина этого чудного дела.

Очищенным покинь себя самого,
исчезни так, чтобы на земле прахом остаться.

Пока ты есть, растопчет тебя любое ничтожество,
когда исчезнешь — подобно короне любую голову сможешь
украсить.

* «Разделитель». «свеча религии» — эпитеты Омара, второго праведного халифа.

* Древнее название Медины.

Исчезай ты, дабы птицы пути
к порогу бессмертия пустили тебя.

Моего слова достаточно, чтобы тебя повести,
ибо оно — пир пути для любого.

Даже если и не имею отношения к птицам пути,
то о них я поведал, и уже достаточно этого.

Но пыль от их каравана досталась и мне,
я с теми ушедшими в доле — их боль жива и во мне.

Пир отвечает суфию

«Долго ли о правоверных мужчинах ты можешь
сказывать?» —

некий суфий допытывался у старого пира.

«О! так женщинам всегда нравится, — ответил тот, —
когда о мужчинах беседуют».

Если я не из них, хоть о них и рассказывал,
мне хорошо оттого, что поведал эту историю от души.

Пусть, кроме названия, от сахара нет ничего, —
это лучше, чем иметь рот, полный яда.

Вся моя книга — это безумие,
уму чужды её слова.

От этого отчуждения душа не очистится,
пока не отыщет аромат сумасшествия.

О чудо, будто не знаю, о чём говорю, —
до каких же пор можно искать не потерянное, о диво!

От богатства отказался по глупости,
уроки давал легкомысленным лодырям.

Если скажут мне: «О заблудившийся,
ты сам просил прощения о своих грехах, и вот оно, мол»,

Не знаю и вообще такое возможно ли,
и смогу ли оправдаться за сотни жизней.

Если бы даже мгновение я был на Его пути,
в стихию этих стихов я не погрузился бы так.

Если бы я был упрочен на Его пути,
мои стихи всегда мне казались бы злом.

Сочинять стихи — признак бездарности,
выставлять себя напоказ — признак глупости.

Раз в мире ни одного единомышленника я не обрёл,
в своих стихах пришлось высказать многое.

Если ты — ищущий тайну, разыщи же её!
Отдай душу, плачь кровью и ищи её.

Ибо я пролил кровавые слёзы,
пока написал такие слова, льющие кровь.

Если вдыхаешь запах моего глубокого моря,
ощутишь и запах крови от слов.

Отравленным ядом нововведений
достаточно противоядия, что в этих высоких словах.

Но хотя я — Аттар, противоядие продающий,
печень сгорела у меня самого, словно я браком торгую.

Есть люди неблагодарные, есть и незнающие,
поэтому я в одиночестве печень и ем.

Когда на сухари перейду,
замочу их в слезах, словно в приправе.

Своим сердцем обожгу этот стол
и угощу я иногда и архангела.

И если архангел со мной трапезу разделял,
неужели преломлю хлеб с подлецами этого мира?

Не нужен мне хлеб всяких бездарей,
довольно мне черствой корки и слёз на закуску.

«Величие сердца»²⁵² бодрит мою душу,
скромность стала моим «бессмертным сокровищем».

Разве обеспеченный такими сокровищами
сможет унизиться перед встречными подлецами?

Слава Богу, что во мне нет печали,
что не зависел от необходимости унижения:

не ел я пищу ни одного тирана
и никому не посвятил ни одной книги.

Достаточно мне восхищенности и моей высокой воли,
пищи для тела и силы души мне хватает.

Прошедшие к себе забрали меня,
к чему же терпеть мне здесь всех себялюбцев?

Когда я освобождён от этих людей,
то радостен я вопреки сотне бед.

Хорошо, что мне не до этих злоумышленников,
хвалят они меня или бранят.

Настолько я безысходен в своей боли,
что отвернулся от всех горизонтов.

Знал бы ты о моих сожалении и боли,
превзошёл бы меня в изумлении.

Ушли тело с душой, и от них
нет иных следов в моей доле, кроме боли и сожаления.

Знающий путь при смерти

Некий знающий путь сказал при смерти в агонии:

«Раз не скопил при себе я припасов,

то создал глину из пота стыда
и сделал кирпич из неё.

Ещё флакон слёз есть у меня,
а порванных тряпок хватит для савана.

Сначала этими слезами омойте меня,
а тот кирпич в завершение подложите под голову.

И тот саван омыл я слезами,
повсюду «увы!» на нём написав.

Когда оденете меня в чистый саван,
споро земле придайте меня.

После этого до Судного Дня облака
ничего не прольют на мой склеп, кроме «увы».

А знаешь, ради чего столько «увы»?
Потому что комар не может жить в ветре.

Тень ищет соединения с солнцем,
но не найдё никогда, вот тебе и невыполнимое, и беда!

Хотя невозможно это само по себе,
но, кроме мысли о невозможном, у неё нет мысли вообще.

Тот, кто не начал думать об этом,
подыщет ли что-либо более стоящее, чтобы
поразмышлять?

Вижу задачу каждый миг усложняющейся,
но разве можно сердце своё избавить от этой задачи?

Кто ещё есть, подобный мне одному, оставшемуся в
одиночестве,
утонувшему в море с сухими губами?

Не с кем тайны делить, нет собеседника,
нет сочувствующего и единомышленника.

Не достаёт воли, чтобы кого-либо возвеличивать, —
отнюдь не в этом мраке пребываю в духовном уединении я.

Ни о других, ни о себе я не думаю,
о плохом ли, хорошем — и об этом не думаю.

Не желаю пищи султанов —
и исключено для меня от прислуги получить
подзатыльник.

Но не переносу одиночества и на момент,
сердцу даже на миг разлука с людьми не по силам..

Я в своём состоянии, перевёрнутый, подобен
тому святому, который о себе так рассказал:

Святой при смерти

«Полных тридцать лет, — молвил, уходя, верующий, —
провёл я, не зная себя самого,
пропавши в себе, как Исмаил
в тот миг, когда отец намеревался отрезать ему голову».

Как быть тому, кто провёл целую жизнь
так, как тот момент прожил Исмаил?

Кому известно, как в этом мучительном заключении
провожу я свои ночи и дни?

То свечой горю в ожидании,
то весенним облаком разрыдаюсь.

Тебе легко смотреть на свет от свечи,
не замечая в её верхушке огня.

Тот, кто разглядывает тело извне,
разве когда-либо доберётся до сердца?

На изгибе Твоего чугана я словно шарик, никак
не отличу ногу от головы, а голову — от ноги.

Увы! мне никто не поможет,
растратил я в праздности свою жизнь.

Что проку, что когда-то я мог, но не знал,
ведь когда узнал, то уже было поздно — не смог.

И теперь, кроме дряхлости и бедности,
иного не будет мне выхода.

Мнение знающего

Когда к знатоку веры приблизилась смерть,
он заметил: «Если бы знал я до этого,
что слушание превосходит говорение,
не стал бы тратить жизнь на слова».

Даже если слово блесит, словно золото,
не произнести его — гораздо лучше.

Дело стало судьбой отважных мужчин,
а наш удел — рассуждения, и это — страшное бедствие.

Обладай ты болью веры, подобно мужчине,
доверился бы тому, что скажу я,

хотя и знакомый тебе, но твоему сердцу — чужой,
ведь тебе моя повесть кажется сказкой.

Хотя, впрочем, спи в удобной тебе непокорности,
пока я байку тебе ласково расскажу.

Если Аттар тебе с нежностью поведает басню,
уснёшь ты спокойно! Ибо сон тебе слаще.

Но как много вылили масла в песок!
Сколько драгоценностей надели на шею свинье!

Накрыли этот стол с таким изобилием,
но сколько голодных из-за стола поднялось!

Сколько ни убеждал, нафс не подчинялся.
Сколько ни врачевал его, он не излечивался.

Раз я ни на что не способен,
умываю я руки и в сторону отхожу.

Тягу к Истине надо испрашивать у Всевышнего,
ибо привить её — дело не для моих рук.

Пока нафс с каждым мигом жиреет,
нет надежды на улучшение положения.

Разнесло его ото всего, им услышанного,
и всё это он проглотил, ни на миг лучше не став.

Пока не умру я, измученный,
он не получит урок, о Боже, спаси!

Суфий видит во сне умершего Шибли

Когда покинул Шибли это негодное место,
некто из благородных увидел его во сне.

Спросил: «О счастливый, как поступил с тобой
Истинный?»

«Когда при расчёте мне стало туго, — ответил тот, —
и когда Он увидел, что я себе сильный враг,
и видел мою слабость, отчаяние и беспомощность,
сжалился Он над моей нищетой,
затем простил Он меня Своей милостью».

О Творец, я — нищий Твоей дороги,
подобно хромому муравью в Твоей яме,
сам не знаю, чего же хочу
или где я, кто я, каков я.

Со слабым телом, бездарный, без состояния,
бедный, беспокойный, влюблённый,
сжегший жизнь в крови сердца²⁵³,
ничем за свою жизнь не плативший.

Всё, что делал, было ущербом,
измученным подошёл к концу жизни.

Отдал я сердце, растратил жизнь,
лица моего не осталось, утрачены все понятия.

Я остался ни неверным, ни мусульманином,
я остался озадаченным и измученным, что мне делать?

Застрыл в узкой двери,
прикован к стенам темницы воображения.

Открой этому бедняге дверь,
покажи этому несчастному путь.

Если у раба нет ничего на дороге,
не успокоится он никогда от рыданий.

Ты можешь и сжечь его грехи его стоном,
и омыть его чёрную книгу²⁵⁴ его же слезами.

Вопрос пира, идущего по пути

Шёл по пути некий пир, предводитель,
увидел сонм ангелов.

В большом ходу был там один вид монет,
и ангелы выхватывали их друг у друга.

Шейх спросил ангелов:

«Что за монета, расскажите, в чем дело?»

«О пир пути, — ответила духовная птица, —
шёл здесь некто, заболевший путём,

из чистого сердца его вырвался вздох,
и, проходя, омыл он тёплыми слезами дорогу.

И теперь мы за эти тёплые слёзы и прохладный вздох,
что на пути боли вырвались, друг с другом соперничаем».

О Боже! У меня много стонов и слёз,
если ничего больше нет у меня, хоть это есть точно.

Если положены там слёзы и стоны,
то в наличии этот товар у раба.

Очисти же двор моей души стонами,
затем омой тетрадь мою слезами моими.

Иду, заблудившийся, не нашедший дорогу,
и сердце только черноту обрело, подобно демону.

Будь вожатым моим, смой и тетрадь мою,
и оба мира со скрижали моей души.

Из-за Тебя бесконечна боль в моём сердце,
и если есть душа у меня, то стыдно мне пред Тобой.

Проведя жизнь в печали из-за Тебя,
я желал бы ещё сто таких жизней.

Пока текла моя жизнь в горе из-за разлуки с Тобой,
каждый миг я переживал всё новую боль.

Из-за самого себя среди сотни мук могу я остаться,
так удержи мою руку, о Подающий мне руку!

Абу Саид Майхани и пьяный

Мужчины пути с Абу Саидом Майхани
однажды в ханаке находились.

Подошёл пьяный, в слезах, не находя себе места,
к двери ханаки взволнованно.

Начал вести себя безобразно,
рыдать и более прежнего пить.

Заметив его, шейх к нему вышел
и встал над ним, успокаивая.

«О ты, пьяный, поменьше ругайся, — сказал шейх, —
зачем ты здесь? Дай руку мне, подымайся».

«Эй! Пусть Всевышний поможет тебе, — ответил тот. —
Взять руку — это не твоё дело, о шейх!

Ты свою возьми голову и ступай мужественно,
а меня оставь с головой, склонённой пред Ним.

Если бы любой был в силах руку подать,
муравей тоже стал бы эмиром давно.

Уходи! Взять руку — не твоё это дело,
я — не твоего состояния, уходи!»

От его боли шейх пал на землю,
от слёз желтое лицо его покраснело.

«О Ты, Который Суть всё! Будь необходим мне!
Упал я, подняться мне помоги.

Я оставался в яме зиндана в оковах,
в такой яме кто мне руку подал бы?

И тело моё испачкалось в заключении,
и сердце моё измучилось в истощении.

Пусть очень грязным, но я выступил в путь —
помилуй меня, ибо я вышел из ямы и из зиндана».

Ариф просит Бога о прощении

«Если завтра Всемогуший, — сказал некто из
благородных, —

в Поле воскресения спросит меня:

“О безысходный! Что же принес ты с собой?”,
я отвечу: “Что из зиндана приносят, о Боже?

Полно грехов из зиндана принес,
потеряв и ноги, и голову, пришёл в изумлении.

Ветер в руках, а сам — лишь прах перед Твоим порогом,
пути Твоего я пленник и раб.

Поэтому не продавай Ты меня,
надень наряд из милости на меня,

чтобы отнесли меня чистым вопреки моей грязи,
и верующим меня земля приняла бы.

И когда земля с кирпичами моё тело покроют,
прости всё хорошее и дурное, мною содеянное.

Раз допустимо сотворить меня безвозмездно,
то и простить безвозмездно меня — объяснимо!..”»

Уход Низама аль-Мулка

Когда подошёл час Низама аль-Мулка²⁵⁵,
он воскликнул: «О Боже, уйду я с пустыми руками.

О Творец! Каждый раз, Господи, когда
мне кто-то встречался, о Тебе говорящий,

я старался побольше о нём разузнать,
помогал, становился другом ему.

Я привык упоминания о Тебе покупать
и никогда не продавал их другому.

Так как много раз я упоминания о Тебе покупал
и ни разу их не продал, как нечто иное,
в последний мой час меня выкупи,
ведь Ты — друг тех, кто друзей не имеет. Помоги мне».

Боже, помоги мне в тот миг,
ибо тогда, кроме Тебя, у меня никого и не будет.

Когда мои чистые друзья с кровью в глазах
от моей земли свои руки отнимут,
протяни мне Свою надёжную руку в тот час,
чтобы схватился я быстро за полу Твоей щедрости²⁵⁶.

Сулейман и муравей

Когда Сулейман со своими знаниями
в безысходности воззвал к муравью:

«Скажи мне, о ты, который меня изумлённее!
Какая глина в большей мере смешана с горечью?»,

тотчас ему ответил хромой муравей:
«Последний кирпич на тесной могиле.

Когда последний кирпич соединится с землёй,
зарыты, все дочиста, под ним и надежды».

Когда у меня под землёй, о Пречистый,
надежда сорвётся и на Вселенную²⁵⁷,

и кирпич наконец мне прикроет лицо,
Ты не отворачивай от меня лик Своей Милости.

И пока на этого изумлённого не набросают земли,
ни в коем случае ничего не говори мне в лицо.

Таким образом, ни об одном из многих грехов
Ты в лицо мне не скажешь, о Боже!

Ты — абсолютно Милостив, о Творец!
Оставь все, что было, и — прости.

Абу Саид в бане

Абу Саид Майхани был в хамаме*,
там беспардонный гаэм** попался ему.

Собрал он грязь с шейха вплоть до его рук
и выставил её перед глазами шейха.

«О ты, чистая душа, поведай мне,
что такое благородство в этом мире?» — спросил шейха
гаэм.

«Спрятать грязь и не показывать её людям —
это и есть благородство», — ответил шейх.

То был достойный ответ гаэму,
от которого тот сразу пал шейху в ноги.

Он признал свою глупость:
шейху стало весело, а гаэм раскаялся.

О Творец, Господь мой, Покровитель!
О Падишах, Заботливый и Прощающий!

Всё благородство людей мира —
лишь капля от моря Твоей щедрости,

ведь в Тебе сила гаэма абсолютна — но лишь по сути²⁵⁸,
и описать Твоё великодушие вообще нет возможности.

Прости нам нашу наглость и наше бесстыдство
и не показывай нашу грязь нашим глазам.

* *Хамам* — баня.

** Старинное слово, ещё не полностью вышедшее из употребления. Так называли особого прислужника в бане, который жесткой тканью стирал грубую грязь с тела пришедших, прежде чем те начинали мыться водой.

¹ Ссылка на аят (11:7): «Он — Тот, Кто создал небеса и землю за шесть дней, когда Его Трон находился на воде, дабы испытать, чьи деяния будут лучше».

² Ссылка на аят (36:82): «Когда Он желает чего-либо, то стоит Ему сказать: “Будь!” — как это сбывается». Речь идёт о буквах «к» и «н», означающих «кон», то есть «будь».

³ Образное название морских берегов.

⁴ Считается, что это аллюзия на аяты (19:17–19): «Мы же послали к ней Нашего Духа (Джибриля), и он предстал перед ней в облике прекрасно сложенного человека. Она сказала: “Я прибегаю к Милостивому, чтобы Он защитил меня от тебя, если только ты богобоязнен”. Он сказал: “Воистину, я послан твоим Господом, чтобы даровать тебе чистого мальчика”».

⁵ Принято считать, что это отсылка к истории Авраама (21:69): «Мы сказали: “О огонь! Стань для Ибрахима прохладой и спасением!”»

⁶ Принято считать, что это отсылка к истории Моисея (11:44): «И было сказано: “О земля, поглоти свою воду! О небо, перестань!”»

⁷ Ссылка на историю о царе Намруде, деспоте и идолопоклоннике, который за свои деяния был наказан Богом. Согласно преданию, в голову Намруда влетел комар, и после четырёх столетий мучений царь скончался.

⁸ Имеется в виду пророк Мухаммад. Речь идёт об эпизоде, когда Пророк и Абу Бакр ас-Сиддик, спасаясь от преследователей, укрылись в пещере, а паук свил паутину, загородившую вход. Когда паутина оказалась порванной, Мухаммад и Абу Бакр смогли покинуть укрытие и продолжить путь в Медину.

⁹ «Луна» в старинном персидском означает высокое, почётное место.

¹⁰ Ветер находился у Соломона в подчинении.

¹¹ Следуя традиции, Аттар обычно так называет чувственное начало в человеке, но иногда контекст словоупотребления предполагает и более ёмкий смысл.

¹² Вселенная восхваляет Творца за своё создание и существование, пребывая в любви к Нему, не требующей ни рассудочности, ни логики, однако сама она при этом не имеет цели собственного существования, а большинство существ в ней пребывают в печальном неведении относительно собственной миссии.

¹³ Ссылка на аят (57:4): «Он с вами, где бы вы ни были. Аллах видит всё, что вы совершаете».

¹⁴ Ссылка на аят (40:60): «Ваш Господь сказал: “Взывайте ко Мне!”»

- ¹⁵ Рождение здесь следует понимать как начало духовного пути.
- ¹⁶ Видимо, обыгрывается несколько смыслов, но формально выражение означало «заниматься ерундой».
- ¹⁷ Аттар говорит о том, что по замыслу Творца человек непочтительным не создан. Он становится таковым по отношению к Богу в процессе воспитания и взросления.
- ¹⁸ Кораническое название Сабейского царства в Аравии, находившегося во владении Билкис — царицы Савской, о которой угод принёс известия Соломону.
- ¹⁹ Игра слов. *Мусидже* — маленькая птичка, а также уменьшительная-ласкательная форма имени Муса.
- ²⁰ Возвышенность в Египте, на которую поднимался Моисей.
- ²¹ Название огромного дерева в раю.
- ²² Ссылка на приводимый в Коране эпизод из жизни пророка Салеха.
- ²³ «Предводитель мира» — один из эпитетов пророка Мухаммада.
- ²⁴ «Душа Аллаха». В Коране так назван пророк Иисус.
- ²⁵ Указывает на историю пророка Давида.
- ²⁶ (34:10) «Мы одарили Давуда милостью от Нас и сказали: “О горы и птицы! Славьте вместе с ним!”»
- ²⁷ Некоторые исламские философы и мистики придерживались взгляда, согласно которому мир гармоничен и всё во Вселенной находится в гармонии, подобной гармонии в музыке. Но при этом они полагали, что так как всё, кроме Бога, пребывает — из-за своей двоякой природы — в постоянном противоречии, то лишь Творец может создать гармоничную мелодию из этих нот, которые сами по себе находятся в диссонансе.
- ²⁸ Седре — название дерева в раю.
- ²⁹ Отсылка к истории (12:46) о том, как Йусуф истолковал значение сновидения правителя Египта.
- ³⁰ Ещё одно кораническое имя библейского пророка Ионы.
- ³¹ Здесь и далее Аттар называет «понятиями» те воззрения и понятия, которые требуются для духовного пути.
- ³² Зуль-карнейн — владелец двух веков. В Коране приведён краткий рассказ о нём, начиная с аята (18:83) и далее.
- ³³ *Тарикат* (араб.) представляет собой систему, практический «путь» познания и служения Аллаху. В суфизме, помимо исполнения правил шариата в собственной жизни, тарикат предполагает обязательное следование наставнику, имеющему духовный опыт.
- ³⁴ *Хакикат* (от арабского *хакк*, «истина») — завершающая стадия духовного пути ищущего, непосредственное следование Истине и слияние с ней.
- ³⁵ Обращением «Во имя Аллаха» начиналось письмо Соломона царице Савской, которое ей доставил угод.

³⁶ И здесь, и далее подобные обороты зачастую допускают несколько значений и несколько вариантов перевода. Это и боль от невозможности достигнуть Желанного, и сопереживание боли следующим по пути, и боль от понимания того, что человек не оправдывает возложенные на него Творцом надежды. Практически во всех этих случаях мы предпочли оставить исходную транскрипцию текста, сохранив его многозначность. — *Прим. изд.*

³⁷ Т.к. удод упомянут в Откровении, зафиксированном в Коране.

³⁸ Удод много и быстро бегают по земле. В данном случае Аттар, опираясь на повадки обычной птицы, характеризует поведение своего персонажа как находящегося в активном поиске и исследующего разные духовные пути. Подобные аналогии с поведением птиц в природе используются и далее, когда в повествование вводятся новые персонажи.

³⁹ Симург, или Симорг — гигантская птица и царь всех птиц. На фарси *си* означает «тридцать», соответственно си-мург — это тридцать птиц, что Аттар и обыгрывает невероятно изящно далее в тексте. Можно отметить, что в древнеиранских преданиях Симурга как «тридцати птиц» ещё не было, а игра слов, основанная на сочетании «тридцать птиц», возникла позднее, уже в средневековый период.

⁴⁰ Ссылка на аят (50:16): «Мы сотворили человека и знаем, что нашептывает ему душа. Мы ближе к нему, чем яремная вена».

⁴¹ В такой форме автор ссылается на известный хадис о том, что Всевышний имеет семьдесят тысяч завес из света и из мрака.

⁴² В оригинале процитирован известный хадис Пророка на арабском языке.

⁴³ То есть цветка, единственного поверенного тайн Соловья.

⁴⁴ Хизр, или Хидр — пророк или святой, обладатель тайны вечной жизни. Считается покровителем суфиев.

⁴⁵ Образ строится на том, что попугай в природе — невероятно подвижная, мечущаяся из стороны в сторону птица, и при этом — великолепный имитатор.

⁴⁶ Слово «безумный» в устах Аттара имеет в основном положительный оттенок, ибо безумный — это посвятивший себя поиску Истины, тот, кто уже не во всём подчиняется правилам обычного социального «ума». Но встречаются бейты, где слово употреблено и в негативном значении, т.е. означает «лишившийся разума». — *Прим. изд.*

⁴⁷ То есть китайцы настолько вдохновились красотой павлина, что не могли не начать его рисовать.

⁴⁸ Павлин стыдится своих некрасивых ног, поэтому прячется ото всех.

⁴⁹ То есть испытал удовлетворение увиденным и тягу к пребыванию в раю.

⁵⁰ То есть благодаря воздействию вторичных, сторонних факторов.

⁵¹ В оригинале использован глагол «давать», но, по мнению комментаторов, он должен читаться здесь в значении «кормить».

⁵² Мера длины. Один фарсанг (в Персии) равен примерно шести километрам.

⁵³ Аттар опирается на рассказ Абу Саида Аби'ль-Хайра о Сулеймане из «Тайного Единобожия» («*Асфар ол таухид*», т. 1, с. 265).

⁵⁴ Хома гордится, что преуспела в борьбе с нафсом.

⁵⁵ Афридун и Джам — легендарные, мифические правители Древнего Ирана. Предание гласит, что над головами этих царей пролетела Хома.

⁵⁶ Султан Йамин ад-дауле Абу-ль-Касим Махмуд (970–1030), знаменитый и могущественный правитель государства Газневидов.

⁵⁷ Высокий соколиный полёт связывался с амбициозностью, понятой двояко — в одном случае это спесивое, высокомерное отношение ко всем, кто ниже, в другом случае — высокий замах, отважная претензия на обладание чем-либо. Соколиная охота также была недоступна обычному человеку и обычно являлась развлечением и игрой правителей, тешивших, в свою очередь, своё самолюбие.

⁵⁸ Автор продолжает игру слов, начатую в первом бейте.

⁵⁹ То есть соответствующий рангу правителя головной убор.

⁶⁰ Наиболее частое значение «дела» в поэме — поиск Истины и служение ей. В частности, эта строка говорит о том, что в такой перспективе ситуация увлеченного мирским азартом человека безнадежна.

⁶¹ Здесь: «испытываю сильную боль». Анализ словоупотребления показывает, что «кровь», как и «боль», используется в нескольких разных значениях, от чисто метафорического — например, «плакать кровавыми слезами» — и до обозначения переживаний, связанных с обретением духовного опыта. — *Прим. изд.*

⁶² Сова — образец религиозного человека, который, движимый пониманием необходимости обретения внутреннего покоя, стремится жить в отдалении от людей. Драгоценности, которые сова находит без талисмана — спокойствие и отрешённость, однако, по мнению многих суфиев, они не являются упроченными качествами в тех, кто не испытывает себя и кто чужд идее собственного призвания. Для реализации своего призвания требуется находиться среди людей.

⁶³ Ссылка на ветхозаветную историю о золотом тельце, изготовленном Аароном в отсутствие Моисея. В Коране Харун (Аарон) упомянут в суре «Та Ха».

⁶⁴ Йусуф, праведник и пророк, был брошен в детстве родными братьями в колодезь из-за ревности. По воле Аллаха Йусуф выжил и стал пророком.

⁶⁵ Аттар использует существительное, образованное от числительного «сорок», а затем ещё и глагольный оборот от этого существительного. Если остановиться лишь на одном символическом значении этого числа, связанном с длительностью постов и концентраций во время них, то развёрнутое чтение этой строки может быть таким: «Неужели сможешь высидеть [т.е. выдержать в неподвижности] сорок [требуемых] дней, оставаясь всё это время Симургу в этом деле товарищем?».

⁶⁶ Регулярно встречающиеся в поэме «крупница», «крупинка» и «частица» употреблены обычно в общепринятом значении. Однако во многих местах, помимо этого значения, крупница может означать также и частицу света, или частицу духовного знания.

⁶⁷ Персидское написание имени Александра Македонского.

⁶⁸ То есть никто не обладал знанием и видением Искандара.

⁶⁹ Любимец султана Махмуда, вначале находившийся в услужении у султана, но затем ставший ему другом и советником.

⁷⁰ То есть «будешь наказан».

⁷¹ В оригинале использован глагол, по значению совпадающий с устаревающим значением русского глагола «сочувствовать», т.е. одинаково с кем-либо чувствовать, мыслить и т.п. — *Прим. изд.*

⁷² Духовный наставник, суфийский учитель.

⁷³ Кааба — главное святилище ислама, храм кубической формы в центре главной мечети Мекки.

⁷⁴ «Идущий», т.е. суфий, находящийся в начале мистического пути.

⁷⁵ Хаджж — один из столпов ислама, предписанное мусульманам паломничество к святыням Мекки и совершение обязательных обрядов в месяц зуль-хиджжа по хиджре.

⁷⁶ Малое паломничество, совершающееся добровольно в любое время, в отличие от большого хаджжа.

⁷⁷ «Сунна» переводится как «проторённый путь», «пример», «обычай». Мусульманин должен в своей жизни следовать пути, примеру пророка Мухаммада. Сунну составляют хадисы — рассказы о словах и поступках Мухаммада.

⁷⁸ Предводители других суфийских братств.

⁷⁹ Имеется в виду, что их знания не сравнимы со знаниями Санана.

⁸⁰ *Кафамат* — способность совершать чудеса. *Макам* — распространённый суфийский технический термин того времени, означающий «стоянка», «основное состояние». *Макамат* — знание стоянок и умение вести ищущих от стоянки к стоянке.

⁸¹ Сподвижники и последователи.

⁸² Византия.

⁸³ В оригинале используется слово «*рухулла*», т.е. Аттар имеет в

виду Иисуса, названного в Коране душой Аллаха, и в то же время говорит и о человеческой душе.

⁸⁴ «Ночное нападение на спящее войско» — классическое аллегорическое указание на необходимость повышать бдительность, когда возникает объективная слабость, иногда действительно связанная с обычным физическим сном.

⁸⁵ Дословно: свой макам, т.е. «стоянку» в суфийской терминологии. Шейх добровольно принял испытание бременем любовных мук, поняв, что иначе следующие макамы ему никогда не будут доступны.

⁸⁶ Санаан рассматривает всю совокупность обстоятельств: своё состояние, мюридов и девушки, событийную канву, — иными словами, анализирует тотальный фон происходящего, опираясь на известные ему принципы. При этом он видит, что каких-то элементов не хватает, какие-то в избытке, и поэтому находится в растерянности.

⁸⁷ Судный день, когда все завесы спадут, а человек останется безо всех ложных опор. Санаан также не видит для себя опоры.

⁸⁸ Санаан уподобляет себя то умирающему, то уже умершему, то воскресающему.

⁸⁹ Михраб — ниша в мечети, показывающая кыблу — направление молитвы. У правоверных это направление — в сторону Мекки.

⁹⁰ Дэв — злой дух в иранских преданиях.

⁹¹ В прямом значении можно читать как «нищенскую суму». В то же время обыгрывается бывшее тогда в употреблении выражение «сшить мешок», означавшее «надеяться на что-либо, полагаясь на слухи, непроверенные данные».

⁹² В обряде погребения в исламе используется камфара.

⁹³ Богословский толк, школа в исламе.

⁹⁴ По обычаям тех мест и того времени женщинам-христианкам не предписывалось обязательно закрывать волосы.

⁹⁵ Один из многих бейтов с неоднозначным смыслом. На первый взгляд кажется, что имеется в виду «входи в христианство». В то же время христиане — люди веры, люди Писания — отнюдь не считаются в исламе неверными. Поэтому такая категоричность, конечно, связана с желанием автора усилить нужные ему акценты. — *Прим. изд.*

⁹⁶ То есть их веру.

⁹⁷ По мнению Аттара, первый и необходимый этап для любого человека, ищущего Истину, — закрыть сердце ото всего, кроме Бога. В строительстве древней мечети, окружившей Каабу, использовалось и дерево. Соответственно, упоминание о «досках Каабы», встречающееся в вариантах написания этого бейта, означает, что верующий должен поместить своё сердце в Каабу, или, говоря об-

разно, закрыться этими досками так, как закрывали окна домов, переживая эпидемию, так как другого способа выжить не оставалось. При анализе текста следует иметь в виду очень распространённое в то время и в бытовом языке, и в поэзии выражение «Кааба желаний», т.е. «предел стремлений». Нет сомнений, что это выражение также обыгрывается в данном бейте. — *Прим. изд.*

⁹⁸ Имеется в виду «не плодоносит».

⁹⁹ Пир кубаров — великий пир, шейх всех шейхов.

¹⁰⁰ В первой строке бейта Аттара выделяет элемент случайности в идее судьбы, почему и упоминает о рогах, выросших у шейха совсем не от удивления. Во второй строке, однако, он говорит о полной предопределённости всех человеческих деяний. — *Прим. изд.*

¹⁰¹ Отсылка к сюжету с пророком Йунусом, проведшим длительное время в чреве огромной рыбы — таким образом Аллах явил Йунусу Свою милость.

¹⁰² В одежде из бумаги выходили на центральную площадь, когда к своей жалобе желали привлечь внимание правителя области.

¹⁰³ Синий цвет в Иране считается цветом траура.

¹⁰⁴ Девушка просит шейха о проведении обряда, позволяющего ей стать мусульманкой. Он начинается с произнесения шахады: «Нет божества, кроме Аллаха, а Мухаммад — посланник Его».

¹⁰⁵ Имеется в виду крайняя истощённость девушки после всех мытарств.

¹⁰⁶ Абу Язид Тайфур ибн Иса аль-Бистами, величайший суфийский шейх, один из десяти Имамов суфизма.

¹⁰⁷ «Павлин ангелов» — архангел.

¹⁰⁸ В развёрнутом виде строка звучит так: «Если ты способен открыть или закрыть дело, если ты для нас имам, осведомлённый о цели».

¹⁰⁹ Хабиб аль-Аджами, перс, учился у Хасана ал-Басри. Известно предание, согласно которому Хасан, гонимый властями, укрылся в келье Хабиба. Стражники спросили Хабиба, не видел ли он Хасана. Тот ответил: «Видел, он у меня, ищите». Те, ничего не найдя, удалились с бранью.

¹¹⁰ По мнению Аттара, страдание необходимо для преодоления занавеса, которым человек закрыт от Бога и самого себя.

¹¹¹ Нуган — название села вблизи Туса, на территории сегодняшнего Мешхеда.

¹¹² Имеется в виду компенсация, которую придётся выплатить хозяину потерянных шейхом сита и веника.

¹¹³ Закуской у бедняков называлось всё, что можно есть с хлебом.

¹¹⁴ Имеется в виду Рабийя ал-Адавийя, аскет, мистик, одна из первых известных женщин-суфиев.

¹¹⁵ Т.к. не могла идти из-за болезни.

¹¹⁶ Речь идёт о том моменте, когда огромное количество паломников согласно ритуалу приближается к Каабе, чтобы начать обход.

¹¹⁷ То есть позволю войти в Каабу.

¹¹⁸ Во время Аттара в суфизме «событием» называлось затруднение, возникшее у тех, кто движется по пути, т.е. предполагающее духовный опыт у идущего. Соответственно, владелец события — идущий, пробуящий разрешить затруднение или пройти испытание, обладающий навыком удержания или создания таких обстоятельств, которые не позволяют затруднениям «исчезнуть» вплоть до получения нужного знака или до преодоления преграды. Сами преграды считались и являлись благом, поддержкой в тех случаях, когда ниспосылались идущему свыше. — *Прим. изд.*

¹¹⁹ Ссылка на хадис: «Наш Всемогуший Господь в последнюю треть каждой ночи спускается к самым нижним небесам и призывает: «Я отвечу на ду'а любого, кто его совершит. Я дам все (разрешенное), что захочет человек, и Я прощу грехи любого, кто попросит Меня об этом»». [аль-Бухари]

¹²⁰ Архангел.

¹²¹ Рифма в этом бейте построена на сочетании слов *миллат* и *иллат* (араб.). *Миллат* — нация, народ, однако есть ещё и кораническое понятие — вера, религия. *Иллат* — причина. Соответственно, первая строка может быть переведена и как «Узнай о том народе». Помимо смысловых моментов, связанных непосредственно с текстом, Аттар в этом бейте, вероятно, ещё и отрицает одно из течений в суфизме. Согласно воззрениям сторонников этого течения, мир сотворён безо всякой причины.

¹²² Сюжет заимствован Аттаром из сборника Сурабади, писавшего поучительные рассказы с опорой на коранические и библейские мотивы.

¹²³ Пребывание в раю или в аду связано с поступками, совершёнными по разным мотивам и в разных состояниях.

¹²⁴ То есть момент, когда в Судный день все предстанут перед Богом.

¹²⁵ Абу Мухаммад Аббас ибн Туси, известный ученый и богослов из Нишапура. Погиб в 549 г. хиджры при пожаре в мечети Мотаррез, устроенном гозами, одним из тюрко-монгольских племен, отличавшимся особой жестокостью и дикостью.

¹²⁶ Абу Бакр Дулаф ибн Джахдар аш-Шибли, один из выдающихся ранних учителей.

¹²⁷ Бейт имеет несколько значений, потому что *ил* в данном случае может быть прочтено и как «тьень», и как «унижение». Если оставить приведённый перевод, то очевидно, что те, кто стоят — это люди, обладающие более высокими духовными состояниями. Однако возможно прочтение «Будучи мужчиной, он избрал свою тень». В этом случае, наряду с типичным для Аттара обыгрывани-

ем мужских черт характера, придающим эмоциональный колорит фразе, возникает дополнительное значение второй строки. Оно также вполне логично связывается с предыдущими отрывками: те, кто стоят, — это те, кому из уважения к их героическим усилиям Шибли дарует наставление.

¹²⁸ Конечно, по отношению к упрекам и восхищению в свой адрес.

¹²⁹ Здесь и далее «преклоняться», «преклонение» соотносимо с устаревавшим значением русского глагола «поклоняться», то есть благоговеть, почитать. Конечно, имеется в виду и ритуальный поклон при молитве.

¹³⁰ Разбойничьи набеги туркменских племён одно время были бичом для персов, а слово «туркмен» являлось символом жестокости.

¹³¹ Разнообразие досужих мнений и споров по этому вопросу.

¹³² Речь идёт о разгуле желаний, связанных с пристрастием к еде и сексу.

¹³³ Высшая похвала чьей-либо отваге, храбрости.

¹³⁴ Малик ибн Динар, известный суфий, сподвижник Хасана из Басры.

¹³⁵ Формальная ссылка на историю богача Каруна (библейского Корея), поглощённого землёй по приказу Всевышнего. Аттар таким образом говорит, что «мир Каруна» тоже входит своей долей в наследство, полученное нами при вступлении в этот мир.

¹³⁶ Мифический царь Шаддад долго строил земной сад с целью затмить рай, но сам не успел войти в него, умерев.

¹³⁷ По предположению Мохаммеда Кадкани, здесь Аттар цитирует хадис (надежность передачи которого не установлена) из сборника «*Мармузат*» Асади, с. 87.

¹³⁸ По мусульманскому обряду, умирающего следует повернуть лицом в сторону Каабы.

¹³⁹ Следует отметить, что здесь этим словом Аттар говорит не столько о внутренней грязи как противоположности чистоте души, сколько о состоянии после соития, когда человек считается нечистым.

¹⁴⁰ В оригинале — цитата из Корана на арабском языке (3:92). Её русский эквивалент: «Вы не обретете благочестия, пока не будете расходовать из того, что вы любите».

¹⁴¹ Ученик опасался того, что вскроется его «привязанность к материальному», а фактически — его двуличие.

¹⁴² Хасан из Басры, утончённый богослов, один из основателей суфизма, сподвижник Рабийи.

¹⁴³ Собаки имели обыкновение греться в самих печках, не только поодаль.

¹⁴⁴ Грубоватое название недалёких, а иногда и просто пассивных людей.

¹⁴⁵ То есть перестань вести такой образ жизни.

¹⁴⁶ «Своим» в данном случае назван состав человека, или то, что человек обычно считает собой, — тело и части души.

¹⁴⁷ Абу'ль-Мугис аль-Хусейн ибн Мансур аль-Халладж, знаменитый суфий, казнённый за свои мистические взгляды, сочтённые еретическими. Автор нескольких книг, из которых до нашего времени дошла только *«Китаб ат-Тавасин»*.

¹⁴⁸ То есть солнце духовного руководства.

¹⁴⁹ «Кровавый мужчина» — устаревший оборот. Многие осуждённые во время казни мазали себе лицо собственной кровью, чтобы скрыть бледность и не дать повода назвать себя испугавшимся. Иносказательное значение оборота — готовый к неминуемой гибели.

¹⁵⁰ Ссылка на *«Китаб ат-Тавасин»* Мансура аль-Халладжа, где в разделе «Та-Син» есть строка примерно такого содержания: «На ней точки не арабского алфавита, кроме одной — буквы “мим”. Он — это Мим, что суть Имя Последнего». — *Прим. изд.*

¹⁵¹ Парафраз строки «В разгар лета пить вино со львом» из «Сада знаний» Мансура аль-Халладжа. — *Прим. изд.*

¹⁵² Абу'ль-Касим Джунейд — знаменитый суфийский наставник из Багдада, получивший почётное прозвище «павлин богословов». Последователь Суфьяна Саври и ученик Сари Сакати. Сама эта история о Джунейде более подробно приведена Аттаром в *«Тазкират ал-аулийя»*, т. 2, с. 253.

¹⁵³ Одно из часто употребляемых оборотов Аттара, который и здесь, и далее по тексту оставлен без изменений. Выражение имеет значение более эмоциональное, нежели рациональное, и его интерпретация меняется в зависимости от контекста. Среди значений оборота могут быть одновременно и оценка незначительности героя или события, и жалость к страдальцу, и жалость к себе (т.е. аспекты самооценки), и проч.

¹⁵⁴ Метафора Аттара, уподобившего Джунейда котлу, проверяемому на прочность.

¹⁵⁵ Одно из предлагаемых комментаторами значений — скрутить ей голову, при этом шея станет «мягкой».

¹⁵⁶ То есть «никто», не представляющий из себя ничего достойного.

¹⁵⁷ В ожидании Судного дня.

¹⁵⁸ То есть во грехе.

¹⁵⁹ Абу Саид Аби'ль-Хайр аль-Майхани, шейх из Михны (Майханы), «султан своего века», как называет его Худжвири.

¹⁶⁰ Вид казнённых и подвергнутых наказанию вызывает раскаяние и сожаление в шахе.

¹⁶¹ Абу Абдаллах Мухаммад ибн Али ат-Тирмизи, суфийский шейх из Термеза. Изучал богословие у Абу Ханифы, автор нескольких книг. Худжвири передаёт такое его высказывание: «Кто несведущ в природе служения, тот ещё более несведущ в природе господства».

¹⁶² Абу'ль-Хасан Али ибн Ахмад аль-Харакани (352–425 гг. по хиджре) — один из знаменитых иранских суфиев, родом из местечка Харакан, что неподалеку от Бистама.

¹⁶³ В «*Тазкират ал-аулийя*» Аттар приводит полностью рассказ о Шибли, который в свою бытность эмиром был призван султаном и одарен халатом. По завершении церемонии Шибли вышел на улицу, неожиданно чихнул и механически вытер лицо рукавом нового халата. Кто-то донёс о случившемся султану. Тот распорядился напоказ нанести удар по шее Шибли, забрать халат обратно и лишить должности. Шибли долго размышлял о происшествии и произнёс нечто вроде: «Если обычного человека так задела моя бестактность, каково же Творцу?..»

¹⁶⁴ То есть страдай.

¹⁶⁵ Одна из важных идей для Аттара: своего подлинного «я» люди не знают. То, что они в себе называют «я», существует в них благодаря случайным факторам, от действия которых требуется перестать зависеть. В этом случае появляется шанс начать работу по обретению подлинного «я». — *Прим. изд.*

¹⁶⁶ Испытывать наслаждение при приёме пищи запрещено.

¹⁶⁷ *Арш* — Трон.

¹⁶⁸ Абу Исках Ибрахим ибн Адхам ибн Мансур. В молодости — наследный царевич Балха, затем — аскет, суфий.

¹⁶⁹ Эпитет, прилагавшийся к правителям и означавший «господин».

¹⁷⁰ Личность этого учителя установить не удалось, хотя упоминания о шейхе Гури содержатся в ряде более старинных — по сравнению с поэмой Аттара — текстов.

¹⁷¹ Санджар — султан из династии Газневидов.

¹⁷² Имам Ахмад ибн Ханбаль, искушённый и глубокий богослов, хранитель изречений Пророка, друживший с Зун-н-Нуном, Бишром, Маруфом Кархи и другими суфийскими учителями.

¹⁷³ Бишр ибн аль-Харис аль-Хафи, сподвижник Фузайля. Согласно свидетельствам, всегда ходил босым, отвечая на вопросы о причине этого так: «Земля — Его ковёр, неверно наступать на Его ковёр, оставляя что-то между своей ногой и Его ковром». — *Прим. изд.*

¹⁷⁴ То есть вслед за султаном.

¹⁷⁵ Ссылка на аят (17:34): «И будьте верны своим обещаниям, ибо за обещания вас призовут к ответу».

¹⁷⁶ То есть растаяли от стыда.

¹⁷⁷ Глагол «поставить» здесь употреблено в значении «совершить»

поступок, за который неминуемо предстать перед судом совести и перед Богом».

¹⁷⁸ Здесь таз понимается и как мир, и как песочная воронка, которой во время Аттара ловили домашних муравьёв.

¹⁷⁹ В суфийских кругах выражение учениками своего мнения часто означало нескромность, или фактически являлось хвастовством своими знаниями, особенно в присутствии учителя. Не всегда считались уместными и слишком прямые или откровенные вопросы.

¹⁸⁰ Имеется в виду нашейное кольцо.

¹⁸¹ Имеется в виду Йусуф и история с египтянками, в него влюбившимися.

¹⁸² Считается, что это ссылка на аят (24:40): «Или же они подобны мраку в глубине морской пучины. Его покрывает волна, над которой находится другая волна, над которой находится облако. Один мрак поверх другого! Если он вытянет свою руку, то не увидит её. Кому Аллах не даровал света, тому не будет света».

¹⁸³ Абу Бакр Мухаммад ибн Мусса аль-Васити, один из первых учеников Джунейда.

¹⁸⁴ Судья обвиняет иудеев в том, что они могли выбрать ислам, узнав о нём, но не сделали этого.

¹⁸⁵ Один из особенных оборотов Аттара, встречающийся в тексте и далее. Так как речь идёт о духовной реальности и духовном опыте, то, конечно, объятия — это метафора. Вероятнее всего, птица говорит о возможном «охвате» содержания опыта, т. е. о сочетании субъективной и объективной составляющих состояния. В рассказе о танцующем в лесу среди зверей безумце, который приводится далее в поэме, Аттар останавливается на этом моменте следующим образом. Его *хал* [т. е. общее состояние, но возникшее как результат ниспослания высокого состояния — иначе бы употреблялось *макам*] был странен, ибо каждый миг его *хал* [субъективная составляющая] содержал в себе *хал* [объективная составляющая] стоящих у порога [характеристика макама, к которому внезапно оказался причастен герой рассказа]. — *Прим. изд.*

¹⁸⁶ То есть страдание достигло невыносимой силы.

¹⁸⁷ Комментаторы насчитывают как минимум четыре известных наставника из Нишапура с таким именем, и обо всех них Аттар, безусловно, знал. Анализ «*Тарих уль-ислам*» даёт основание некоторым исследователям полагать, что здесь упомянут Абу Бакр Мухаммад бен Хайам из Нишапура (?–335 г. по хиджре), один из ближайших друзей шейха Шибли.

¹⁸⁸ То есть ищущий получит знак из духовного мира.

¹⁸⁹ То есть душа не стремится искренне к единению с Богом.

¹⁹⁰ Речь идёт о формальном соблюдении норм поведения или же их нарушении.

- ¹⁹¹ Шаг за шагом, т.е. очень медленно.
- ¹⁹² Абу Али Мухаммад ибн аль-Касим ар-Рудбари.
- ¹⁹³ В оригинале игра слов: «Я не упущу, если даже Ты упустишь». Формальное значение очевидно: мою тягу к Тебе ты не отнимешь, даже если прогонишь.
- ¹⁹⁴ Считается, что это ссылка на аяты (112:1–2): «Скажи: “Он — Аллах Единый, Аллах Самодостаточный”».
- ¹⁹⁵ «Постоянный» здесь надо читать в значении «вечный», «непреходящий». Считается, что это ссылка на аяты (112:3–4): «Он не родил и не был рожден, и нет никого, равного Ему».
- ¹⁹⁶ Считается, что это ссылка на аяты (83:18–22): «Но нет! Книга благочестивых окажется в Иллиййуне. Откуда ты мог знать, что такое Иллиййун? Это — книга начертанная, которую видят приближенные. Воистину, благочестивые окажутся в блаженстве...»
- ¹⁹⁷ В оригинале: «Это дай взамен этого, а взамен того — то».
- ¹⁹⁸ То есть «не испытываю никакого влечения к обоим мирам».
- ¹⁹⁹ Мера веса. 1 ман равен примерно 3 кг.
- ²⁰⁰ То есть переносимым безвольно с места на место: Лат был привезён в Индию из Саудовской Аравии.
- ²⁰¹ Ходжа Занги («занги» — черный) — один из министров при Газневидах в 6 в. хиджры.
- ²⁰² Абу Али аль-Фазль бен Мухаммад (405–477 гг. по хиджре), великий суфий из местечка Фармад возде Туса, ученик Абу’ль-Касима Каркани (Гургани).
- ²⁰³ Грешники уже не раскаиваются, а лишь сожалеют о безвозвратно утраченной возможности.
- ²⁰⁴ Существует ряд хадисов о совершении намаза в жару, или на горячем песке. Данная история приводится Аттаром по сборнику «*Канз ол уммал*», т. 8, с. 220.
- ²⁰⁵ Согласно Мохаммеду Шафии, один из подтекстов отрывка связан с тем, что у каждого раба должно быть клеймо.
- ²⁰⁶ Ссылка на аяты (38:79–81): «*Иблис* сказал: “Господи! Предоставь мне отсрочку до того дня, когда они будут воскрешены!” Аллах сказал: “Воистину, ты — один из тех, кому предоставлена отсрочка до дня, срок которого определён”».
- ²⁰⁷ Ссылка на аяты (38:77–78): «Аллах сказал: “Изыди, и отныне ты будешь изгнан и побит. И проклятие моё пребудет над тобой до дня Воздаяния”».
- ²⁰⁸ Шибли, находясь при смерти, попросил пепел и посыпал им голову.
- ²⁰⁹ Абу Якуб Юсуф ал-Хамадани, суфийский шейх. С его именем соотносят себя ордена «хваджаган» и «йасавийа».
- ²¹⁰ То есть не пробуй анализировать.
- ²¹¹ Подразумевается ожидание рая.

²¹² В оригинале труднопереводимая игра слов и метафора одновременно. Аттар уподобил человека шкатулке, в которой находится смесь рубина, пепла шёлка, золотой пыли и других ингредиентов. Смесь называлась *мофаррех*, название это образовано от *фагах*, что означает «бодрость». Смесь изготавливалась из перечисленных веществ, затем шёлк и то, что могло гореть, поджигалось. После сгорания всё, уже перемешанное, было готово к употреблению. Смесь имела довольно широкое распространение в то время и использовалась в качестве тонизирующего средства, для этого её нужно было вдыхать.

²¹³ Имеется в виду сорт соков, в которые добавляли дрожжи для сбраживания.

²¹⁴ То есть хотел умереть.

²¹⁵ Распространённый во время Аттара оборот, его значение — «стать очень отважным».

²¹⁶ Призыв увидеть, как в обыденной жизни день за днём человек лишается веры, убеждения и воли.

²¹⁷ Отсылка к сюжету старинной персидской сказки о том, кто в горах Китая искал знание и превратился в камень.

²¹⁸ Первый «вид» сожаления связан с пониманием безграничности знания и невозможности всё постичь. Второй «вид» сожаления (см. следующий бейт) связан уже с осознанием собственной нерадивости и бессмысленно потраченного времени. (Этот и следующий бейты очень иллюстративны. Один и тот же оттенок состояния ассоциирован с разным содержанием. — Прим. изд.)

²¹⁹ Аттар использовал оборот «иметь лицо без капли воды», т.е. «выплакать все слёзы». Однако, когда так говорилось о влюблённых, то оборот приобретал метафорическое значение: для влюблённого выплакать все слёзы означало раскрыть неукротимость своего желания, что в обиходе, в свою очередь, означало опозориться.

²²⁰ В оригинале сложная игра слов: в глазах часового — и с его точки зрения, и в прямом смысле слова — сон является препятствием, мешающим плыть по морю любви. Служба часового заключается в том, чтобы сон, однажды исчезнув в море текущих из глаз влюблённого слёз, не стал вновь помехой.

²²¹ Речь идёт о сильной боли при родовых схватках.

²²² Упрёк безумного связан с тем, что султан забывает, куда должен стремиться и ради чего жить.

²²³ Вызов здесь — это констатация своего уровня бытия, своего статуса.

²²⁴ Ссылка на аят (15: 43–44): «Воистину, Геенна — это место, обещанное всем им. Там — семь врат, и для каждой врат предназначена определённая их часть».

- ²²⁵ Аттар уподобляет поведение людей поведению муравьёв, непрерывно собирающих пищу и материал для укрепления муравейника, и каждый муравей обыкновенно тащит груз весом в несколько раз больше собственного.
- ²²⁶ Подразумевается «заснули на пути» или же, что более вероятно, умерли духовно.
- ²²⁷ Целое понимается здесь в смысле всеобщего, универсального.
- ²²⁸ Дом с лабиринтом — посмертный опыт.
- ²²⁹ То есть не имеет значения типология личностей, характеров и т.п.
- ²³⁰ То есть не суетись и не думай напрасно об этом.
- ²³¹ Дословный вариант: пророки положили начало переполоху (или хаосу). Поэтому мы предпочли использовать глагол «будоражить»; его устаревшее значение — приводить в хаотичное состояние. — *Прим. изд.*
- ²³² Имеется в виду мыльный пузырь, перевернутый полусферой вниз, когда она занимает место «основания». Что невозможно: пузырь «потеряет» основание, затем — форму полусферы и растечётся.
- ²³³ Кроме отсылки к состоянию присутствия, обыгрывается и суфийский технический термин — момент, «*вакт*». — *Прим. изд.*
- ²³⁴ Например, много или мало людей по численности.
- ²³⁵ Здесь «всё это» означает обычную жизнь. В оригинале во второй строке этого бейта использовано слово «виток», «завитушка», и мы решили передать его значение сочетанием «пустой лабиринт». — *Прим. изд.*
- ²³⁶ Абу Али Гасан ибн Мухаммад ибн Микаил, могущественный vizир султана Махмуда.
- ²³⁷ То есть у красавицы — ямочка на подбородке, у Иосифа — его колодец, названный Аттаром ямочкой.
- ²³⁸ Образ связан с красотой заката в последний день каждого месяца, когда и луна не видна.
- ²³⁹ То есть не знатного рода, поэтому возгордится.
- ²⁴⁰ В игре чуган.
- ²⁴¹ «Болтовней» Аттар называет критические выступления против ислама, которые можно было услышать в зороастрийских храмах. При этом зачастую подтасовывались или игнорировались разные факты только ради победы в полемике этого рода.
- ²⁴² Ученик признаётся, что только смерть учителя дала ему толчок к настоящему поиску.
- ²⁴³ Известный суфийский шейх, живший в IV в. хиджры. О нём достаточно подробно писал Абу Саид Майхани.
- ²⁴⁴ Речь идёт о сверхчувственных состояниях и связанном с ними

опыте. Для обозначения подобных состояний Аттар использует обычное слово «бессознательный», т.е. находящийся без чувств, утративший обычное, будничное сознание. — *Прим. изд.*

²⁴⁵ *Фана'* — состояние «упраздненности», полного исчезновения «я» в Боге. Также одноименное учение об исчезновении в Боге.

²⁴⁶ Абу'ль-Хасан Ахмад ибн Мухаммад ан-Нури, ученик Сари Сака-ти и товарищ Джунейда.

²⁴⁷ Когда режут домашнюю птицу, необходимо произносить бисмиллу: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного». Пол-бисмиллы — первая часть фразы, во время произнесения которой рука над птицей уже занесена, и в этот момент, ещё живая, она может считать себя уже наполовину мёртвой.

²⁴⁸ В оригинале — цитата на арабском из Корана (24:35) «Один свет поверх другого!»

²⁴⁹ Пеплом Халладжа.

²⁵⁰ Фраза в оригинале начинается со слов «Но если», после чего следует цитата из Корана (16:16) на арабском: «по звёздам они находят правильную дорогу».

²⁵¹ То есть на время скрыл.

²⁵² В оригинале здесь арабский. Судя по всему, цитируются известные в то время литературные произведения.

²⁵³ В бесполезных страстях.

²⁵⁴ В оригинале используются и *диван*, и *киتاب*. По всей видимости, Аттар обыгрывает оба слова — это «книга» записи поступков человека, а также его поэма, в правильности положений которой, как и в её необходимости, он не может быть полностью уверен.

²⁵⁵ Низам аль-Мулк (1018–1092), великий визирь Сельджукидов.

²⁵⁶ Оборот «за полу щедрости» связан со старинным обычаем подданных касаться края одеяния правителя, вместо того чтобы взять руку правителя, когда последний, чуть склоняясь, подавал свою руку в знак милости и благоволения.

²⁵⁷ «Вселенная» здесь означает всех мыслимых живых существ.

²⁵⁸ Подразумевается, что Бог, Всемогущий и Всеведущий, всегда может показать человеку его подлинное лицо, в том числе всю человеческую грязь, но всё-таки не делает этого.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь Аттара	3
Замечания о данном переводе	12
Логика птиц	18
Обращение к читателям	26

ЛОГИКА ПТИЦ

Введение

О создании мира	29
Воин и пленник	32

Начало книги

Слово об Удоде	38
Слово о Симурге	41
Слово о Соловье	42
Дочь шахрияра	44
Слово о Попугае	45
Безумец и Хизр	46
Слово о Павлине	46
Адама изгоняют из рая	48
Слово об Утке	48
Безумца расспрашивают о двух мирах	50
Слово о Куропатке	50
Кольцо Сулеймана	52
Слово о Хоме	53
Махмуд снится святому	54
Слово о Соколе	55

Любовь падишаха к слуге.....	56
Слово о Цапле	57
Дозорный	58
Слово о Сове	59
Золото покойного.....	60
Слово о Зяблике	60
Йакуб в разлуке с Йусуфом	61
Птицы расспрашивают Удода	63
Ответ Удода птицам	64
Прекрасный падишах и его зеркало	65
Искандар-посланец.....	67
Недуг Аяза	67
Шейх Санаан	69
Состояние птиц, собравшихся в путь.....	94
Вопрос Баязида	95
Масуд и рыбак.....	98
Суфию снится казнённый	99
Махмуд и дровосек.....	100
Довод первой птицы	102
Ответ Удода	103
Шейх из Нугана в Нишапуре	105
Глупец требует у Бога одежду.....	106
Просьба Рабийи	107
Безумец и знатный человек.....	107
Вопрос второй птицы	108
Ответ Удода	108
О том, кто много грехов совершил.....	108
Архангел.....	109
Багдадский шейх и продавец мёда	111
Бог упрекает Мусу	111
Умерший грешник	112
Аббас рассказывает о Дне Суда.....	113
Довод третьей птицы	114
Ответ Удода	114
Шибли пропал из Багдада	115
Ссора суфиев	116
Нищий влюбляется в царя Египта	117
Довод четвертой птицы.....	118
Ответ Удода	118
Могильщик.....	119
Аббас спрашивает присутствующих	119
Пир и падишах	120

Две лисы	121
Довод пятой птицы	122
Ответ Удода	122
Суфий жалуется на дьявола	122
Ответ Малика Динара	123
Ходжа просит Бога	124
Совет верующего	125
Довод шестой птицы	125
Ответ Удода	125
Спрятавший золото	127
Шейх ал-Басри и Рабийя	128
Птица и правоверный	128
Довод седьмой птицы	129
Ответ Удода	130
Шахрияр строит дворец	130
Хоромы купца	131
Паук	131
Беседа в пустыне	133
Шедший за гробом	134
Сгоревшее благовоние	134
Довод восьмой птицы	134
Ответ Удода	135
Плакавший перед Шибли	136
Продавший свою наложницу	136
Хосров и собака	137
Смерть Халладжа	139
О Джунейде	139
Довод девятой птицы	140
Ответ Удода	140
Феникс	141
Идущий за гробом отца	143
Смерть флейтиста	143
Иса и кувшин	144
О Сократе	145
Довод десятой птицы	145
Ответ Удода	146
Суфий и напиток	146
Падишах и мавр	147
Знатный человек спрашивает суфия	147
Старушка спрашивает шейха Майхани	148
Ещё о Джунейде	148
Летучая мышь	149

Вопрос одиннадцатой птицы.....	150
Ответ Удода	150
Возвращение хосрова в город	151
Сон ходжи	152
Шейх Харакани при смерти.....	154
О том, кому султан даровал наряд.....	154
Вопрос двенадцатой птицы	155
Ответ Удода	155
Туркестанский пир	156
Шейх Харакани и баклажан	156
Рассказ Зоннуна.....	157
Наблюдение тринадцатой птицы	158
Ответ Удода	158
Старуха покупает Йусуфа	159
Жалующийся на свою нищету	160
О шейхе Гури.....	160
Безумец плачет в полночи	161
Вопрос четырнадцатой птицы	162
Ответ Удода	162
Имам Ахмед Ханбал.....	162
Индийский раджа и Махмуд.....	163
Воин-мусульманин и неверный.....	164
Братья Йусуфа	166
Вопрос пятнадцатой птицы	168
Ответ Удода	168
Слуги правителя Хорасана	169
Голый безумец	170
О взявшем ишака напрокат	170
Голод в Египте.....	171
Рассказ о безумце, побитом камнями	171
Кладбище иудеев.....	172
Вопрос шестнадцатой птицы.....	173
Ответ Удода	173
Покинувший мир Баязид снится мюриду	173
Влюблённый дервиш.....	174
Махмуд в гостях у банщика	175
Водонос	177
Довод семнадцатой птицы	178
Ответ Удода	178
Абу Бакр Нишапури.....	179
Бог предлагает Мусе узнать секрет дьявола	180
Мнение верующего.....	181

Шейх и собака	181
История о верующем, жившем во времена Мусы.....	182
Глупец с большой бородой.....	183
Суфий и стирка	184
Вопрос восемнадцатой птицы	184
Ответ Удода	184
Безумец танцует в горах.....	185
О плакавшем при смерти.....	185
О радовавшемся своему прекрасному Богу	186
Пьяница в мешке.....	186
Любовь храбреца	187
Надзиратель.....	188
Вопрос девятнадцатой птицы.....	188
Ответ Удода	188
Абу Али Рудбари	189
Бог и Давуд.....	190
Аяз на троне.....	190
Молитва Рабийи.....	192
Бог обращается к Давуду.....	192
О Лате	193
Битва Махмуда с индусами	194
Вопрос двадцатой птицы.....	196
Ответ Удода	196
Зулейха и Йусуф	196
Ходжа Занги и его мавр	198
Абу Али Туси	198
Просьба к Пророку.....	199
Вопрос двадцать первой птицы.....	200
Ответ Удода	200
Стоянка желания	201
О том, как Иблис не поклонился Адаму	202
Шибли при смерти	203
Маджнун на тропинке	204
Замечание Йусуфа Хамадани	204
Старик успокаивает шейха Майхани.....	205
Махмуд и хакбиз	206
Рабийя упрекает суфия	207
Стоянка любви	207
Ходжа и мальчик.....	208
Маджнун и шкура	209
Нищий влюбляется в Аяза.....	210
Араб в Персии	213

Ибрахим при смерти.....	214
Стоянка познания.....	215
О превратившемся в камень.....	217
Незадачливый влюблённый.....	218
Влюблённый часовой.....	218
Аббас говорит о любви.....	220
Махмуд в развалинах.....	221
Стоянка состоятельности.....	221
Юноша, упавший в яму.....	223
Мнение Йусуфа Хамадани о бытии.....	224
Простоватый мудрец.....	225
Отказ святого.....	226
Муха и мёд.....	227
Шейх и дочь псаря.....	228
Мюрид спрашивает шейха о присутствии.....	229
Стоянка единобожия.....	229
Суфий расспрашивает безумца.....	230
Абу Али и старуха.....	230
Мавр из Серахса.....	231
Возлюбленный тонет.....	232
Тайна Аяза.....	233
Стоянка изумления.....	235
Шахская дочь и невольник.....	236
Мать и умершая дочь.....	241
Суфий и потерянный ключ.....	242
О шейхе Насрабади.....	243
Ученик видит во сне умершего учителя.....	244
Стоянка нищеты.....	244
О Ма'шуге Туси.....	245
Плачущий от радости.....	245
История мотыльков.....	246
Суфий, с коим дурно обошлись.....	247
Нищий влюбляется в сына султана.....	248
Нури отвечает правоверному.....	253
Ещё о Маджнуне.....	257
Птицы и мотылёк.....	257
Продажа Йусуфа и история тридцати птиц.....	258
Ещё о Халладже.....	261
Падишах и сын визиря.....	263
Эпилог.....	273
Последний совет Искандара.....	276
Пир отвечает суфию.....	278

Знающий путь при смерти	280
Святой при смерти	281
Мнение знающего	282
Суфий видит во сне умершего Шибли	283
Вопрос пира, идущего по пути	284
Абу Саид Майхани и пьяный	285
Ариф просит Бога о прощении	286
Уход Низама аль-Мулка	286
Сулейман и муравей	287
Абу Саид в бане	288
<i>Примечания</i>	289

Аттар, Фарид ад-Дин Мухаммад

Логика птиц

Перевод с персидского: *Мостафа Борзуи*
Корректор: *Елена Крошкина*

Оформление:

концепция *Мостафа Борзуи*
художник *Екатерина Стешова*
оригинал-макет *Сергей Хос*

ترجمه از فارسی به روسی

« منطق الطیر »

اثر فرید الدین محمد بن ابراهیم نیشابوری

مترجم: مصطفی برزویی

Издательство «Номос»

e-mail: nomosbooks@mail.ru

Приглашаем к сотрудничеству переводчиков
и книготорговые организации.

Подписано в печать 12.05.2009.

Формат 84x108/32. Печ. л. 9,75.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ № 296.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ЗАО «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а.

Шейх Фарид ад-Дин Аттар Нишапури — духовный наставник и блистательный поэт, живший в XII в. Данное издание представляет собой никогда не публиковавшийся на русском языке перевод знаменитой поэмы Аттара «Логика птиц», название которой может быть переведено и как «Язык птиц».

Поэма является одной из жемчужин персидской литературы. Сюжет её связан с историей о путешествии птиц, пожелавших отыскать своего Господина, легендарного Симурга, — эта аллегория отсылает к историям о реальных духовных странствиях людей, объединившихся во имя совместного поиска Истины.

«Логика птиц» оказалась среди классических произведений, являющих собой образец сбалансированного изложения многих принципов и нюансов духовного пути. Критики отмечали, что Аттару в иносказательной, аллегорической форме удалось не только выразить очень многое, но и создать тонкий аромат недосказанности и тайн, для обозначения которых в обычном языке нет адекватных понятий и слов. Это сочетание позволяло поэме на протяжении веков сохранять свою актуальность для множества людей, сделавших духовную практику стержнем своего существования.

И в наше время этот старинный текст волнует тех, кто неравнодушен к собственной судьбе. «Логика птиц» погружает вдумчивого читателя в удивительный мир Аттара, поэта и мистика, и помогает ищущим в создании необходимых внутренних ориентиров.

ISBN 978-5-9900868-4-5

9 785990 086845